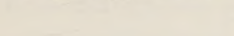
СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXVI, № 8.

КЪ ВОПРОСУ
О ПРОИСХОЖДЕНІИ ХРОНОГРАФА.

А. А. ШАХМАТОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1899.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

Іюнь 1899 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

КЪ ВОПРОСУ

О ПРОИСХОЖДЕНІИ ХРОНОГРАФА.

Настоящая статья вызвана изученіемъ источниковъ, по которымъ въ серединѣ XVI вѣка составился лѣтописный сборникъ, извѣстный подъ названіемъ «Никоновской лѣтописи». Обратившись къ вопросу о составѣ и редакціи хронографовъ, которыми пользовался составитель этого сборника, я пришелъ къ нѣкоторымъ выводамъ, несогласнымъ съ высказаннымъ до сихъ поръ въ весьма впрочемъ скудной литературѣ по этому предмету. Рѣшаюсь подвергнуть ихъ обсужденію изслѣдователей нашей древней письменности, прежде чѣмъ приступить къ обнародованію результатовъ моей работы надъ текстомъ Никоновской лѣтописи.

Наиболѣе полнымъ и въ извѣстномъ родѣ классическимъ изслѣдованіемъ хронографовъ нашей древней письменности остается до сихъ поръ «Обзоръ хронографовъ русской редакціи» А. Н. Попова (М. 1866—1869). Со времени выхода этой книги были открыты новые списки хронографовъ, указаны нѣкоторые новые ихъ источники, установлена нѣсколько иная связь между ихъ редакціями, но главныя положенія Попова остались не опровергнутыми. Положенія эти можно вкратцѣ формулировать слѣдующимъ образомъ.

Хронографъ — это сборникъ, составленный въ XV вѣкѣ по юго-славянскимъ переводнымъ и оригинальнымъ сочиненіямъ, дополненный при этомъ русскими лѣтописными статьями. Происхожденіе хронографа юго-славянское: но вскорѣ онъ былъ перенесенъ въ Россію и здѣсь подвергся пересмотру. Результатомъ одного пересмотра явилась редакція 1512 года, при чемъ хронографъ подъ перомъ русскаго книжника подвергся измѣненіямъ въ языкѣ, снабженъ русскими глоссами и русскими лѣтописными статьями. Результатомъ другого пересмотра оказалась редакція, сохранившаяся въ спискѣ Толст. собр. (Отд. I, № 172): редакція эта неполная (она начинается съ Александріи), статьи хронографа не подверглись, какъ въ редакціи 1512 года, раздѣленію на главы, но въ ней яснѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ, сохранились слѣды юго-славянскаго извода, при чемъ на основаніи ея можно придти къ слѣдующимъ выводамъ объ отношеніи редакціи 1512 года къ юго-славянской, основной редакціи хронографа: основной изводъ хронографа былъ очень близокъ къ редакціи 1512 года, но юго-славянскія статьи читались въ немъ съ нѣкоторыми отличіями въ расположеніи и объемѣ; русскихъ лѣтописныхъ статей, и тѣмъ болѣе историческихъ повѣстей, въ немъ вовсе не было, оканчивался же онъ повѣстью о взятіи Царяграда, но не тою, которую находимъ въ спискахъ редакціи 1512 года (а повидимому тою, которая читается въ Толстовскомъ спискѣ). Итакъ, задача изслѣдователя судьбы хронографа послѣ выводовъ Попова сводится главнымъ образомъ къ возстановленію того основного юго-славянскаго извода, существованіе котораго предположено въ виду имѣющихся на лицо двухъ русскихъ редакцій, изъ которыхъ ни одна не можетъ быть признана основною по отношенію къ другой. Систематическое сравненіе Толстовскаго списка (и сходныхъ съ нимъ списковъ) со списками редакціи 1512 года— вотъ путь, по которому можно придти къ рѣшенію этой задачи. Къ сожалѣнію, самъ Поповъ въ своемъ систематическомъ обзорѣ хронографа 1-ой редакціи (вып. 1-й, стр. 95—215) не руководствовался выводами, изложенными во 2-мъ выпускѣ (стр. 22—

25), и потому онъ не далъ сравнительнаго обзора двухъ различныхъ древнѣйшихъ редакцій хронографа, ограничившись попутнымъ указаніемъ отличій Толстовскаго списка отъ списковъ, раздѣленныхъ на главы: очевидно, къ приведеннымъ выше выводамъ А. Н. Поповъ пришелъ только къ концу своего изслѣдованія, когда 1-й выпускъ Обзора былъ уже напечатанъ. Особенно цѣнны выводы автора относительно источниковъ, послужившихъ при составленіи хронографа. Правда, важнѣйшіе источники были уже указаны А. М. Лазаревскимъ (Извѣстія Втораго Отд. VIII, 384—390 и IX, 115—127), но систематическому разсмотрѣнію они подвергнуты впервые Поповымъ, которому удалось сдѣлать рядъ самостоятельныхъ указаній. Въ этомъ отдѣлѣ труда почтеннаго изслѣдователя нельзя не отмѣтить одного существеннаго пробѣла, въ значительной степени повліявшаго на выводы, высказанные во 2-мъ выпускѣ Обзора и принятые многими послѣдующими изслѣдователями. Поповъ не обратилъ достаточнаго вниманія на вопросъ о русскихъ источникахъ хронографа. Среди этихъ источниковъ выдѣляются съ одной стороны русскія историческія компиляціи, вродѣ тѣхъ, которыя остановили вниманіе автора и которымъ онъ въ своемъ Обзорѣ хронографовъ русской редакціи отвелъ вполнѣ подобающее мѣсто (Еллинскій и римскій лѣтописецъ, вып. 1-й, стр. 1 — 94); съ другой стороны — лѣтописи и историческія повѣсти: отъ внимательнаго и осторожнаго изслѣдователя ускользнуло, что въ обѣихъ древнѣйшихъ редакціяхъ хронографа читаются нѣкоторыя общія, заимствованныя изъ русскихъ источниковъ, статьи, при чемъ это обстоятельство прямо свидѣтельствуетъ, что уже въ распоряженіи составителя основного извода хронографа находились источники русскаго происхожденія: между тѣмъ, характеризуя составъ этого предполагаемаго основного извода, Поповъ (вып. 2-й, стр. 25) допускалъ, что въ немъ «вовсе не было русскихъ лѣтописныхъ статей, а тѣмъ болѣе историческихъ повѣстей». Я думаю, что одной изъ основныхъ задачъ при изслѣдованіи состава хронографа должно быть выясненіе взаимнаго отношенія хронографа

и Еллинскаго лѣтописца. Самъ Поповъ сдѣлалъ рядъ указаній на то, что въ хронографѣ есть статьи общія съ Еллинскимъ лѣтописцемъ (вып. 1-й, стр. 108, 117, 118, 119, 122, 127, 128, 139 и др.), при чемъ на стр. 117 онъ допускаетъ возможность того, что отрывокъ изъ Малалы, слѣдующій за перечнемъ персидскихъ царей, взошелъ въ хронографъ путемъ Еллинскаго лѣтописца, «потому что въ послѣднемъ онъ передается точно въ такой же формѣ», какъ въ хронографѣ, а на стр. 19-й 2-го выпуска онъ высказывается еще опредѣленнѣе: «немногія выписки изъ Хроники Іоанна Антіохійскаго Малалы всѣ находятся и въ Еллинскомъ лѣтописцѣ, и могли быть оттуда заимствованы». Тѣмъ не менѣе Поповъ нигдѣ не назвалъ Еллинскій лѣтописецъ прямымъ источникомъ хронографа: изъ стр. 17-й 2-го выпуска, гдѣ онъ говоритъ о первыхъ опытахъ историческихъ компиляцій, ясно, что авторъ Обзора даже не задавался вопросомъ, не былъ ли Еллинскій лѣтописецъ прототипомъ, образцомъ послѣдующаго историческаго сборника—хронографа. Можетъ быть, это зависѣло частью отъ того ошибочнаго взгляда на время составленія 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца, котораго придерживался А. Н. Поповъ въ своемъ Обзорѣ: на стр. 17-й 2-го выпуска время составленія 2-й редакціи относится къ XVI вѣку, а на 76-й стр. 1-го выпуска высказывается возможность заимствованія во вторую редакцію Еллинскаго лѣтописца статьи о смерти пророка Даніила изъ хронографа редакціи 1512 года. Я такъ рѣшительно назвалъ ошибочнымъ взглядъ Попова на позднее происхожденіе Еллинскаго лѣтописца второй редакціи между прочимъ потому, что самъ онъ впослѣдствіи, описывая Чудовской списокъ Еллинскаго лѣтописца XV вѣка, пришелъ къ слѣдующему выводу: «Чудовской списокъ представляетъ древній видъ такъ называемой 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца... Судя по времени Чудовского списка, происхожденіе ея должно быть изъ XVI в. перенесено къ половинѣ XV вѣка». (Библіогр. мат. А. Н. Попова, изд. въ 1889 г. въ Чтеніяхъ Общ. ист. и др. росс., № XVIII, стр. 11). Въ виду этого и указанныхъ самимъ Поповымъ мѣстъ,

общихъ между хронографомъ и второю редакціею Еллинскаго лѣтописца (напр. вып. 1-й, стр. 76, 139, 127, 128), считаю несомнѣннымъ, что составитель хронографа пользовался, какъ источникомъ, Еллинскимъ лѣтописцемъ второй редакціи — памятникомъ русскаго происхожденія (ср. вып. 2-й, стр. 17). Впрочемъ, къ тому же выводу подошелъ уже другой изслѣдователь судебъ нашего памятника и ниже мы еще разъ вернемся къ этому вопросу.

Разсматривая русскія статьи хронографа, Поповъ заключилъ, что онѣ вставлены позднѣе на Руси въ юго-славянскій оригиналъ хронографа (ср. вып. 2-й, стр. 22, 25, 59, 62 и др.). Этотъ выводъ основывается главнымъ образомъ на отсутствіи русскихъ статей въ той редакціи хронографа, которая сохранилась въ Толстовскомъ спискѣ: но если давать такое значеніе, при возстановленіи первоначальнаго состава хронографа, сравнительному изученію обѣихъ русскихъ редакцій, то съ такимъ же основаніемъ можно утверждать, что присутствіе той или другой статьи въ обѣихъ редакціяхъ доказываетъ принадлежность ея и основному изводу хронографа. Вотъ почему, находя въ статьѣ о Темирѣ, иже побѣди Баозита царя, русскія добавленія (и при томъ общія), какъ въ редакціи 1512 года, такъ и въ редакціи Толстовскаго списка, мы въ правѣ заключать о томъ, что тѣ же добавленія читались и въ основномъ изводѣ хронографа. Равнымъ образомъ, находя, какъ въ спискахъ редакціи 1512 года (Чудовской списокъ № 52/354, ср. замѣчанія Сперанскаго, издателя Библіогр. мат. Попова, стр. 57; то же въ хронографѣ Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря и въ спискѣ Погод. № 1402 а), такъ и въ Толстовскомъ спискѣ русское извѣстіе о женитьбѣ императора Мануила на Аннѣ, дочери Василія Дмитріевича[1]), заключаемъ, что это извѣстіе находилось и въ основномъ изводѣ хронографа. Читая въ главѣ 200-й редакціи 1512 года и въ Толстовскомъ спискѣ дословно сходный раз-

1) Извѣстіе неточное, такъ какъ Анна вышла замужъ въ 1414 году не за Мануила, а за сына его Іоанна (см. ниже).

сказъ о русскомъ событіи 1340 года, заключаемъ, что онъ принадлежалъ уже основному изводу хронографа и т. д. Такимъ образомъ сравнительное изученіе обѣихъ древнѣйшихъ редакцій хронографа приводитъ къ выводу, совершенно несогласному съ выводами Попова: составитель *основного* извода хронографа включилъ въ него, русскія лѣтописныя статьи и даже историческія повѣсти.

Насколько я знаю, наиболѣе обстоятельная оцѣнка труда Попова была сдѣлана въ 1877 году И. В. Ягичемъ въ его статьѣ Ein Beitrag zur serbischen Analistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung (Archiv f. sl. Ph., B. II, ss. 1—109). Разсматривая переводные и оригинальные историческіе источники сербскаго лѣтописанія, Ягичъ касается и тѣхъ сочиненій, которыми, по указанію Попова, пользовались собиратели русскихъ хронографовъ; при этомъ авторъ вноситъ въ трудъ Попова двѣ немаловажныя поправки. Собиратель русскаго хронографа, извѣстнаго въ редакціи 1512 года, пользовался не подлинной Доментіановою редакіей житія св. Саввы, какъ указывалъ Поповъ (вып. 2, стр. 41), а такъ называемою Ѳеодосіевскою редакціей этого житія (Ягичъ, стр. 37)[1]); послѣдняя статья хронографа, посвященная сербской исторіи, — «Царство сербское и о запустѣніи его», источникъ которой остался для Попова неизвѣстнымъ (вып. 2, стр. 53), цѣликомъ заимствована, по указанію Ягича, изъ послѣднихъ главъ Константинова житія Стефана Лазаревича, не сохранившихся въ той сокращенной и искаженной редакціи его, которая была доступна Попову (Ягичъ, стр. 43). Переходя къ вопросу о происхожденіи сербскихъ хронографовъ, Ягичъ останавливается на слѣдующихъ двухъ выводахъ Попова: а) собиратель хронографа, сохранившагося въ редакціи 1512 года, пользовался для своей компиляціи византійскими источниками въ славянскихъ

1) Впрочемъ, самъ Поповъ исправилъ свою ошибку въ прим. на стр. 41, изъ котораго видно, что собиратель хронографа давалъ извлеченія изъ редакціи, изданной Даничичемъ въ 1860 году (и ошибочно названной издателемъ Доментіановою).

переводахъ, а также историческими сочиненіями, извѣстными въ сербской, болгарской и русской письменности; на основаніи этихъ источниковъ онъ довелъ свой трудъ до 1453 года, начавъ съ разсказа о сотвореніи міра; б) хотя хронографъ извѣстенъ только въ спискахъ русской редакціи, но въ основаніи этой редакціи, составленной въ 1512 году, лежитъ юго-славянская и при томъ, вѣроятно, сербская компиляція, относящаяся ко времени послѣ 1453 года: этотъ предполагаемый сербскій изводъ хронографа долженъ быть признанъ прототипомъ всѣхъ русскихъ хронографовъ, обосложнившимся русскими статьями уже по переходѣ его въ Россію. Съ первымъ выводомъ Попова Ягичъ вполнѣ соглашается, но второй выводъ встрѣчаетъ съ его стороны справедливыя возраженія. Во 1-хъ имѣющіеся на лицо юго-славянскіе хронографы (Ягичъ упоминаетъ пять списковъ и между ними Житомислическій и Реметскій) ясно обнаруживаютъ свое русское происхожденіе; во 2-хъ сохранившіеся отъ конца XV и начала XVI вѣка сербскіе лѣтописные своды не имѣютъ ничего общаго съ Хронографомъ, при чемъ сравнительное изученіе этихъ памятниковъ показываетъ, что ни собиратель хронографа не былъ знакомъ съ сербскими лѣтописями, ни составители сербскихъ лѣтописныхъ сводовъ не воспользовались, хотя бы въ отдѣлахъ, посвященныхъ всемірной исторіи, матеріалами, заключавшимися въ Хронографѣ. Кромѣ того, сопоставленіе литературныхъ пріемовъ собирателя Хронографа и сербскихъ лѣтописцевъ показываетъ, что они дѣйствовали въ двухъ совершенно различныхъ обстановкахъ: такъ въ особенности несходно отношеніе собирателя Хронографа къ имѣвшимся въ его распоряженіи сербскимъ источникамъ (при томъ весьма ограниченнымъ) съ отношеніемъ къ тѣмъ же источникамъ сербскихъ лѣтописцевъ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, Ягичъ рѣшительно высказывается противъ юго-славянскаго (сербско-словинскаго) происхожденія Хронографа, утверждая, что обратно сербскіе хронографы представляются позднѣйшими извлеченіями и сокращеніями изъ извѣстныхъ намъ русскихъ редакцій Хронографа.

Къ сожалѣнію, эта важная статья Ягича недостаточно извѣстна въ нашей ученой литературѣ: этимъ объясняется то, что М. Н. Сперанскому пришлось, почти двадцать лѣтъ послѣ ея выхода, снова поднимать вопросъ объ отношеніи сербскихъ хронографовъ къ русскому, а также и то, что Истринъ до сихъ поръ держится основныхъ положеній, высказанныхъ Поповымъ относительно юго-славянскаго происхожденія нашего Хронографа (ср. замѣчанія Ягича въ XVI томѣ Archiv f. sl. Ph., стр. 225). Впрочемъ, если изслѣдованія М. Н. Сперанскаго и В. М. Истрина не прибавили ничего новаго къ вопросу о происхожденіи нашего хронографа, то пролили немало свѣта на темные вопросы о составѣ, а въ особенности редакціяхъ хронографа. Остановлюсь поэтому на послѣднихъ работахъ этихъ выдающихся изслѣдователей нашей древней литературы.

Сперанскій въ своей статьѣ «Сербскіе хронографы и русскій первой редакціи» (Русск. Филол. Вѣстн. 1896 г.), а также въ своемъ описаніи рукописей Шафарика («Рукописи П. І. Шафарика въ Прагѣ», см. Чт. Общ. ист. и др. росс. 1894 года) сообщилъ рядъ данныхъ, по которымъ теперь возможно ближайшимъ образомъ опредѣлить отношеніе сербскихъ хронографовъ къ русскимъ. Приведя вѣскія доказательства въ пользу высказаннаго уже Ягичемъ предположенія о томъ, что юго-славянскіе хронографы сложились подъ вліяніемъ русскаго, Сперанскій, очевидно предположивъ существованіе одной общей основной сербской редакціи для извѣстныхъ ему сербскихъ хронографовъ, слѣдующимъ образомъ формулируетъ отношеніе этой редакціи къ русскому хронографу: «Сербскій текстъ хронографа представляетъ собой сокращеніе, особенно въ ветхозавѣтной части, редакціи 1512 года, а по особенностямъ ближе всего подходитъ къ Чудовскому (списку), не дѣленному на главы. Поэтому весьма возможно, что въ основѣ его лежитъ списокъ, подобный этому Чудовскому» (стр. 14—15 отдѣльнаго оттиска). Отмѣчу теперь же, что авторъ въ данномъ случаѣ не придаетъ значенія, и вполнѣ основательно, тому обстоятельству, что Чудовской спи-

сокъ не раздѣленъ на главы[1]); сербскій хронографъ основывался на спискѣ, раздѣленномъ на главы, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Сперанскаго: «при такомъ предположеніи (см. приведенную выше фразу) понятно и дѣленіе сербскаго хронографа на 100 главъ, при 208 главахъ русскаго хронографа» (стр. 15). Но тѣмъ не менѣе Чудовской списокъ занимаетъ по его мнѣнію какое-то особенное мѣсто среди другихъ списковъ редакціи 1512 года: вотъ почему онъ находитъ нужнымъ установить зависимость сербскихъ хронографовъ не прямо отъ редакціи 1512 года, а отъ списка, подобнаго Чудовскому; вотъ почему въ Дополненіяхъ къ Библ. мат. А. Н. Попова, XVIII (Чт. Общ. ист. и др. росс. 1889 г.) онъ выражается о Чудовскомъ спискѣ слѣдующимъ образомъ: «нашъ списокъ, хотя и не принадлежитъ къ раздѣленнымъ на главы, но содержитъ въ себѣ признаки списковъ, уже раздѣленныхъ на главы; съ другой стороны даетъ точки соприкосновенія со списками, не раздѣленными на главы. Отсюда можно опредѣлить его, какъ промежуточный между той и другой категоріей списковъ Хронографа 1-й редакціи». Ни въ какомъ случаѣ не могу согласиться съ этимъ выводомъ почтеннаго изслѣдователя: на основаніи представленныхъ имъ данныхъ, я пришелъ къ выводу, что Чудовской списокъ ничего существенно оригинальнаго, сравнительно съ другими списками редакціи 1512 года, не представляетъ; указанныя Сперанскимъ особенности, отличающія его отъ списковъ, описанныхъ Поповымъ, встрѣчаются и въ хронографѣ Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря и въ хронографѣ Погод. собр. № 1404 а (напр. добавленія во 2-й ст. 203-й главы, въ 1-й ст. 201-й главы, выписка изъ Манассіи въ 159-й главѣ и

---

1) Оригиналъ Чудовского списка былъ раздѣленъ на главы: это показалъ самъ Сперанскій въ Дополненіяхъ къ Библ. мат. А. Н. Попова, XVIII, основываясь на сохраненномъ въ спискѣ названіи 106-й главы. Опущеніе главъ замѣчается, начиная съ 107 главы, въ хронографѣ Воскр. Новоіер. монастыря: до 107-й главы главы обозначаются киноварными отмѣтками, а начиная съ 107-й главы—отмѣтками на поляхъ другими чернилами и другой рукой (кромѣ рѣдкихъ главъ: 124, 128, 129 и др.).

т. д.). Въ виду этого я не могу допустить предположенной Сперанскимъ промежуточной редакціи между двумя видами «1-й редакціи хронографа» и думаю, что пока мы можемъ говорить только о двухъ древнѣйшихъ редакціяхъ этого памятника—редакціи 1512 года и редакціи, сохранившейся въ Толстовскомъ и сходныхъ съ нимъ спискахъ. Поэтому сербскіе хронографы надо связать непосредственно съ редакціею 1512 года: ничто не доказываетъ, чтобы они восходили къ какой то промежуточной редакціи между обѣими древнѣйшими русскими редакціями. Этотъ выводъ, конечно, можетъ вызвать возраженіе въ виду нѣкоторыхъ данныхъ, тщательно отмѣченныхъ Сперанскимъ; а именно на стр. 14 своего изслѣдованія онъ указалъ, что въ одной особенности сербскіе хронографы прямо роднятся со списками, не раздѣленными на главы (Толстовскимъ и сходными), между тѣмъ какъ вообще они сходны со списками, раздѣленными на главы (къ нимъ относится, согласно предыдущему, и Чудовской). А именно: «замѣтка о переводѣ книги Іисуса сына Сирахова на русскій съ латинскаго (въ лѣто ҂а҃ ф҃ ꙁ҃ı), находящаяся въ Толстовскомъ спискѣ (см. А. Поповъ, стр. 123), передана *буквально* и въ спискѣ № 29; въ № 28 замѣнена общей фразой о томъ же, но безъ года». Извѣстно, что замѣтка о переводѣ Іисуса Сирахова въ спискахъ редакціи 1512 года не встрѣчается, между тѣмъ какъ она читается въ трехъ (изъ четырехъ извѣстныхъ) спискахъ редакціи, не раздѣленной на главы. Указаніе Сперанскаго имѣло бы рѣшающее значеніе и привело бы къ предположенію или того, что составитель сербскаго хронографа пользовался обѣими русскими редакціями, или — того, что существовала такая русская редакція, гдѣ совмѣщались особенности редакціи 1512 года и редакціи, не раздѣленной на главы, — если бы это указаніе было точно. Между тѣмъ оказывается, что № 28 изъ собр. Шафарика не содержитъ замѣтки о переводѣ книги Іисуса сына Сирахова; тамъ, какъ это видно изъ описанія Сперанскаго, читается лишь слѣдующее: при нѥм҆же (изъ контекста ясно, что при Антіохѣ) и исоусь сираховь въседобродѣтел҆ную моу҃рѡ҃ съчины

евреѡ (Рукописи П. І. Шафарика, стр. 90). То же находимъ во всѣхъ вообще спискахъ редакціи 1512 года, ср. въ Воскр. хроногр. (глава 105-я): при то иᲄ сираховъ премрыи и многодобродѣтелныи. Слѣдовательно, № 28, а также сходные съ нимъ хронографы — Шафариковскій № 26 (Рукоп. П. І. Шафарика, стр. 82—83), Житомислическій, Реметскій, Шишатовацкій, Требинскій (Сперанскій, стр. 6), не содержатъ въ себѣ особенностей, сближающихъ ихъ съ русскою редакціей, не раздѣленною на главы, и возводятся безъ малѣйшихъ затрудненій къ редакціи 1512 года. Совершенно иное должно сказать о № 29 собранія Шафарика, т. е. о такъ называемомъ Верхобрѣзницкомъ хронографѣ [1]): онъ также основывается на спискѣ русскаго хронографа, но не редакціи 1512 года, а редакціи, сходной съ тою, которая заключается въ спискахъ Толстовскомъ и сходныхъ съ нимъ (редакціи, не раздѣленной на главы). Это видно, какъ изъ того, что въ немъ помѣщена замѣтка о переводѣ книги Іисуса Сирахова на русскій языкъ, такъ и изъ того, что, вслѣдъ за хронографомъ, мы находимъ въ этой рукописи собранія Шафарика выписки изъ хроники Мартина Бѣльскаго (ср. описаніе Иречка и у Сперанскаго: Сербскіе хронографы, стр. 18; Рукописи П. І. Шафарика, стр. 98): тѣ же выписки, какъ извѣстно, сопровождаютъ хронографъ, не раздѣленный на главы (ср. Толстовскій, Поповскій, Буслаевскій и Виленскій списки этой редакціи хронографа) [2]). Составитель Верхобрѣзницкаго хронографа не ограничился заимствованіями изъ одного списка русскаго хронографа; онъ пользовался еще другимъ русскимъ же спискомъ

---

1) Ср. описаніе его, сдѣланное І. Иречкомъ въ Sitzungsberichte der königl. böhm. gesselsch. der wissensch. in Prag, 1879 г., стр. 128—146.

2) Ср. о Поповскомъ спискѣ—Викторовъ, Отчетъ Моск. Публ. и Рум. муз. за 1879—1882 г., стр. 2—3; о Буслаевскомъ и Толстовскомъ спискахъ — И. Бычковъ, Каталогъ собр. рук. Ѳ. И. Буслаева, стр. 227—228; о Виленскомъ—Добрянскій, Опис. рукописей Вил. публ. библ., стр. 255—258. Изъ приведенныхъ Иречкомъ выписокъ по Верхобрѣзницкому хронографу видно, что текстъ хроники Бѣльскаго тожественъ въ немъ съ текстомъ Толстовскаго, Буслаевскаго и др. списковъ.

хронографа, что видно изъ того, что въ немъ, «вмѣсто обычной хронографической статьи о взятіи Царяграда» (Сперанскій), читается отдѣльная повѣсть, изъ которой не взято только вступленіе (о созданіи Царяграда). Эта повѣсть, вошедшая въ позднѣйшую редакцію русскаго хронографа—1617 года, извѣстна и по нѣкоторымъ спискамъ хронографа XVI вѣка: однимъ изъ нихъ воспользовался Верхобрѣзницкій хронографъ. Но кромѣ этихъ двухъ русскихъ списковъ, названный хронографъ пользовался, какъ основнымъ источникомъ, сербскимъ хронографомъ и именно тою его редакціей, которая сохранилась въ Житомислическомъ и сходныхъ съ нимъ спискахъ. Это видно изъ важнаго указанія, сдѣланнаго Сперанскимъ на стр. 17, на то, что какъ въ сербскомъ хронографѣ № 28, такъ и въ хронографѣ № 29, выборка изъ русскаго хронографа подверглась аналогичнымъ, тожественнымъ дополненіямъ изъ статей второго перевода Амартола,—дополненіямъ, сдѣланнымъ въ Сербіи. Не могу согласиться въ дальнѣйшимъ выводомъ автора о томъ, что № 29 старше по своему составу, чѣмъ № 28; такъ, по крайней мѣрѣ, я понялъ слѣдующую фразу статьи Сперанскаго: Верхобрѣзницкій хронографъ «доказываетъ, что № 28 представляетъ не первичное сокращеніе текста русскаго хронографа, а уже послѣдующее; № 29 (т. е. Верхобрѣзницкій списокъ) во многихъ мѣстахъ сохраняетъ чтеніе русскаго списка тамъ, гдѣ № 28 уже сокращенъ». Изучая хронографы по даннымъ, сгруппированнымъ Сперанскимъ, я прихожу совсѣмъ къ инымъ выводамъ. Первая сербская редакція, сохранившаяся въ наиболѣе полномъ видѣ въ Реметскомъ хронографѣ и сокращенно въ № 28, Житомислическомъ и другихъ спискахъ, основалась на русской редакціи 1512 года, которую дополнила заимствованіями изъ второго перевода Амартола; вторая редакція, представителемъ которой является Верхобрѣзницкій хронографъ, положила въ основаніе первую, но дополнила ее новыми заимствованіями изъ Амартола, статьями изъ русскаго хронографа особой редакціи, а также и изъ другихъ, можетъ быть, немалочисленныхъ источниковъ.

Если изслѣдованіе Сперанскаго такъ важно потому, что ввело въ кругъ изученія русскаго хронографа сербскія его передѣлки, то работы Истрина освѣтили происхожденіе хронографа съ другой стороны: онѣ ясно установили взаимныя отношенія между древнѣйшими редакціями русскаго хронографа и, что особенно поучительно, указали на новый источникъ, которымъ пользовался составитель редакціи, не раздѣленной на главы. Изслѣдуя «Александрію русскихъ хронографовъ» (М. 1893), Истринъ естественно пришелъ къ необходимости болѣе точно опредѣлить связь между отдѣльными редакціями Александріи и, соотвѣтственно съ этимъ, между тѣми, послѣдовательно смѣнявшими одинъ другого, видами хронографа, гдѣ она помѣщается. При этомъ между прочимъ оказалось, что обѣ Александріи въ редакціи 1512 года и въ редакціи, не раздѣленной на главы, представляютъ настолько отличный одинъ отъ другого текстъ, что авторъ изслѣдованія рѣшился назвать текстъ Александріи въ редакціи, не раздѣленной на главы, третьею, а текстъ редакціи 1512 года—четвертою редакціею Александріи. Обѣ онѣ, какъ убѣдительно доказалъ Истринъ, восходятъ къ одной общей редакціи, при чемъ эта общая редакція представляла собой сокращеніе редакціи, извѣстной изъ Еллинскаго лѣтописца второй редакціи съ незначительными противъ нея дополненіями; источникомъ этихъ дополненій, какъ это указалъ еще Поповъ (вып. 1-й, стр. 119), послужила сербская Александрія. При этомъ, по замѣчанію Истрина, третья и четвертая редакціи Александріи связаны съ хронографами, заключавшими ихъ, т. е. онѣ не существовали отдѣльно отъ хронографа; редакторъ оригинала третьей и четвертой редакцій Александріи—онъ же и редакторъ первоначальнаго вида хронографа первой редакціи—взялъ вторую редакцію Александріи для своей переработки изъ Еллинскаго лѣтописца второй редакціи, а не изъ отдѣльнаго списка. Третья редакція Александріи (помѣщенная въ спискахъ редакціи, не раздѣленной на главы) по своему составу ближе къ своему оригиналу, чѣмъ четвертая, но послѣдняя сохранившійся текстъ передаетъ лучше, чѣмъ третья. Третья

и четвертая редакціи Александріи въ отдѣльномъ существованіи получили каждая по нѣскольку добавленій; источникомъ добавленій третьей редакціи былъ Паралипоменъ Зонары. Я изложилъ выводы автора собственными его словами, руководствуясь текстомъ «Положеній къ диссертаціи», но предварительно провѣрилъ ихъ на основаніи того, вполнѣ документальнаго матеріала, который далъ Истринъ въ своемъ изслѣдованіи и въ приложеніи къ нему. Вполнѣ присоединяясь къ приведеннымъ выводамъ автора, не могу согласиться съ нимъ лишь въ одномъ пунктѣ: онъ не доказалъ своего положенія о томъ, что четвертая редакція въ отдѣльномъ существованіи получила нѣсколько добавленій; изъ приведенныхъ на стр. 276—278 сопоставленій скорѣе можно заключить, что то лишнее, что читается въ четвертой редакціи, съ одной стороны противъ второй, а съ другой противъ третьей редакціи, восходитъ къ общему для третьей и четвертой редакціи оригиналу. Конечно, это нисколько не подрываетъ вѣрности сдѣланнаго Истриномъ указанія на то, что нѣкоторые списки четвертой редакціи (напр. Погод. № 1441) дѣйствительно сдѣлали кое-какія самостоятельныя заимствованія изъ сербской Александріи. На стр. 283 Истринъ сопоставляетъ свои выводы о редакціяхъ Александріи съ тѣми выводами о редакціяхъ хронографа, къ которымъ въ свое время пришелъ Поповъ. «Нѣкоторые изъ этихъ выводовъ, говоритъ авторъ, прямо совпадаютъ съ тѣми, которые можно сдѣлать изъ разбора Александріи: какъ оба вида хронографа, такъ и обѣ редакціи Александріи восходятъ къ одному оригиналу, представляя собою, какъ тѣ такъ и другіе въ отдѣльности, самостоятельныя обработки». Къ сожалѣнію, Истринъ поспѣшилъ согласиться и съ другими выводами Попова и не посвятилъ нѣкотораго труда на то, чтобы и на основаніи другихъ статей хронографа рѣшить вопросъ о взаимномъ отношеніи редакціи 1512 года и редакціи, не раздѣленной на главы. А между тѣмъ онъ располагалъ всѣми данными для разработки этого вопроса, имѣя подъ руками списки обѣихъ указанныхъ редакцій. Такъ между прочимъ свой выводъ, сдѣланный

на основаніи текста Александріи, о томъ, что составитель редакціи, не раздѣленной на главы, пользовался, какъ источникомъ, Паралипоменомъ Зонары, онъ не повѣрилъ на прочихъ статьяхъ хронографа и не замѣтилъ, что этотъ выводъ, впрочемъ тщательно доказанный (стр. 263—264 и 282), находитъ блестящее подтвержденіе въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ хронографа, не раздѣленнаго на главы: изъ Обзора Попова видно, что разсказъ о царствованіи Василія, сына Романова, въ редакціи 1512 года (а также, въ чемъ трудно усомниться, въ первоначальной редакціи хронографа) основывается на Манассіи, между тѣмъ какъ редакція, не раздѣленная на главы (Толст. сп.), замѣнила его другимъ источникомъ — Паралипоменомъ Зонары (Обзоръ, вып. 1-й, стр. 179).

Слѣдуя Попову, авторъ принимаетъ на вѣру юго-славянское происхожденіе хронографа (стр. 284); не приведя какихъ бы то ни было доказательствъ въ пользу этого мнѣнія Попова (замѣчу, что оно высказано въ Обзорѣ лишь въ видѣ предположенія), Истринъ спѣшитъ распространить его и на происхожденіе основной для третьей и четвертой — редакціи Александріи. Замѣчательно, что сама Александрія представляетъ ясныя доказательства противъ юго-славянскаго происхожденія: Истринъ доказалъ, что уже въ основной редакціи, т. е. въ общемъ оригиналѣ третьей и четвертой редакцій, находилась слѣдующая фраза: Александръ по греческы речеса по роусскы же глетьса избрань (она есть и въ третьей и въ четвертой редакціяхъ Александріи); выводъ отсюда ясенъ: этотъ оригиналъ писанъ въ Россіи. Далѣе Истринъ совершенно правильно сопоставляетъ эту русскую глоссу съ тѣмъ обстоятельствомъ, что составитель оригинала третьей и четвертой редакцій пользовался, какъ источникомъ, русскимъ памятникомъ — Еллинскимъ лѣтописцемъ второй редакціи (здѣсь авторъ расходится съ Поповымъ): это думаю еще болѣе подтверждаетъ только что сдѣланный выводъ о томъ, что оригиналъ третьей и четвертой редакцій Александріи составленъ въ Россіи (ср. Истринъ, стр. 285—286). Однако авторъ разбираемаго изслѣдова-

нія не только не рѣшается сдѣлать этого вывода, но даже лишаетъ приведенные имъ же доводы всякой доказательной силы слѣдующею фразой: «съ другой стороны доводы А. Н. Попова въ пользу юго-славянскаго происхожденія хронографа, очень убѣдительны». Чтобы объяснить существованіе русской глоссы въ юго-славянскомъ оригиналѣ, Истринъ прибѣгаетъ къ слѣдующей гипотезѣ: юго-славянскій оригиналъ хронографа, «прежде нежели подвергнуться всякаго рода переработкамъ, попалъ въ руки русскаго читателя, который и дополнилъ его нѣсколькими русскими глоссами, перешедшими въ извѣстные намъ виды хронографа первой редакціи». Странно, что Истринъ не замѣтилъ, что этимъ предположеніемъ вовсе не разрѣшается вопросъ объ Еллинскомъ лѣтописцѣ, такъ основательно выдвинутый имъ же нѣсколько строкъ выше приведеннаго мѣста; впрочемъ, самъ авторъ опровергаетъ свою гипотезу, допустивъ, опять таки въ видѣ предположенія, подтверждающаго мнѣніе Попова о юго-славянскомъ происхожденіи хронографа, что юго-славянскій оригиналъ попалъ въ Россію двоякимъ путемъ — съ одной стороны черезъ южную Русь, гдѣ онъ, подвергшись передѣлкѣ, легъ въ основаніе редакціи, не раздѣленной на главы, съ другой черезъ сѣверную Русь, гдѣ онъ въ 1512 году подвергся пересмотру и породилъ редакцію, раздѣленную на 208 главъ. Ясно, что, принявъ это предположеніе, нельзя согласиться съ слѣдующимъ за нимъ, по которому редакція 1512 года и редакція, не раздѣленная на главы, восходятъ къ одному общему юго-славянскому оригиналу, снабженному, при переходѣ его въ Россію, нѣкоторыми русскими глоссами. Мнѣ кажется, что Истринъ на стр. 285—286 убѣдительно доказалъ, что основная редакція хронографа составлена въ Россіи: все высказанное имъ на стр. 286 только подтверждаетъ эти доказательства, такъ какъ показываетъ, къ какимъ несообразностямъ должно привести противоположное мнѣніе. Считаю нужнымъ остановиться на высказанномъ здѣсь и повторенномъ въ другомъ мѣстѣ (Истринъ: Хронографы въ русской литературѣ, Визант. Вр., V, стр. 144) предположеніи

о южно-русскомъ происхожденіи редакціи, не раздѣленной на главы; оно основывается на томъ, «что изъ трехъ извѣстныхъ списковъ хронографа, не раздѣленнаго на главы, два списка Публичн. Музея—бывшій Попова и Н. С. Тихонравова, происхожденія южно-русскаго». Изученіе языка Толстовскаго списка (смѣшеніе ы и и) приводитъ къ убѣжденію, что и онъ происхожденія южно-русскаго[1]), такъ что изъ пяти списковъ хронографа, не раздѣленнаго на главы (Поповскаго, Тихонравовскаго, Буслевскаго, Толстовскаго и Виленскаго), три списка несомнѣнно южно-русскаго происхожденія. На южно- или западно-русское происхожденіе общаго ихъ оригинала указываетъ какъ вставка о переводѣ книги Іисуса Сирахова, такъ и дополнительныя статьи къ хронографу. Сообщеніе о переводѣ Іисуса Сирахова въ 1517 году имѣетъ въ виду, очевидно, переводъ, сдѣланный именно въ этомъ году Фр. Скориной[2]): книги священнаго писанія въ переводѣ Скорины пользовались особымъ распространеніемъ въ юго-западной Россіи. Что эта вставка принадлежитъ основному оригиналу списковъ хронографа, не раздѣленнаго на главы, видно изъ того, что изъ пяти указанныхъ списковъ трое содержатъ ее; можетъ быть, она есть и въ четвертомъ (Виленскомъ); кромѣ того она же читается въ Верхобрѣзницкомъ хронографѣ, пользовавшемся редакціею хронографа, не раздѣленною на главы. Поэтому отсутствіе этой вставки въ Поповскомъ спискѣ должно объяснять случайнымъ или умышленнымъ пропускомъ (вопреки мнѣнію Истрина, сдѣлавшаго на основаніи именно этого обстоятельства выводъ, что Поповскій списокъ по своему составу древнѣе Толстовскаго и Тихонравовскаго, ср. Александрія, стр. 287). Дополнительныя статьи къ хронографу редакціи, не раздѣленной на главы, общія всѣмъ спискамъ ея—это выборки, съ переводомъ на русскій языкъ, статей изъ хро-

1) Половъ во 2-мъ вып. Обзора (стр. 273) указываетъ (на основаніи записи), что эта рукопись принадлежала нѣкогда Златоверхо-Михайловскому монастырю, но тамъ ли она писана, остается неизвѣстнымъ.

2) Этимъ указаніемъ я обязанъ Н. К. Никольскому. Ср. Владиміровъ, «Докторъ Францискъ Скорина», стр. 65 и 105.

ники Мартина Бѣльскаго. Переводъ иной, чѣмъ тотъ, который появился въ Москвѣ въ 1584 году (Обзоръ Попова, вып. 2-й, стр. 93), хотя мѣстами и очень близокъ къ нему: можетъ быть, выборка была сдѣлана изъ оригинала, послужившаго основаніемъ для московскаго списка и изготовленнаго по повелѣнію короля Польскаго Сигизмунда (тамъ же, стр. 94). Но во всякомъ случаѣ, эти выписки изъ Мартина Бѣльскаго съ очевидностью доказываютъ, что оригиналъ или основной списокъ редакціи хронографа, не раздѣленнаго на главы, возникъ не ранѣе 1550 года (когда вышло первое изданіе хроники Бѣльскаго). Итакъ, выводъ Истрина о томъ, что разсматриваемая редакція древнѣе 1517 года, оказывается невѣрнымъ. А въ виду поздняго происхожденія ея, мало вѣроятнымъ представляется и другой выводъ почтеннаго изслѣдователя, а именно выводъ о томъ, что южно-славянскій хронографъ перешелъ непосредственно въ южную Россію и здѣсь породилъ эту редакцію, не раздѣленную на главы. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что южно- или западно-русскій книжникъ переработалъ московскую или сѣверно-русскую редакцію хронографа, дополнивъ ее статьями изъ польской хроники: во всякомъ случаѣ мы находимъ въ редакціи, не раздѣленной на главы, нѣсколько статей московскаго или сѣверно-русскаго происхожденія: таково, напр., сказаніе о чудесномъ явленіи Божьей Матери 1 августа вел. кн. Андрею Боголюбскому и императору Мануилу (этого сказанія нѣтъ въ редакціи 1512 года).

Въ предложенномъ краткомъ обзорѣ вопроса о составѣ и происхожденіи русскаго хронографа, я, кажется, не опустилъ существенно важныхъ выводовъ или предположеній ученыхъ, занимавшихся этимъ предметомъ. Перехожу къ заключительнымъ замѣчаніямъ относительно того, какія именно изъ высказанныхъ уже положеній могутъ считаться неопровержимыми.

1) Хронографъ составленъ въ XV вѣкѣ (Поповъ).

2) Первоначальная редакція хронографа до насъ не дошла; но она отразилась въ двухъ редакціяхъ, изъ которыхъ одна составлена въ 1512 году (Поповъ, Истринъ и др.).

3) Сравнительное изученіе этихъ двухъ редакцій приводитъ насъ къ возстановленію первоначальной, основной редакціи хронографа (Истринъ).

4) Составитель основной редакціи пользовался въ числѣ источниковъ и русскими памятниками, каковы: Еллинскій лѣтописецъ второй редакціи (Истринъ), историческія повѣсти и лѣтописи (ср. указанія Попова).

5) Хронографъ не могъ быть составленъ въ Сербіи или Болгаріи (Ягичъ, Сперанскій).

6) Сербскіе хронографы должны быть признаны извлеченіями изъ русскихъ хронографовъ (Ягичъ[1]), Сперанскій).

7) Составитель редакціи 1512 года въ значительной степени сократилъ свой оригиналъ (Истринъ объ Александріи); пользовался ли онъ новыми источниками для дополненія этого оригинала, остается не выясненнымъ; единственно вѣроятнымъ должно признать, что повѣсть о взятіи Царяграда составлена самимъ редакторомъ 1512 года («собирателемъ русской редакціи хронографа»: Поповъ, Обзоръ, стр. 63).

8) Сохранившіеся до насъ списки другой редакціи (не раздѣленной на главы) обличаютъ свое южно-русское происхожденіе (Поповъ, Истринъ); въ этой редакціи основной текстъ хронографа былъ переданъ также сокращенно (Истринъ); но редакторъ или самъ дополнялъ свой оригиналъ или же пользовался распространеннымъ, сравнительно съ первоначальною редакціею хронографа, спискомъ; изъ дополнительныхъ источниковъ, отразившихся въ этой редакціи, съ увѣренностью можно назвать Паралипоменъ Зонары (Истринъ).

Эти выводы я кладу въ основаніе дальнѣйшаго изслѣдованія, цѣлью котораго я поставилъ опредѣленіе условій и времени,

1) Ягичъ въ Archiv f. Sl. Ph. II, 73 выражается слѣдующимъ рѣшительнымъ образомъ: Für mich also unterliegt es keinem Zweifel, dass dem gewöhnlichen russ. Chronographen kein serbisch-slovenisches Prototypon zu Grunde lag, sondern umgekehrt aus den russ. Chronographen wurden im Laufe des XVII Jahrhunderts (vielleicht auch schon früher) Auszüge ins Serbische gemacht.

когда могъ возникнуть древнѣйшій видъ хронографа, а также взаимныхъ отношеній между хронографомъ и другими однородными памятниками, главнымъ образомъ лѣтописями.

II.

Ближайшею задачей этого изслѣдованія должно быть болѣе точное опредѣленіе тѣхъ отношеній, въ которыхъ находится редакція, не раздѣленная на главы, къ основной редакціи хронографа.

Это необходимо въ виду, во-первыхъ, высказаннаго Поповымъ мнѣнія, будто въ ней яснѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ спискахъ хронографа (т. е. спискахъ редакціи 1512 г.), сохранились слѣды хронографа юго-славянскаго извода, при чемъ на основаніи ея можно заключить, что въ первоначальной редакціи хронографа не было русскихъ лѣтописныхъ статей, и тѣмъ болѣе историческихъ повѣстей (это послѣднее мнѣніе противорѣчитъ указанному выше четвертому положенію); во-вторыхъ, это необходимо въ виду высказаннаго Истринымъ мнѣнія о возможности возникновенія разсматриваемой редакціи хронографа до 1517 года и при томъ непосредственно изъ юго-славянскаго оригинала, при переходѣ его въ южную Россію; въ-третьихъ, я долженъ начать свое изслѣдованіе съ редакціи, не раздѣленной на главы, въ виду той связи, которую не трудно открыть между этой редакціей и цѣлымъ рядомъ другихъ памятниковъ, связи, дающей указаніе на составъ непосредственно предшествующей ей редакціи хронографа.

1. Мнѣніе Попова о томъ, что въ редакціи, не раздѣленной на главы, яснѣе, чѣмъ въ редакціи 1512 года, сохранились слѣды юго-славянскаго происхожденія хронографа (Обзоръ, вып. 2-й, стр. 25), основывается на томъ вѣрномъ наблюденіи, что нѣкоторыя статьи читаются въ редакціи, не раздѣленной на главы, въ болѣе первоначальномъ видѣ, чѣмъ въ редакціи 1512 года. Сюда относятся, напримѣръ, статьи юго-славянскаго (сербскаго) происхожденія. Такъ родословная Неманичей, сокращенная въ

редакціи 1512 года, сохранилась въ полномъ видѣ въ редакціи, не раздѣленной на главы (ср. Обзоръ, вып. 1-й, стр. 189, 194, 195, вып. 2-й, стр. 24). Но если мы, вслѣдъ за Истринымъ и др., примемъ, что редакція, не раздѣленная на главы, и редакція 1512 года восходятъ къ одному общему оригиналу, то бо́льшая близость первой редакціи къ первоначальной редакціи должна объясняться, въ данномъ случаѣ, простою случайностью, подобно тому какъ во многихъ другихъ мѣстахъ къ первоначальной редакціи стоитъ ближе не она, а редакція 1512 года. Такъ напр. житіе Савы въ редакціи 1512 года передано гораздо подробнѣе, чѣмъ въ редакціи, не раздѣленной на главы [1]). Также и въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ южно-славянскаго происхожденія видимъ въ редакціи 1512 года бо́льшую полноту сравнительно съ редакціей, не раздѣленной на главы: это отмѣтилъ и Поповъ, указавшій, что Толст. сп., I, № 172, въ отдѣлѣ юго-славянскихъ статей мѣстами *кратче* прочихъ, а мѣстами полнѣе (вып. 2-й, стр. 24). Другимъ основаніемъ признать редакцію, не раздѣленную на главы, особенно близкою къ первоначальному юго-славянскому оригиналу служило для Попова, повидимому, то обстоятельство, что въ Толст. сп. употребляется большой юсъ. Такое именно впечатлѣніе производитъ на меня аргументація, читаемая на стр. 25-й 2-го выпуска. Но на это можно съ увѣренностью возразить, что правописаніе Толстовскаго списка никакого рѣшающаго значенія въ данномъ вопросѣ имѣть не можетъ, такъ какъ сходные пріемы письма замѣчаются не только въ основныхъ статьяхъ хронографа, но также и въ тѣхъ статьяхъ, которыя не

1) Напр. отрывку, начинающемуся въ ред. 1512 г. словами: «сущу же тогда вару зѣлну» и оканчивающемуся фразой: «и слышавъ страхомъ обьетъ бысть» (Изборникъ Попова, стр. 32—33, ср. Живот светога Саве, изд. Даничића, Биогр. 1860, стр. 154—156), въ редакціи, не раздѣленной на главы, соотвѣтствуетъ одна слѣдующая фраза: «тогда же святый и молитвоюградъ с небесе сведе и въсѣхъ оудиви. яко и самому кралю дивящуся оужаситися» (Толст., Бусл. сп.). Разсказъ о чудесномъ спасеніи Савы отъ разбойниковъ и отъ бури во время путешествія въ Іерусалимъ (ср. Живот св. Саве, 181—182) переданъ въ редакціи 1512 г. (ср. Изборникъ Попова, стр. 35), но опущенъ въ редакціи, не раздѣленной на главы.

могли входить въ составъ первоначальной редакціи хронографа (напр. въ статьѣ о явленіи Божьей Матери Андрею Боголюбскому) и даже въ прибавленіяхъ къ хронографу (въ выпискахъ изъ хроники Мартина Бѣльскаго). Въ статьѣ о явленіи Божьей Матери мы находимъ сѫщꙋ, хрістолюбивомѫ, а въ прибавленіяхъ: бѫдꙋчи и др. — Въ изслѣдованіи Попова имѣется еще третій доводъ въ пользу юго-славянскаго происхожденія первоначальной редакціи хронографа и особенной близости къ ней Толст. списка: въ этомъ спискѣ (т. е. вообще въ спискахъ редакціи, не раздѣленной на главы) русскія лѣтописныя статьи занимаютъ самое незначительное мѣсто: «состоятъ онѣ изъ однѣхъ хронологическихъ замѣтокъ, а полныхъ историческихъ повѣстей, напр. о нашествіи Батыя, о Мамаѣ, совсѣмъ нѣтъ». Въ виду предположенной имъ выше бо́льшей близости Толстовскаго списка къ первоначальной редакціи хронографа, Поповъ заключилъ отсюда, что въ ней не было совсѣмъ русскихъ лѣтописныхъ извѣстій, а тѣмъ болѣе историческихъ повѣстей. Думаю, что это заключеніе ошибочно, какъ ошибочна посылка, на которой оно основывается: ближайшее изученіе Толстовскаго списка показываетъ, что въ немъ содержатся вѣскія данныя для утвержденія, что въ первоначальномъ, основномъ спискѣ хронографа, не раздѣленнаго на главы, были русскія лѣтописныя статьи и даже обширныя историческія повѣсти. Дѣйствительно, разсматривая хронологическія замѣтки по русской исторіи, читаемыя въ спискахъ хронографа, не раздѣленнаго на главы, видимъ, что онѣ носятъ совершенно отрывочный характеръ[1]); въ виду этого естественно является предположеніе,

---

1) Напр.: при семъ князь великіи кіевскій святославъ игоревичь. иде на ѡноу (такъ!) рѣкоу и на олгоу (такъ!). і обрѣте вятечи. Или: при семъ греческомъ царѣ иванѣ палеолозѣ. вииде изъ орды отъ царя жанибѣка князь великіи иванъ ивановичъ и сяде на великомъ княженѣ в володимерѣ и на москвѣ в лѣто 6863. Или: в лѣто 6933 сяде на великомъ на москвѣ князъ великіи василіи василіевичъ при митрополитѣ фотіи. Или: въ 1 лѣто царства иванова и матери его анны отъ адама в лѣто 6848, а вииде изъ орди отъ царя избяса (такъ!), князь великіи симеонъ ивановичь и сяде на великомъ княженіи въ володимери и на москвѣ.

что онѣ попали въ составъ хронографа при позднѣйшей передѣлкѣ его на Руси, такъ же какъ несомнѣнно позже вставлено въ текстъ хронографа упомянутое уже сказаніе о происхожденіи празднованія чудеснаго явленія 1 августа. Но такое предположеніе оказывается совершенно несостоятельнымъ, если принять во вниманіе, что эти замѣтки почти буквально сходны съ лѣтописными извѣстіями списковъ хронографа редакціи 1512 года[1]). Такое сходство можно объяснить только тѣмъ, что эти замѣтки находились уже въ общемъ для обѣихъ редакцій хронографа — не раздѣленной на главы и 1512 г.—оригиналѣ. Слѣдовательно, составитель редакціи, не раздѣленной на главы, не самъ внесъ русскія лѣтописныя извѣстія въ текстъ хронографа, а сохранилъ ихъ, встрѣтивъ въ оригинальной редакціи: если бы онъ задался цѣлью *дополнить* хронографъ русскими событіями, неужели, живя въ Россіи и будучи русскимъ, онъ не упомянулъ бы хотя бы о крещеніи Ольги и Владиміра, о Калкской битвѣ или о нашествіи татаръ? Сопоставивъ же отсутствіе такихъ извѣстій съ тѣмъ, что редакція, не раздѣленная на главы, представляетъ нѣсколько извѣстій сравнительно второстепенной важности (см. указанныя выше въ примѣчаніи), восходящихъ при этомъ къ предшествующей ей и даже къ основной редакціи хронографа (ср. выше), мы неминуемо приходимъ къ слѣдующему заключенію: составитель редакціи, не раздѣленной на главы, умышленно выпускалъ русскія статьи и извѣстія своего подлинника, сохранивъ, и при томъ всего вѣроятнѣе по недосмотру, лишь нѣкоторыя изъ нихъ. Важно при этомъ отмѣтить и то обстоятельство,

---

1) Ср. напр. по ред. 1512 г.: при сихъ царихъ въ первое лѣто Иванна и матери его Анны, въ лѣто 6848 выйде изъ Орды князь Семенъ, сынъ князя Ивана Даниловича, и сѣде на великомъ княженіи въ Володимери и на Москвѣ. Или: въ лѣто 6933 князь великій Василей Васильевичь сѣде на великомъ княженіи на Московскомъ и на Нижнемъ Новградѣ, и посла Ѳотія митрополита... Или: при семъ же цари Греческомъ Иванѣ Палеологѣ въ лѣто 6862 выйде изъ Орды на великое княженіе Владимерское и Московское князь Иванъ Ивановичъ Калитинъ, братъ великаго князя Семена Ивановича (ср. Поповъ, Изборникъ, 53, 76, 55).

что въ редакціи, не раздѣленной на главы, въ началѣ находимъ больше русскихъ статей, чѣмъ въ концѣ: такъ здѣсь читаются разсказы о приходѣ Рюрика въ Новгородъ, о походахъ Олега и затѣмъ Игоря на Царьградъ[1]), разсказъ о нападеніи печенѣговъ на Кіевъ и др. Послѣ этого разсказа, исключая сказаніе о явленіи Божьей Матери 1 августа имп. Мануилу и в. кн. Андрею, мы не находимъ въ редакціи, не раздѣленной на главы, русскихъ статей и извѣстій вплоть до приведеннаго выше извѣстія о вокняженіи Семена Ивановича въ 1340 году. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней сохранилось одно любопытное указаніе на то, что въ предшествующей ей редакціи было помѣщено на своемъ мѣстѣ обширное сказаніе о татарскомъ нашествіи, и именно то самое сказаніе, которое находимъ въ редакціи 1512 года. Поповъ въ Изборникѣ (прим. на 33-й стр.) отмѣтилъ, что въ отрывкѣ, попавшемъ въ хронографъ изъ Житія Савы, по редакціи, не раздѣленной на главы, находится нѣкоторое дополненіе сравнительно съ редакціей 1512 года. Справедливо указавъ на то, что дополненіе это (о принятіи Стефаномъ венгерскимъ православія и о почитаніи его за святого венграми) восходитъ къ сербскому оригиналу Житія Савы (слѣдовательно, въ данномъ мѣстѣ редакція 1512 года отступила отъ первоначальной редакціи), Поповъ отмѣтилъ, что слова «и нареченъ бысть Владиславъ» вставка: дѣйствительно, этого нѣтъ въ Житіи Савы. Указанная вставка можетъ принадлежать или составителю редакціи, не раздѣленной на главы, или составителю первоначальной редакціи хронографа (въ редакціи 1512 года, какъ только что указано, все, относящееся сюда, мѣсто опущено) Источникъ ея не указанъ Поповымъ, но онъ совершенно ясенъ: это повѣсть объ убіеніи Батыя, т. е. одна изъ составныхъ частей сказанія о нашествіи татаръ, помѣщеннаго въ хронографъ (по редакціи 1512 г.); мы читаемъ

---

1) При чемъ въ разсказъ о походѣ Олега перенесены черты изъ похода Игоря, а въ разсказѣ о походѣ Игоря, какъ указалъ Поповъ, Обзоръ, I, 175, слова лѣтописи объ Олегѣ перенесены на Игоря.

въ ней: «его же (Власлава) святый Сава Сербьскый крести и нарече Владислава» (Изборникъ, стр. 44). Отсюда слѣдуетъ или то, что составитель редакціи, не раздѣленной на главы, заимствовалъ указанную фразу изъ хронографической Повѣсти объ убіеніи Батыя, или что это сдѣлалъ составитель первоначальной редакціи хронографа: какъ бы то ни было, отсюда слѣдуетъ и то, что Повѣсть объ убіеніи Батыя, а значитъ и все сказаніе о нашествіи татаръ, были извѣстны составителю предшествующей редакціи, не раздѣленной на главы; сообразивъ же, что та же повѣсть и то же сказаніе содержатся въ хронографѣ 1512 г., мы можемъ съ увѣренностью заключить, что сказаніе о нашествіи татаръ и приложенная къ нему Повѣсть объ убіеніи Батыя находились уже въ первоначальной, основной редакціи хронографа. Редакція, не раздѣленная на главы, даетъ еще указаніе на то, что въ основной редакціи хронографа были помѣщены нѣкоторыя русскія историческія повѣсти. Въ обѣихъ редакціяхъ — не раздѣленной на главы и 1512 г. читаемъ повѣсть о Темирѣ Аксакѣ: какъ извѣстно, первая часть этой повѣсти, до словъ «возвращает же ся темиръ въ персиду», представляетъ сплошное заимствованіе изъ житія деспота Стефана Лазаревича, составленнаго Константиномъ Костенскимъ (Изборникъ Попова, стр. 66; Обзоръ, 2-й вып., стр. 51); слѣдующая за тѣмъ часть, содержащая разсказъ о нашествіи Темира на Россію, оказывается заимствованною изъ русской повѣсти объ этомъ событіи [1]). Въ редакціи, не раздѣленной на главы, находимъ не только первую — сербскую, но и вторую — русскую часть этой повѣсти. При этомъ въ этой второй — русской части замѣчается полное сходство [2]) между редакціей, не раздѣленной на главы, и редакціей 1512 г., за исключеніемъ того, что въ пер-

1) Одна изъ древнѣйшихъ редакцій ея читается въ Тверской лѣтописи.

2) Ср. начало и конецъ по Толст. сп.: «пріятъ же і асирію и вавилонское царство и севластію і арменію. и всы орды поплени... великіи же князъ василіе дмитріевичъ повелѣ на томъ мѣсци. идеже стрѣтоша иконоу святыя богородица поставити церковъ. и сътвори празникъ честенъ пресвятѣй богородици. егоже и донынѣ празноуютъ. мѣсяца авгоуста въ 26 день». Ср. приблизительно тоже въ ред. 1512 г. (Изборникъ, 66).

вой изъ этихъ редакцій опущена фраза: «принесоша же ея съ пирогощею въ единомъ корабли... и бисеромъ украси» (ср. Изборникъ, стр. 66). Слѣдовательно, эта вторая — русская часть о Темирѣ Аксакѣ находилась уже въ первоначальной редакціи хронографа. Укажу еще на одно обстоятельство, подтверждающее выставленное здѣсь положеніе о томъ, что въ первоначальномъ, основномъ для извѣстныхъ намъ редакцій хронографѣ были уже русскія статьи. Въ соотвѣтствіи съ извѣстіемъ редакціи 1512 г.: «въ лѣто 6899 по Иванѣ Палеолозѣ нача царствовати сынъ его Мануилъ въ Царѣградѣ и царствова 32» (Изборникъ, стр. 64, но въ хронографѣ Новоіерус. мон.: 33 лѣта), мы читаемъ въ редакціи, не раздѣленной на главы, слѣдующее: «по иванѣ палеолозѣ царствова въ цариградѣ сынъ его иманоуилъ лѣтъ 33 *благословенъ и поставленъ антоніемъ патриархомъ. в лѣто 6899 февраля во 11 день в недѣлю о блуднемъ сынѣ*». Подчеркнутыя слова оказываются вставкой, но каковъ могъ быть источникъ этой вставки? Сблизивъ приведенное мѣсто съ началомъ статьи «О вѣнчаніи Мануила царя на царство», составляющей часть извѣстнаго Пименова хожденія[1]) мы заключаемъ о томъ, что оно попало въ хронографъ по редакціи, не раздѣленной на главы, изъ этого Хожденія (обратное заимствованіе не допустимо, такъ какъ вслѣдъ за этимъ составитель Хожденія подробно описываетъ самый чинъ вѣнчанія Манувила на царство). Если мы примемъ за тѣмъ во вниманіе, что въ Хожденіи Пимена, и при томъ не только въ той редакціи Хожденія, которая помѣщена въ Никоновской лѣтописи (ср. Поповъ, Обзоръ, II, стр. 50), но также и въ редакціи Русскаго Временника[2]), находится вставка о Косовской битвѣ изъ хронографа, что такимъ образомъ между Хожденіемъ

1) Видѣхомъ же мѣсяца февраля въ 11 день, въ недѣлю о блудномъ сыну, вѣнчанъ бысть царь Мануилъ Цареградскій на царство и со царицею отцемъ ихъ пресвященнымъ Антоніемъ патріархомъ.

2) Ср. Русск. Вр., I, 302: «и паки Турки превозмогоша»; Хронографъ: «потомъ же сынъ того царя Амурата Баозитъ возмогаетъ пакы» (Изборникъ, 63). Далѣе: «повелѣ же Баозитъ царь Турскій Сербьскаго царя Лазаря мечемъ посѣщи» и: «повелѣваетъ убо беззаконный мечемъ того убити Христа исповѣдающа».

Пимена и Хронографомъ устанавливается тѣсная связь, что связь эту легче всего объяснить тѣмъ, что Хожденіе входило нѣкогда въ составъ Хронографа, что такое объясненіе вполнѣ подтверждается Русскимъ Временникомъ (бывшимъ, какъ укажемъ ниже, по своему происхожденію Хронографомъ), такъ какъ въ немъ находится между статьями Хронографа и Хожденіе Пимена,—мы въ правѣ заключить, что и въ редакціи Хронографа, предшествовавшей редакціи, не раздѣленной на главы, содержалось Пименово хожденіе, откуда и заимствована приведенная выше фраза.

Въ виду всѣхъ этихъ указаній, я думаю, мы имѣемъ рѣшительное основаніе утверждать, что составитель редакціи, не раздѣленной на главы, сокращалъ и опускалъ русскія лѣтописныя статьи и историческія повѣсти своего оригинала, желая, очевидно, дать хронику всемірныхъ, а не русскихъ событій: этимъ самымъ стремленіемъ объясняется и то, почему хронографъ въ этой редакціи дополненъ выписками не изъ русскихъ лѣтописей, а изъ хроники Мартина Бѣльскаго. Итакъ, редакціи, не раздѣленной на главы, предшествовала такая редакція хронографа, гдѣ, наряду со статьями греческими и южно-славянскими, находились также русскія статьи, т. е. редакція, однородная по своему составу съ редакціей 1512 года. Дальнѣйшее изслѣдованіе должно отвѣтить на вопросъ, была ли эта—основная для редакціи, не раздѣленной на главы, редакція вмѣстѣ съ тѣмъ первоначальною, основною редакціей русскаго хронографа или уже позднѣйшею переработкой, независимою однако отъ переработки 1512 года.

2. Выше я указалъ, почему не могу согласиться съ мнѣніемъ Истрина о томъ, что редакція, не раздѣленная на главы, возникла въ южной Руси непосредственно на основаніи южнославянскаго оригинала и притомъ не позже 1517 года. Не сомнѣваясь, что составленіе ея должно относить ко времени послѣ 1550 года (см. выше), я теперь ясно вижу, что ей должна была предшествовать редакція московскаго или сѣверно-русскаго

происхожденія; выше было доказано, что въ ней читались между прочимъ: обширное сказаніе о нашествіи татаръ, повѣсть о вторженіи въ московскую Русь Тамерлана, Пименово хожденіе, сказаніе о явленіи креста Андрею Боголюбскому 1-го августа и т. д.. Все это ясно указываетъ на русскій, а не на юго-славянскій подлинникъ для редакціи, не раздѣленной на главы, возникшей въ концѣ XVI, а можетъ быть и въ самомъ началѣ XVII вѣка, въ юго-западной Руси.

3. Перехожу къ вопросу объ отношеніи редакціи, не раздѣленной на главы, къ нѣкоторымъ другимъ хронографамъ и историческимъ сборникамъ.

а. Послѣ труда Истрина, установившаго взаимныя отношенія редакціи, не раздѣленной на главы, и редакціи 1512 года и доказавшаго, что обѣ онѣ возводятся къ одной общей, древнѣйшей редакціи хронографа, считаю возможнымъ не останавливаться подробнѣе на этомъ вопросѣ и ограничиваюсь ссылкой на нѣкоторыя предыдущія замѣчанія, гдѣ, на основаніи сравнительнаго изученія обѣихъ названныхъ редакцій, дѣлается попытка возстановить составъ предшествовавшей имъ редакціи.

б. Въ числѣ источниковъ Никоновской лѣтописи видное мѣсто занимаетъ Хронографъ: изъ него дѣлаются обширныя выписки сначала по византійской, а потомъ по сербской и болгарской исторіи, при чемъ выписки эти передаютъ текстъ хронографа съ буквальной точностью. Онѣ начинаются тамъ, откуда въ хронографѣ событія русскія изложены вмѣстѣ съ событіями греческими: первая статья, заимствованная изъ хронографа—это О крещеніи болгарскомъ (П. С. Р. Л. IX, 7); труднѣе сказать, гдѣ оканчиваются выписки изъ хронографа, но послѣднею статьею, общею между Никоновской лѣтописью и обѣими древнѣйшими редакціями хронографа—оказывается статья, озаглавленная въ Никон. сп.—«Царство греческое в лѣто 6933» (т. V, стр. 91—92) и помѣщенная въ редакціи 1512 года въ главѣ 205-й, а въ редакціи, не раздѣленной на главы, въ отрывкѣ, озаглавленномъ: «О цари амоуратѣ». Но что Никоновская лѣтопись могла пользоваться хронографомъ

и въ дальнѣйшемъ изложеніи, видно хотя бы изъ того, что подъ 1443 годомъ (V, 178) въ ней помѣщено «Сказаніе вкратцѣ о Латынехъ», извѣстное какъ по редакціи хронографа 1512 г. (въ главѣ 159-й), такъ и по редакціи, не раздѣленной на главы, гдѣ это сказаніе, подобно какъ въ Никоновской лѣтописи, приводится по случаю повѣствованія о Флорентійской уніи.

Важнымъ вопросомъ при изученіи, какъ Хронографа, такъ и Никоновской лѣтописи является вопросъ, какою же редакціею хронографа пользовался составитель Никоновской лѣтописи. Въ Обзорѣ Попова, I, 207, находимъ указаніе на то, что въ одномъ случаѣ эта лѣтопись слѣдуетъ Толстовскому списку, т. е. редакціи, не раздѣленной на главы. Указаніе это ошибочно, такъ какъ извѣстіе о женитьбѣ царя Мануила на дочери Василія Дмитріевича[1]) входило въ составъ редакціи 1512 года, что видно изъ хронографовъ — Воскр.-Новоіерусал. мон., Погод. № 1404 а, Чудовского и др. Но связь Никоновской лѣтописи съ Толстовскимъ спискомъ и вообще со списками редакціи, не раздѣленной на главы, устанавливается цѣлымъ рядомъ другихъ мѣстъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, несомнѣнно, что Никоновская лѣтопись извлекала статьи хронографа изъ одного изъ списковъ редакціи 1512 года (ср. ниже): поэтому связь этой лѣтописи съ редакціею, не раздѣленною на главы, я объясняю себѣ такъ, что она, параллельно съ редакціею 1512 года, пользовалась и тою редакціею, которая должна быть признана основною для редакціи, не раздѣленной на главы, поздней, какъ мы видѣли, по происхожденію и потому не могшей быть сама источникомъ Никоновской лѣтописи (составленной въ серединѣ XVI вѣка). Слѣдовательно, сравнительное изученіе Никоновской лѣтописи, съ одной стороны, обѣихъ древнѣйшихъ намъ извѣстныхъ редакцій хронографа, съ другой, должно, согласно съ выставленнымъ положеніемъ, привести къ возстановленію еще третьей редакціи, болѣе древней, чѣмъ редакція, не раздѣ-

---

1) Здѣсь историческая неточность, такъ какъ Анна Васильевна вышла за мужъ не за Мануила, а за сына его Іоанна.

ленная на главы, не тожественной при этомъ съ редакціей 1512 года. Сравнительное изученіе этой возстановляемой указаннымъ путемъ редакціи и редакціи 1512 года приводитъ къ опредѣленію состава и характера первоначальной, основной редакціи хронографа. Въ виду вытекающей отсюда важности Никоновской лѣтописи при изученіи древнѣйшихъ редакцій хронографа, остановлюсь подробнѣе на доказательствѣ перваго изъ выставленныхъ здѣсь положеній, а именно того, что Никоновская лѣтопись пользовалась двумя редакціями хронографа, при чемъ одною изъ нихъ была редакція 1512 года.

Бѣглаго взгляда на хронографическія статьи Никоновской лѣтописи достаточно для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что онѣ восходятъ къ редакціи 1512 года. Ограничусь указаніемъ на начало выписокъ изъ сербскаго житія св. Савы. Въ Никоновской лѣтописи (X, 42) онѣ начинаются такъ же, какъ въ редакціи 1512 года (Изборникъ Попова, стр. 29): «Достоитъ же рещи и сербьскихъ деспотъ власть. Первое убо корень лапатою слова окопаваше, и отъ корени древо всѣмъ покажемъ, и сладость плода всѣмъ представимъ. Великій убо деспотъ Неманя, иже есть святый Семионъ, отъ сихъ израсте: Бѣлоурошъ роди Тѣхомила» и т. д. Между тѣмъ въ спискахъ редакціи, не раздѣленной на главы, начало иное, а именно: послѣ заглавія «ѿ житїа сватыхъ симеѡна і сави» тамъ слѣдуетъ: «В лѣто 6642 бысть господинъ сербомъ немана. всѣми ѡбладаа сербьскими ʒемлами. еже глаголются. диѡклитїа, дальматиа. травоунїа» и т. д. Это же начало читалось, конечно, и въ первоначальной, основной редакціи хронографа, какъ видно изъ того, что именно оно, а не начало, приведенное выше по редакціи 1512 года, соотвѣтствуетъ началу Житія Савы, гдѣ, послѣ вступленія, говорится: «Сь сынь бѣ жоупана великааго Нѣманѥ, владыкы срьбскааго, иже самодрьжавно владычьствовавшоу вьсѣми срьбьскыми ʒемлями, еже глаголютсе Дїоклитїа Далматїа Травоунїа» и т. д. И такъ, Никоновская лѣтопись въ своихъ выпискахъ изъ Житія Савы руководствовалась не основною редакціею хронографа, ни

также редакціею его, непосредственно предшествовавшею редакціи, не раздѣленной на главы, а именно редакціею 1512 года. Счастливая случайность дала мнѣ возможность опредѣлить даже тотъ списокъ редакціи 1512 года, которымъ пользовался составитель Никоновской лѣтописи. Я напалъ на цѣлый рядъ пропусковъ, описокъ, искаженій текста, общихъ Никоновской лѣтописи и не разъ уже упомянутому хронографу Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря: сообразивъ это съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ общемъ тексты хронографа по Никоновской лѣтописи легко возвести къ этому Новоіерусалимскому хронографу, мы приходимъ къ заключенію, что именно онъ служилъ источникомъ для Никоновской лѣтописи[1]).

Такъ напр. во всѣхъ спискахъ Никоновской лѣтописи мы въ текстахъ, восходящихъ къ хронографу, ошибочно читаемъ: «совѣтъ михаиловъ» вмѣсто совѣтъ васильевъ (IX, 10), вм. разбойника — «работника» (IX, 11), вм. исполини — «исполни» (IX, 26), вм. на немѣріе — «на намѣреніе» (IX, 31), вм. забавленіе царства — «забленіе царства» (IX, 33), вм. ласкосьрдство — «ласкордьство» (IX, 27), вм. таковую высоту — «каковую высоту» (IX, 27), вм. вопросъ—«отвѣтъ» (IX, 148), вм. лопатою — «лапатаю» (X, 42) и т. д. Тѣ же ошибки и описки находимъ въ Новоіерусалимскомъ спискѣ хронографа: въ другихъ просмотрѣнныхъ мною спискахъ ихъ нѣтъ.

Ошибочно было бы однако заключать отсюда, что Никоновская лѣтопись пользовалась только однимъ, указаннымъ здѣсь спискомъ хронографа: передавая вообще довольно точно текстъ Новоіерусалимскаго хронографа, составитель Никоновской лѣтописи счелъ необходимымъ исправить его во многихъ чтеніяхъ по другому списку хронографа. Хотя мнѣ и не удалось напасть

1) Новоіерусалимскій хронографъ писанъ въ царствованіе Грознаго, но до 1554 года, что видно изъ приложенной къ нему родословной, гдѣ еще не названъ наслѣдникъ Іоанна Іоаннъ, родившійся въ 1554 г., между тѣмъ какъ Георгій Ивановичъ, его братъ, и даже Владиміръ Андреевичъ, его двоюродный братъ, названы.

на самый тотъ списокъ, но съ увѣренностью могу сказать, что онъ относится къ тому разряду списковъ редакціи 1512 года, гдѣ вслѣдъ за хронографомъ помѣщена такъ называемая Новгородская IV лѣтопись. Здѣсь не мѣсто доказывать, что эта лѣтопись и именно въ той особой редакціи, которая содержится въ указанныхъ спискахъ [1]), служила однимъ изъ главныхъ источниковъ Никоновской лѣтописи [2]): но, несомнѣнно, что составитель Никоновской лѣтописи, пользуясь въ сборникѣ указаннаго состава лѣтописью Новгородской, одновременно заглядывалъ въ предшествующій ей списокъ хронографа. Изъ него то и внесенъ рядъ поправокъ въ текстъ хронографа, извлеченный изъ Новоіерусалимского списка. Къ этому разряду списковъ редакціи 1512 года относятся между прочимъ: Погод. № 1404 а, Академическій (Академіи Наукъ) № 991 (3), а также позднѣйшій — Погод. № 1402. Тамъ, напримѣръ, въ статьѣ, озаглавленной «Царство Сербьское» (см. 197-ю главу хронографа, въ изд. Никон. лѣт., X, 196—198, а въ Изборникѣ Попова, стр. 47—49), составитель Никоновской лѣтописи держится чтеній не Новоіерусал. списка, а другой редакціи, напримѣръ, въ слѣдующихъ мѣстахъ: слова «злославныа не отгонитъ и той» (Ник. X, 197) опущены въ Новоіерусал., но въ Ник. читаются согласно, напр., съ Погод. № 1404 а; ниже Новоіерус. сп. имѣетъ чтеніе: «и ото всѣхъ предѣлъ своего царствія», въ Никон. (X, 197) и Погод. 1404 а: «и отъ всего своего царьствіа»; далѣе слова: «истиннымъ христіаномъ будеши» опущены въ Новоіерус. и читаются въ Никон., согласно съ Погод. 1404 а; то же должно сказать о словахъ: «и крестное знаменіе на лицѣ его»; вм. испорченнаго «настои на

---

1) Въ этой редакціи Новгородская IV лѣтопись доходитъ до 1447 года и потомъ содержитъ текстъ сходный съ Псковскою 1-ю лѣтописью, оканчиваясь извѣстіемъ 1547 г. о московскомъ пожарѣ (ср. Карамз., Снѣгир. и Акад. XVIII сп. Псковской 1-й лѣт. въ IV т. П. С. Р. Л.).

2) Это обстоятельство, т. е. пользованіе лѣтописью, доходившею до 1547 года, служитъ однимъ изъ доказательствъ, что Никоновская лѣтопись составлена послѣ 1547 г. Слѣдовательно, Новоіерусалимскій хронографъ относится къ 1547—1554 г. (см. выше).

твою державы вся» Новоіерусал. сп., въ Никон. (X, 198), согласно съ Погод. 1404 а: «недостойна твоя дрьжава вся» и т. д.

Но внося поправки на основаніи второго списка хронографа 1512 года, составитель Никоновской лѣтописи перенесъ изъ него въ свой *сводный* текстъ и рядъ описокъ, а также ошибочныхъ чтеній: на основаніи именно ихъ, можно съ увѣренностью утверждать, что вспомогательнымъ источникомъ для Никоновской лѣтописи былъ списокъ, близкій къ Погод. 1404 а и Акад. № 991 (3). Такъ въ нелицевыхъ спискахъ Никоновской лѣтописи, въ концѣ статьи «О Сербскыхъ деспотехъ» (ср. Ник. X, 42; Изборникъ, 30) читаемъ: «потомъ же умоленіемъ брата своего Стефана, самъ Сава пріатъ начялство монастыря, сущаго въ отечествіи своемъ, и многа чюдеса сотвори». Это чтеніе соотвѣтствуетъ вполнѣ тексту списковъ Погод. 1404 а и Акад. 991 (3), между тѣмъ какъ во всѣхъ остальныхъ извѣстныхъ мнѣ спискахъ хронографа (ср. также Изборникъ Попова), равно какъ въ Новоіерусал. спискѣ, читаемъ: «потомъ же умоленіемъ брата своего деспота Стеѳана самъ Сава пренесе мощи святаго отца своего Семіона, и положи ихъ въ монастырѣ Студенцы. И умоленіемъ брата своего самъ Сава пріятъ» и т. д., согласно съ приведеннымъ выше текстомъ[1]). Приведу еще нѣсколько чтеній Никоновской лѣтописи, убѣждающихъ въ томъ, что она пользовалась списками, сходными съ Погод. 1404 а и Акад. 991 (3). Вмѣсто: «болгарстіи и загорскіи», въ Никон. (IX, 10) читаемъ, согласно Погод. 1404 а, только «Болгарьстіи»; послѣ словъ «отренъ фалистъ» въ Никон. (IX, 32), такъ же какъ въ Погод. 1404 а, опущена фраза: «недостоино же цареви мнѧше хꙋдословїе и даролюбное ѿ разꙋма его ѿстаѧше». Между словами «добрыми цвѣты» и «свѣтяся» въ Никоновской (IX, 88) и въ Погод. 1404 а одинаково опущено: «и паче кедра. сице». Вм. «деспот-

1) Въ лицевомъ Лаптевскомъ спискѣ Никоновской лѣтописи это мѣсто исправлено по другому списку Хронографа, но вторая фраза пропущена совсѣмъ.

ствова лѣтъ 42», въ Никон. (X, 42) и Погод. 1404 а: «господствова лѣтъ 42»; вм. «по Исакѣ царствова въ Цариградѣ Ѳеодоръ Ласкаръ» (какъ въ Новоіерусал.), въ Никон. (X, 43) и Погод. 1404 а: «по Алексѣи Аггеле. . .». Вм. «и отъ колесничныхъ сирѣчь царскихъ дѣлъ» (Новоіерусалим.), въ Никон. (IX, 90) и Погод. 1404 а: «и отъ колесничныхъ и конскыхъ уристаній» и т. д.

Лучшимъ доказательствомъ того, что Никоновская лѣтопись, при установленіи текста хронографическихъ статей, пользовалась обоими указанными списками—Новоіерусалимскимъ и спискомъ, сходнымъ съ Погод. 1404 а, Акад. 991 (3), служитъ то обстоятельство, что отдѣльныя списки ея разнятся между собою нерѣдко такъ, что часть ихъ придерживается чтеній Новоіерусалимскаго списка, а часть списка, сходнаго съ Погод. 1404 а, Акад. 991 (3). Очевидно, въ основаніи списковъ Никоновской лѣтописи лежалъ черновой экземпляръ, гдѣ чтенія обоихъ источниковъ статей хронографа были приведены рядомъ или гдѣ послѣдующая поправка (по одному списку) не закрывала вполнѣ первоначальнаго чтенія (по другому списку). Такъ вм. «рекъ» большинства списковъ (и Погод. 1404 а) читаемъ въ спискахъ Н. А. Б. Т. (X, 45) рече (то же въ Новоіерусал.); вм. красты большинства списковъ (и Погод. 1404 а) въ спискахъ А. Б. Т. (X, 44) ошибочно: красоты (то же въ Новоіерусал.); вм. упокоивати однихъ списковъ (и Погод. 1404 а) —покоивати въ Н. А. Б. Т. (X, 200) и въ Новоіерусал.; вм. утробу однихъ списковъ (и Погод. 1404 а) — ютробу О. Н. Б. Т. (XI, 153) и Новоіерусал.; вм. поплѣни однихъ списковъ (и Погод. 1404 а) — плѣни Н. А. Т. (XI, 150) и Новоіерусал.; вм. многи жиды всѣхъ остальныхъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ Н. (IX, 12) и Новоіерусал. — многижды; вм. памятствоватися всѣхъ остальныхъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ А. (IX, 10) и Новоіерусал. — памятствовати; вм. креститися однихъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ Н. Б. Т. А. (IX, 7) и Новоіерусал.—крестися; вм. воплотитися всѣхъ остальныхъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ А. (IX, 145) и Новоіерусал.— воплотися; вм. безъ-

страстну всѣхъ остальныхъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ А. (IX, 147) и Новоіерусал.— безсмертну; вм. поститися однихъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ П. О. Г. (IX, 148) и Новоіерусал.— постити; вм. иже зѣло всѣхъ остальныхъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ Н. (IX, 81) и Новоіерусал.: и желѣзо; вм. земленою и тлѣнную другихъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ Н. Б. Т. А. (IX, 90) и Новоіерусал. — земленою и тлѣнною; вм. брадныа всѣхъ остальныхъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ П. (IX, 112) и Новоіерусал. — братныа; вм. одѣяся большинства списковъ (и Погод. 1404 а), въ П. О. (IX, 113) и Новоіерусал.—одѣваяся. Конечно, я привелъ здѣсь только нѣсколько примѣровъ совпаденія отдѣльныхъ списковъ Никоновской лѣтописи съ Новоіерусалимскимъ хронографомъ. Любопытно сопоставить ихъ со случаями, гдѣ нѣкоторые изъ списковъ слѣдуютъ другому, вспомогательному источнику, т. е. хронографу по списку, сходному съ Погод. 1404 а. Вм. вскорѣ всѣхъ остальныхъ списковъ (и Новоіерусал.), въ А. (IX, 29), а также Погод. 1404 а читаемъ скоро; вм. церковь соборную всѣхъ остальныхъ списковъ (и Новоіерусал.), въ Н. (X, 44), а также въ Погод. 1404 а, читается только: церковь; вм. яко звѣрь однихъ списковъ (и Новоіерусал.), въ О. Н. Б. А. Т. (X, 201) и Погод. 1404 а: якоже звѣрь; вм. въ монастырь большинства списковъ (и Новоіерусал.), въ П. О. (X, 201) и Погод. 1404 а — въ монастыре, в мⷮ҇ри; вм. банска убо мѣста большинства списковъ (и Новоіерусал.) — въ П. О. (X, 198) и Погод. 1404 а—банско убо мѣсто; вм. хиридапъ всѣхъ остальныхъ списковъ (и Новоіерусал.)—въ А. (XI, 148) и Погод. 1404 а — харидапъ и нѣк. др.

Въ виду всѣхъ приведенныхъ выше соображеній, я нахожу доказаннымъ слѣдующее положеніе: составитель Никоновской лѣтописи, при установленіи текста хронографическихъ статей, пользовался, какъ основнымъ источникомъ — Новоіерусалимскимъ спискомъ хронографа, а какъ вспомогательнымъ — спискомъ хронографа, сходнымъ съ Погод. 1404 а и Акад. 991 (3).

Ближайшее изученіе Никоновской лѣтописи показываетъ, однако, что текстъ хронографическихъ статей далеко не во всемъ объемѣ и не во всѣхъ частностяхъ восходитъ къ указаннымъ двумъ ея источникамъ. Такъ, напримѣръ, разсказъ о смерти имп. Льва (IX, 24) отличается въ Никоновской лѣтописи отъ всѣхъ просмотрѣнныхъ мною списковъ хронографа редакціи 1512 года; послѣ заглавія «Царство греческое Романа Лакапина» въ Никон. (IX, 27) читаемъ нѣсколько строкъ (Уведается вѣнцемъ — многа въ людехъ), отсутствующихъ во всѣхъ спискахъ редакціи 1512 г. (ср. Обзоръ, Поповъ, вып. 1-й, стр. 174). Въ разсказѣ о взятіи Латинами Царяграда (X, 45) находимъ рядъ добавленій, отсутствующихъ въ спискахъ редакціи 1512 г. и т. д.

Должны ли мы на основаніи этихъ и многихъ другихъ (ср. ниже) подобныхъ имъ мѣстъ текста хронографическихъ статей Никоновской лѣтописи предположить существованіе такого списка хронографа редакціи 1512 г., гдѣ эти особенности совмѣщались съ тѣмъ общимъ составомъ хронографа, который извѣстенъ намъ по другимъ спискамъ этой редакціи, или же мы принуждены допустить знакомство составителя Никоновской лѣтописи со спискомъ хронографа другой редакціи? Думаю, что ни въ одномъ спискѣ редакціи 1512 года не могло заключаться нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ и другихъ имъ подобныхъ чтеній: такъ разсказъ о смерти имп. Льва во всѣхъ спискахъ редакціи 1512 г. изложенъ одинаково; слѣдовательно, Никоновская лѣтопись, замѣнившая его другимъ разсказомъ, пользовалась, очевидно, другою редакціей хронографа[1]). Сопоставивъ же этотъ

---

1) Ср. этотъ разсказъ по ред. по 1512 г.: Премудрый же въ царихъ Левъ впадъ въ естественыя недуги и болѣзнію дручимъ, смерть наводящею. и отъ сего разумѣвъ отъ тѣла разлученіе владыки и самодръжца показуетъ брата своего Александра и сына своего Констянтина. И на издыханіихъ послѣднихъ прорекъ вижу александра яко злодѣлателя время по трехъ на десятехъ мѣсяцехъ и не отпаде слово его яко тринадесятъ мѣсяцъ будетъ царство его.— Въ Никон. лѣтописи (IX, 24): Премудрый же во царѣхъ Левъ конечно лютымъ недугомъ дручимъ, и видѣ приближающуюся смерть, и посажаетъ на престолѣ царстѣмъ брата своего Александра и сына своего Констянтина, иже отъ чет-

выводъ съ тѣмъ, къ которому мы пришли выше, а именно, что Никоновская лѣтопись пользовалась, какъ источниками, двумя списками хронографа редакціи 1512 года, мы заключаемъ, что третьимъ источникомъ ея былъ хронографъ въ редакціи, отличной отъ редакціи 1512 года.

Это заключеніе находитъ полное подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что всѣ тѣ чтенія хронографическихъ статей Никоновской лѣтописи, которыя не могутъ быть выведены ни изъ Новоіерусалимскаго списка ни изъ другого опредѣленнаго нами списка редакціи 1512 г., *сходны со чтеніями списковъ той редакціи хронографа, которую будемъ называть редакціею, не раздѣленною на главы* (списки Толстовскій, Буслаевскій и др.).

Въ доказательство, приведу рядъ примѣровъ. Въ Ник. (IX, 10) и Толст. I, № 172: сіа убо доволно мною оплакася слово — въ спискахъ редакціи 1512 г.: словомъ; въ Ник. (IX, 14) и Толст. I, № 172: повелѣ царь Левъ четверопѣсно великіа суботы накончати — въ Новоіерусал. и Погод. 1404 а: четверопѣсну; словъ: «Наказанье. Пріиде страхъ и трепетъ на Лва царя, стеня и трясашеся. И падеся града нѣкая часть, и много полатъ разсыпашася», читаемыхъ въ Никон. (IX, 15) и Толст. I, № 172, нѣтъ ни въ Новоіерусал. и Погод. 1404 а, ни въ другихъ просмотрѣнныхъ мною спискахъ редакціи 1512 г.; выше въ Новоіерусал. и Погод. 1404 а опущены слова: «глаголють же о немъ яко многъ бѣ», которыя есть въ Никон. (IX, 15) и Толст. I, № 172; словъ «точію царствова тринадесять мѣсяць», находящихся въ Никон. (IX, 25) и Толст. I, № 172, нѣтъ ни въ Новоіерусал. и Погод. 1404 а, ни въ другихъ извѣстныхъ мнѣ спискахъ редакціи 1512 г.; въ этихъ же спискахъ опущены слова, находящіяся выше, какъ въ Никон. (IX, 25), такъ и въ Толст. I, № 172: «и псѣхъ, и птицахъ, и во играніихъ суетныхъ». Напротивъ, слово «постели» (хранителя царской постели сътвори),

---

вертыа жены роженаго. И на издыханіи послѣднемъ рече брату своему, царю Александру: «вижу о тебѣ, о любимый брате, яко лютѣ съдръжати тебѣ царство». И бысть тако, яко же рече.

читаемое въ спискахъ редакціи 1512 г., опущено, какъ въ Никон. (IX, 28), такъ и въ Толст. I, № 172; въ Никон. (IX, 31), согласно съ Толст. I, № 172, читаемъ: «неподобнымъ проходи сопоти (въ Толст. съпоти) злодѣланію», между тѣмъ въ Новоіерусал.: сопостати, а въ Погод. 1404 а: сопроти; въ Никон. (IX, 32), такъ же какъ и въ Толст. I, № 172, опущены слова «на златици», читаемыя въ Новоіерусал. и Погод. 1404 а (и по два точію повелѣ на златици продавати кобла); вм. овчаре въ фразѣ: «и говядопасци, и говядаре, мужіе овчаре, живущіи въ безуміи...», какъ она читается въ Новоіерусал. и Погод., — въ Никон. (IX, 86) и Толст. I, № 172 находитъ: овчя, ѡвча; слова «ея коснымъ шествіемъ, ниже паки въ устремленіе», находящіяся въ Новоіерусал. и Погод. 1404 а, но опущенныя въ Никон. (IX, 90), опущены также въ Толст. I, № 172; въ Никон. (X, 43), согласно съ Толст. I, № 172, вслѣдъ за словами: «и пребысть время доволно въ молчаніи», читаемъ: «Царство гречьское Феодора Ласкаря»; между тѣмъ въ Новоіерусал., Погод. 1404 а и другихъ спискахъ редакціи 1512 г. (Изборникъ, стр. 31; Обзоръ, вып. 1-й, стр. 189) послѣ этихъ словъ читается статья, помѣщенная въ Никон. (IX, 205) и Толст. I, № 172 выше, и лишь послѣ изложенія московскихъ событій читаемъ: «Царство греческое» (словъ «Феодора Ласкаря» нѣтъ); словамъ Никон. (X, 45): «во Цари же градѣ епископы своя и презвитеры устроиша, и вся быша по Римскому обычаю», которыхъ нѣтъ ни въ Новоіерусал., ни въ Погод. 1404 а, ни въ прочихъ спискахъ редакціи 1512 г. (ср. Изборникъ, 33), въ Толст. I, № 172 соотвѣтствуетъ: «папа же присла изъ рима въ цр҃ъгр҃а своѧ бискоупы и попы. а греческіѧ еп҃пы и презвитери изъ цр҃аграда веде в римъ. и быша всѧ въ цр҃игра дѣ по римъскомоу ѡбычаю»; словъ «яко водами» (покрывая яко водами горы и поля воинствы), которыя читаемъ въ Никон. (XI, 151), согласно съ Толст. I, № 172, нѣтъ въ спискахъ редакціи 1512 г. (ср. Изборникъ, 65); вм. Горзустани списковъ редакціи 1512 г. (ср. Изборникъ, 66), въ Никон. (XI, 152), согласно Толст. I, № 172: Гурстани и т. д. Въ виду этихъ и другихъ по-

добныхъ чтеній связь между Никоновскою лѣтописью и редакціею хронографа, не раздѣленною на главы, не подлежитъ сомнѣнію. Но какъ же объяснить эту связь, если принять во вниманіе сдѣланный выше выводъ о томъ, что эта редакція поздняго происхожденія и относится къ концу XVI-го, а можетъ быть и къ началу XVII вѣка? Въ виду того, что Никоновская лѣтопись составлена въ серединѣ XVI вѣка, ясно, что составитель ея пользовался не тѣмъ видомъ редакціи, не раздѣленной на главы, который дошелъ до насъ въ Толстовскомъ и сходныхъ спискахъ, а тѣмъ болѣе древнимъ ея видомъ, о которомъ мы уже говорили выше. Никоновская лѣтопись, кромѣ списковъ редакціи 1512 года, пользовалась редакціею, непосредственно предшествовавшею редакціи списковъ Толстовскаго и сходныхъ съ нимъ. Мы назовемъ эту болѣе древнюю редакцію — 1-ю редакціею, не раздѣленною на главы, а вытекшую изъ нея редакцію конца XVI или начала XVII в. — 2-ю редакціею, не раздѣленною на главы.

И такъ, сравнительное изученіе Никоновской лѣтописи и списковъ 2-й редакціи хронографа, не раздѣленной на главы, приводитъ насъ къ возстановленію состава и чтеній 1-й редакціи, не раздѣленной на главы. При этомъ оказывается, что 2-я редакція многое сократила, сравнительно со своимъ оригиналомъ— 1-ю редакціею.

Такъ между прочимъ, на основаніи Никоновской лѣтописи и Толстовскаго списка хронографа 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, можно возвести къ 1-й редакціи Сказаніе о хулнѣй вѣрѣ Срацинъстѣй, помѣщенное въ Никон. лѣтописи подъ 990 г. (IX, 59—63). Это сказаніе читается во 2-й редакціи хронографа при изложеніи событій царствованія Консты; въ редакціи 1512 года мы находимъ его въ соотвѣтственномъ мѣстѣ (глава 145-я), но въ болѣе краткомъ видѣ, чѣмъ во 2-й редакціи. Впрочемъ, и 2-я редакція сократила сказаніе сравнительно съ 1-ю редакціей и Никоновскою лѣтописью, но при этомъ во 2-й редакціи видимъ иное сокращеніе, чѣмъ въ редакціи 1512 года.

Но что въ Никоновскую лѣтопись это сказаніе внесено изъ 1-й редакціи хронографа, можно видѣть уже по первымъ строкамъ его, гдѣ читаемъ по Никоновской лѣтописи: «сходитъ же отъ Измаила и отъ Агары рождьшагося Аврааму»; ср. то же въ Толст. сп.: «исходитъ же ѿ измаила и ѿ мт҃ри его агари»: союзъ и въ этой фразѣ, какъ замѣтилъ издатель IX т. П. С. Р. Л. (стр. 59, прим. 1), лишній и обличаетъ общій для Толстовскаго списка и Никоновской лѣтописи оригиналъ[1]).

Къ 1-й же редакціи хронографа возводится «Сказаніе вкратцѣ о Латынехъ како отступиша отъ православныхъ патриархъ» и т. д., помѣщенное въ Никоновской лѣтописи (V, 178—191). Уже самое мѣсто, гдѣ оно находится въ этой лѣтописи, показываетъ, что оно попало въ нее не изъ редакціи 1512 года, а изъ редакціи, не раздѣленной на главы; дѣйствительно, въ Никоновской лѣтописи мы находимъ это сказаніе подъ 1443 годомъ, подобно тому какъ во 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, мы его читаемъ въ изложеніи царствованія Калуяна (вступилъ на престолъ въ 1425 году), по поводу Флорентійской уніи; между тѣмъ въ редакціи 1512 года это сказаніе помѣщено въ 159-й главѣ въ царствованіи Ирины и сына ея Константина (IX вѣкъ). Текстъ сказанія по Никоновской лѣтописи не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что оно попало въ нее именно изъ 1-й редакціи хронографа, не раздѣленной на главы: во 1) оно здѣсь полнѣе, чѣмъ въ редакціи 1512 г. и во 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, при чемъ однако обѣ эти редакціи представляютъ два разныхъ сокращенія одной общей основной редакціи; во 2) рядъ чтеній Никоновской лѣтописи сближаетъ текстъ сказанія именно съ текстомъ 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, которая, какъ мы видѣли, возникла на основаніи 1-й редакціи. Самое заглавіе его показываетъ на общій источникъ, откуда это сказаніе

---

1) Что касается происхожденія этого сказанія, то въ хронографъ оно попало изъ Еллинскаго лѣтописца 2-й редакціи (источникомъ его является разсказъ Амартола) при чемъ оно, повидимому при внесеніи въ хронографъ, подверглось распространенію.

попало, съ одной стороны, въ Никоновскую лѣтопись, а съ другой — во 2-ю редакцію хронографа, не раздѣленную на главы. Вмѣсто краткаго заглавія редакціи 1512 года[1]), мы находимъ и въ Никоновской лѣтописи и въ Толстовскомъ спискѣ длинныя и при томъ сходныя заглавія[2]). Далѣе въ редакціи 1512 года опущено длинное начало этого сказанія, а именно о Львѣ Исаврянинѣ, Константинѣ Копронимѣ, Львѣ иже отъ Хозари, о царицѣ Иринѣ и о Константинѣ, о Никифорѣ Геникѣ, Ставракіи, Михаилѣ Рангавеѣ, Львѣ Арменинѣ, Михаилѣ Травлѣ и Ѳеофилѣ: это начало читается одинаково, какъ по Никоновской лѣтописи (V, 178—180), такъ и по Толстовскому списку 2-й редакціи хронографа, хотя въ этой редакціи, сравнительно съ Никоновской лѣтописью и, слѣдовательно, 1-ю редакціею, находимъ нѣсколько пропусковъ[3]). За этимъ отрывкомъ, гдѣ разсказывается о дѣятельности иконоборческихъ царей, въ Никоновской лѣтописи и во 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, слѣдуетъ общій съ редакціей 1512 года текстъ: при этомъ сравненіе текста по этимъ тремъ памятникамъ возстановляетъ общій источникъ, значительно сокращенный въ редакціи 1512 года[4]). Такъ

---

1) Сказаніе о латынехъ какъ отступиша отъ православныхъ патріархъ.

2) Сказаніе въкратце о латинехъ како отступиша отъ православныхъ патриархъ. и извръжена (Ник. извержени) быша отъ пръвенства своего и отъ книгъ памятныхъ (Ник. ошибочно: помѣстныхъ). и о иконоборныхъ царехъ (Ник. цари). в коньстантинѣ градѣ цесарьствовавшихъ еретицехъ.

3) Во 2-й редакціи опущена напр. фраза: Сеи же царице Иринѣ и сыну ея Костянтину напослѣді подобне жившимъ, и тако отъ царьствия и неволею отпадшимъ (ср. Никон. V, 179); далѣе опущено нѣсколько строкъ послѣ словъ «и по немъ сынъ его Ставрикиесъ» и до словъ: «Сиі же всиі отъ седмаго сабора и довынѣ святыя иконы почитаху». За этой фразой опущены слова отъ «Воста же на Михайла царя» и до «во иноческиі образъ адеяся» и т. д. (ср. Никон. V, 179).

4) Для примѣра выпишу нѣсколько строкъ по Никон. лѣтописи, по редакціи, не раздѣленной на главы (Толст. сп.) и по редакціи 1512 г. (Новоіерусал. сп.) *Никон.* (V, 180): По Андрѣяне же папе Римскомъ бысть въ Римѣ Левъ папа; сему жь Лву папе завидѣвше сродницы бывшаго Андрияна папы изгнаша его отъ священнаго престола его и отъ града Рима; и тако много печаленъ бѣ Левъ папа оставъ престола своего и не обреташе ни откуду помощи; и посла въ Царьградъ ко царю Костянтину Лвову сыну и к матери его Ирине

между прочимъ въ редакціи 1512 года опущенъ длинный отрывокъ, гдѣ упоминается о патріархѣ Меѳодіи (Никон. V, 182—183). Въ обѣихъ редакціяхъ, сравнительно съ Никоновской лѣтописью, опущено посланіе Фотія къ римлянамъ о святомъ духѣ и опрѣснокахъ (Никон. V, 187—189); во всемъ же остальномъ 2-я редакція хронографа, не раздѣленная на главы, сходна съ этой лѣтописью, хотя и сокращаетъ мѣстами общій источникъ: такъ, довольно длинному отрывку (Никон. V, 185—186), озаглавленному «О томъ же отъ иного слова», во 2-й редакціи соотвѣтствуетъ всего нѣсколько строкъ[1]).

Къ первой редакціи хронографа, не раздѣленной на главы, возводится еще рядъ другихъ статей Никоновской лѣтописи: отложу ихъ разсмотрѣніе до изслѣдованія другихъ памятниковъ, связанныхъ съ этой редакціей.

Въ ближайшемъ отношеніи ко 2-й редакціи хронографа, не раздѣленной на главы, находится любопытный памятникъ, извѣстный подъ названіемъ Русскаго Временника или Костромской лѣтописи (ср. Карамз., И. Г. Р. III, пр. 360)[2]). Изученіе этого памятника показываетъ, что въ теперешней своей редакціи онъ сложился въ серединѣ XVI вѣка и лишь впослѣдствіи дополненъ кое-какими житіями и лѣтописными извѣстіями, изъ которыхъ самыя позднія вписаны, быть можетъ, даже въ началѣ XVIII в. (ср. II, 387: съ книгъ Полидора выписано, при чемъ подъ По-

---

прося помощи отъ нихъ. *Толст. сп.*: По андрианѣ же папѣ римскомь. бысть в римѣ левъ папа семоу папѣ львоу. завидѣша сродници бывшаго андриана папы и изгнаша его отъ престола и отъ града рима. и много печаленъ бѣ папа левъ оставъ престола и не обрѣташе откоудоу помощи. посла въ цр҃іградъ ко цароу костантину и ко матери его иринѣ прося помощи... *Новоіерусал.*: По андрѣяне папе римскомъ бысть в римѣ левъ. семоу завидѣша сродницы андрѣяни. изгнаша его отъ престола и отъ града. онъ же посла въ царьградъ кь царю костянтиноу и матери его прося помощи отъ нихъ.

1) А именно: по семъ же христофорѣ развращеніемъ исповѣдници. написаша явѣ латини в римстей церкви. яко и отъ сына духъ исходитъ (ср. Никон. V, 186).

2) Русскій Временникъ изданъ два раза М. 1790 г. и М. 1820 г. Пользуюсь вторымъ изданіемъ.

лидоромъ разумѣется Полидоръ Урбинскій, переведенный на русскій языкъ въ Петровское время). Связный лѣтописный разсказъ Русскаго Временника тянется до 1533 года: вслѣдъ за извѣстіемъ о возвращеніи въ Москву послѣ Крымскаго похода великаго князя Василія Ивановича 21 августа 7041-го сентябрьскаго года, мы находимъ (II, 363) извѣстіе отъ 19 декабря 7042-го сентябрьскаго года о слитіи колокола и поставленіи его Николаемъ Нѣмчинымъ; но между этими двумя событіями случилось важное происшествіе — смерть вел. кн. Василія Ивановича (3 декабря 7042-го сентябрьскаго года): неупоминаніе о немъ въ Русскомъ Вр. служитъ прямымъ доказательствомъ того, что въ болѣе первоначальной редакціи онъ былъ составленъ въ 7041 (1533) году, при чемъ приписка о колоколѣ, равно какъ и слѣдующія затѣмъ статьи — о преставленіи Александра Свирскаго († 30 дек. 1533 г.), сказаніе отъ житія Данила Переяславльскаго († 7 апрѣля 1540 г.), предисловіе о великихъ князьяхъ литовскихъ (Русск. Вр., II, 364—386), внесены впослѣдствіи въ редакцію, относящуюся къ серединѣ XVI вѣка и послужившую основаніемъ для Костромской редакціи конца XVII в.[1]). И такъ, древнѣйшая редакція Русскаго Временника относится къ 1533 г.: попытаюсь установить связь именно этой редакціи съ редакціею хронографа, не раздѣленною на главы.

Отмѣчу прежде всего, что въ Русскомъ Временникѣ, лѣтописномъ сборникѣ русскихъ извѣстій, есть нѣсколько мѣстъ, смыслъ и происхожденіе которыхъ непонятны безъ сопоставленія ихъ съ текстомъ Хронографа. Такъ напр. подъ 1079-мъ годомъ (I, 77), читаемъ: «при цари Иванѣ гречестѣмъ бысть въ Руси князь великій Всеволодъ Ярославичь и былъ на великомъ

---

1) Ср. рядъ лѣтописныхъ извѣстій 1642 — 1680 гг., относящихся къ Костромскому Богоявленскому монастырю, внесенныхъ послѣ выписокъ изъ М. Бѣльскаго о климатическихъ особенностяхъ 6993 (= 1493) г. (ср. съ этимъ выписку изъ него же подъ 1261 г.) и изъ книги Полидора, а также послѣ извѣстія о поставленіи большого паникадила 13 апр. 1660 г. и списка съ государевой грамоты 1652 г. на Кострому, игумену Герасиму.

княженіи лѣтъ 15»; подъ 1215-мъ г. (I, 84): «при цари греческомъ Иванѣ Ватацѣ, обладающу въ Руси великому князю Георгію, сыну Всеволода Владимерскаго, въ лѣто 6723, князь Констянтинъ Всеволодичь заложи церковь камену въ Ярославли святаго Спаса»: подъ 1272-мъ г.: «при сего (sic) царствіи, въ 16 лѣто царства его, въ лѣто 6780, сѣде на великое княженіе въ Володимери и въ Переяславлѣ князь Василіе Ярославичь Невскаго братъ, Костромскій»; подъ 1393-мъ г. (I, 347): «въ тоже 6901 лѣто, при цари Мануилѣ греческомъ князь великій Василей Дмитріевичь ходилъ во Орду ко царю Тактамышу въ другіе». Всѣ эти ссылки на греческихъ императоровъ, изъ которыхъ одинъ даже не названъ по имени, совершенно неумѣстны въ Русскомъ Вр., такъ какъ въ немъ совсѣмъ нѣтъ статей, относящихся до византійской исторіи. Оказывается, что и эти ссылки и весь сопровождающій ихъ текстъ цѣликомъ заимствованы въ Русскій Вр. изъ хронографа [1]). Это обстоятельство наводитъ на мысль, что не только нѣкоторыя, подобныя приведеннымъ, извѣстія восходятъ къ хронографу, но что вообще весь Русскій Вр. во всемъ его составѣ или бо́льшая часть его должны быть возведены къ тексту хронографа, т. е., что главнымъ основаніемъ Русскаго Временника, сборника 1533 года, служилъ хронографъ, слитый съ русской лѣтописью и, можетъ быть, продолженный до августовскихъ событій 1533 г. Редакторъ одного изъ позднѣйшихъ изводовъ Русскаго Временника (извода сере-

---

1) Ср. приведенныя изъ Русск. Вр. мѣста съ текстомъ хронографа редакціи 1512 г.: При семъ цари Иванѣ бысть въ Руси князь великій Всеволодъ Ярославичь, былъ на великомъ княжѣніи лѣтъ 15 (Изборникъ Попова, 14); при семъ цари Иванѣ Ватацѣ въ Руси обладающу въ Володимери великому князю Юрью, сыну Всеволода Володимерскаго, въ лѣто 6723 князь Константинъ Всеволодичь заложи церковь камену въ Ярославлѣ святаго Спаса (Изборникъ, 38); при сего (т. е., какъ видно изъ предидущаго, Михаила Палеолога) царствіи, въ 16 лѣто царства его, въ лѣто 6780 сѣде на великое княженіе въ Володимери и въ Переяславли князь Василій Александровичь Невскаго Костромскый (Изборникъ, 45); въ лѣто 6901 при семъ цари гречестѣмъ Мануилѣ князь великій Василей Дмитріевичь ходилъ въ орду къ царю Тактамышу въ другые (Изборникъ, 67).

дины XVI в. или, быть можетъ, извода XVII в.), задавшись цѣлью составить русскій лѣтописецъ, счелъ нужнымъ переработать древнѣйшую его редакцію, т. е. хронографъ, продолженный русскими лѣтописными извѣстіями до 1533 года: для этого онъ прибѣгъ къ выборкѣ изъ хронографа русскихъ статей, причемъ по недосмотру, вмѣстѣ съ этими статьями, въ его лѣтописецъ попали нѣкоторыя переходныя фразы, связывавшія въ хронографѣ русскія событія съ событіями византійской исторіи.

Сдѣланное здѣсь предположеніе о томъ, что Русскій Временникъ, въ извѣстной части своей, представляется выборкой русскихъ статей хронографа, можно подтвердить цѣлымъ рядомъ доказательствъ. Во-первыхъ мы находимъ, что объемъ статей Русскаго Временника, по крайней мѣрѣ за древнѣйшее время (до XIV вѣка) вполнѣ соотвѣтствуетъ объему русскихъ статей хронографа редакціи 1512 г.; во-вторыхъ, можно открыть ближайшую связь между статьями Русскаго Временника и текстомъ 2-й редакціи хронографа, не раздѣленной на главы. Отсюда необходимо сдѣлать выводъ, что Русскій Временникъ пользовался, какъ основнымъ источникомъ, такою редакціей хронографа, къ которой восходятъ одинаково какъ редакція 1512 г., такъ и 2-я редакція, не раздѣленная на главы, а это позволяетъ отожествить первоначальную редакцію Русскаго Временника съ хронографомъ въ его древнѣйшей редакціи, распространенной прибавленіемъ русскихъ лѣтописныхъ статей, доходящихъ до 1533 г. Такъ съ одной стороны видимъ, что Русскій Временникъ начинается съ той самой статьи, съ которой начинаются русскія статьи въ хронографѣ 1512 г.: О словенскомъ языцѣ (Нач. По столпотвореніи, егда раздѣли Богъ человѣки на 72 языка, Русск. Вр., I, стр. 1)[1]); въ послѣдующихъ затѣмъ лѣтописныхъ статьяхъ находимъ нѣкоторыя замѣтки и отступленія, прямо указывающія на хронографъ: напр., вслѣдъ за разсказомъ

---

1) Ср. въ ред. 1512 г.: О словенскомъ языцѣ и о русскомъ. По столпотвореніи, егда раздѣли Богъ человѣкы на седмьдесятъ на два языка... (Изборникъ Попова, стр. 1).

о нападеніи Аскольда и Дира (имена ихъ названы, въ отличіе отъ редакціи 1512 г.) на Царьградъ, мы находимъ здѣсь, какъ и въ редакціи 1512 года, фразу: «паде жъ въ нѣкое время и пепелъ съ небеси подобенъ крови, и каменіе обрѣтаху на путехъ и въ вертоградѣхъ червлено яко кровь» (I, 8; ср. Никон. IX, 7; въ Изборникѣ эти слова издателемъ не приведены, см. стр. 4); вслѣдъ за разсказомъ о прибытіи Рюрика, читаемъ, какъ въ хронографѣ редакціи 1512 г., о крещеніи Руси (нач. Роди же нарицаеміи Руси, иже и Кумани I, 9, ср. Изборникъ, стр. 4); за разсказомъ объ убіеніи Бориса и Глѣба въ Русскомъ Вр., какъ и въ хронографѣ редакціи 1512 г., находится статья О крещеніи угровъ (нач. Видѣвше же Піони, глаголеміи угри I, 67, ср. Изборникъ, стр. 10). Вообще текстъ большей части статей Русскаго Вр., до разсказа о крещеніи Руси Владиміромъ, буквально сходенъ съ текстомъ хронографа, повторяя при этомъ такія характерныя его особенности, какъ названіе Корсуня — Херсунемъ (I, 4, ср. Херсонь: Изборникъ, стр. 2), или ошибки, какъ «пережгутъ каменіе то румяно» вм. рамяно (I, 5; Изборникъ, стр. 5), Корсемья вм. Корсь и Емь (I, 7; Изборникъ, стр. 3, прим.); слову «дажду» (вм. «державу» большинства списковъ хронографа), въ фразѣ: «и Болгары паки подъ дажду Греческаго скипетродержанія устраяетъ» (I, 19) соотвѣтствуетъ написаніе подж҃ꙋ Новоіерусал. списка хронографа редакціи 1512 г. Равнымъ образомъ почти буквально тожественъ съ хронографомъ текстъ Русскаго Временника, начиная съ извѣстія о вступленіи на столъ Ярослава и приблизительно до разсказа о Липецкой битвѣ (I, 67—84): отмѣчу здѣсь между прочимъ ошибочное отнесеніе насильственной смерти Ярополка Изяславича къ 6600 (1192) г. вм. 1186—1187 г. (I, 77, ср. тоже въ редакціи 1512 года, Изборникъ Попова, стр. 14), причемъ освященіе церкви Успенія св. Богородицы Печерскаго монастыря, отнесенное къ 6587 г. (вм. 6597), слѣдуетъ здѣсь, какъ и въ редакціи 1512 года, непосредственно за этимъ событіемъ (въ ред. 1512 г. освященіе отнесено къ 6607 году: ошибка восходитъ, очевидно,

къ общему подлиннику Русск. Вр. и этой редакціи). Далѣе можно указать на извѣстіе 1176 года о томъ, что Всеволодъ Георгіевичъ «и на *Татарехъ* даньималъ» (I, 81, ср. тоже въ ред. 1512 года, Изборникъ Попова, стр. 29); на названіе Торковъ Турками подъ 1060 г. (I, 73, ср. тоже въ редакціи 1512 г., Изборникъ, стр. 12), города Юрьева — Сюргевымъ подъ 1030 г. (I, 70, ср. то же по Новоіерусал. сп. редакціи 1512 г.); въ особенности важно довольно постоянное названіе Святослава и Святополка — Цвѣтославомъ и Цвѣтополкомъ (I, 70, 75, 74, 76 и т. д.), что, какъ извѣстно, характеристично для хронографа редакціи 1512 года; равнымъ образомъ въ Толстовскомъ спискѣ редакціи, не раздѣленной на главы, въ двухъ или трехъ мѣстахъ свѧтославъ передѣлано на цвѣтославъ. За Калкской битвой находимъ опять таки не мало общихъ мѣстъ между Русскимъ Вр. и хронографомъ редакціи 1512 года: укажу между прочимъ на общее вступленіе къ разсказу о нашествіи татаръ (I, 108, ср. Изборникъ, стр. 39; нач. Хощу рещи, о друзи, повѣсть иже и самѣхъ безсловесныхъ можетъ подвигнути на плачъ). Повѣсть о Темирѣ, иже побѣди Баозита (Русск. Вр., I, 338—347) восходитъ цѣликомъ къ хронографу, равно какъ и слѣдующее за нею русское извѣстіе о поѣздкѣ Василія Дмитріевича въ орду, извѣстіе о крещеніи трехъ татаръ — постельниковъ царевыхъ, разсказъ о взятіи Витовтомъ Смоленска и т. д.

Съ другой стороны, какъ замѣчено выше, между Русскимъ Временникомъ и хронографомъ 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, устанавливается такая связь, которая прямо указываетъ на общій для нихъ источникъ. Такъ напр. статьѣ редакціи 1512 года о переводѣ книгъ отъ греческаго языка на словѣнскый (глава 171) во 2-й редакціи (Толст. сп.) соотвѣтствуетъ сходная статья, но отличающаяся тѣмъ, что въ началѣ ея читаемъ: преложени быша святыя книги з греческаго языка на словенскый. святымъ константиномъ философомъ и братомъ его моѳодіемъ. «бяхоу же отъ града селоуня сынове лва сотъника, извѣстно вѣдоуще греческій языкъ и словенъскій. инь филосо-

фию изъоучиша четырми языкы. греческимъ, римскимъ, сирскимъ, жыдовскымъ». и преведше божественное писаніе отъ греческаго языка на словенскіи предаша болгаромъ и т. д. Отмѣченное ковычками взято изъ краткаго житія Кирилла, извѣстнаго изъ пролога. Въ Русскомъ Временникѣ (I, 10—13) передъ статьею, соотвѣтствующею статьѣ редакціи 1512 года, мы и находимъ проложное житіе Кирилла[1]). Отсюда ясно, что Русскій Временникъ и 2-я редакція, не раздѣленная на главы, восходятъ къ такой редакціи хронографа, гдѣ находилось это житіе. — Выше было указано, что 2-я редакція, не раздѣленная на главы, фразою, заимствованною изъ статьи О вѣнчаніи Мануила на царство, указываетъ на то, что въ основной для нея редакціи находилось Пименово хожденіе, составленное Игнатіемъ: въ Русскомъ Временникѣ согласно съ этимъ и читается Хоженіе Пимина митрополита втретіе во Царьградъ (I, 293—316).— Хотя мнѣ удалось отмѣтить не много данныхъ, указывающихъ на тѣсную связь Русскаго Вр. со 2-ю редакціею хронографа, не раздѣленною па главы, но большаго числа такихъ указаній нельзя и ждать въ виду особеннаго характера обоихъ памятниковъ: Русскій Временникъ, какъ мы видѣли, это сокращеніе хронографа въ интересахъ русской лѣтописи, русскихъ статей его, а 2-я редакція, не раздѣленная на главы, сокращаетъ хронографъ въ обратномъ направленіи, выпуская изъ него русскія статьи, русскія лѣтописныя извѣстія. Во всякомъ случаѣ, въ виду всего выше изложеннаго, я считаю доказаннымъ, что Русскій Временникъ — это передѣлка хронографа той же редакціи, которая породила редакцію, сохранившуюся въ сокращенномъ видѣ въ спискахъ Толстовскомъ, Буслаевскомъ и др., т. е. хронографа 1-й редакціи, не раздѣленной на главы.

---

1) Ср. здѣсь: въ селунстѣмъ градѣ бѣ нѣкій мужъ праведенъ, именемъ Левъ, саномъ же сотникъ, отъ него же родишася два сына Меѳодіе и Константинъ; и въ три мѣсяцы научися всей хитрости, и мудрости философской, и научився глаголати четырми языки: еллински и римски, сирски и жидовски.

г) Въ библіотекѣ Имп. Академіи Наукъ хранится подъ № 4 (1278) хронографъ, относящійся, на основаніи выкладки, помѣщенной въ статьѣ объ отложеніи мяса (глава 162-я редакціи 1512 года), къ 1599 году[1]). Онъ раздѣленъ на 208 главъ и основывается на одномъ изъ списковъ редакціи 1512 г. и притомъ изъ такихъ, въ которыхъ русскія статьи, а частью и сербскія, нѣсколько сокращены[2]). Въ этотъ, извѣстный намъ текстъ редакціи 1512 г. вставленъ рядъ добавленій; ближайшее разсмотрѣніе ихъ приводитъ къ убѣжденію, что они восходятъ къ редакціи хронографа, однородной какъ съ Русскимъ Временникомъ, такъ и со 2-ю редакціей, не раздѣленною на главы. Слѣдовательно, составитель разсматриваемой редакціи 1599 года, кромѣ редакціи 1512 года, пользовался, очевидно, еще тою редакціею хронографа, которую мы назвали 1-ю редакціей, не раздѣленною на главы. Отмѣчу мѣста, общія редакціи 1599 года и, съ одной стороны, Русскому Временнику, а съ другой стороны—2-й редакціи, не раздѣленной на главы.

Во 1-хъ мы находимъ нѣкоторыя чтенія, общія редакціи 1599 года и Русскому Временнику: такъ здѣсь читается, какъ и въ Русскомъ Вр. (что отмѣчено выше), дажду вм. державу въ фразѣ: подъ дажу греческаго скипстродежания ѹстрояе. — Во 2-хъ, отличаясь въ текстѣ нѣкоторыхъ статей отъ редакціи 1512 года, эта редакція сходится съ Русскимъ Временникомъ: такъ въ статьѣ «Начало княженья Святославова» мы читаемъ въ редакціи 1599 г. послѣ словъ: «и тако возгорѣся весь градъ» слѣдующее: «и елицы изъ града выбегоша и тѣхъ всѣхъ повелѣ

1) Мы читаемъ именно: Ѳеодоръ Студитъ былъ по седмомъ соборѣ за седмь сотъ лѣтъ безъ 20. до скончания седмыя тысящи а до сихъ временъ до 7107 го лѣта за (пропускъ) какъ былъ Ѳеодоръ Студитъ; далѣе: а какъ Никонъ былъ до скончания седмыя тысящи за 400 и за 200 лѣтъ и до сего времени 7107-го году за (пропускъ). Ср. соотвѣтственныя мѣста въ спискахъ редакціи 1512 г. — въ Обзорѣ Попова, вып. 1-й, стр. 162.

2) Таково большинство списковъ, разсмотрѣнныхъ Поповымъ, также Погод. № 1404 а, Акад. № 991 (3) и др. Къ полнымъ спискамъ относятся изъ указанныхъ Поповымъ Погод. № 1443 и нѣсколько распространенный вставками Щаповскій; сюда же относятся Чудовской и Новоіерусалимскій сп.

изсѣщи»; этой фразы нѣтъ въ спискахъ редакціи 1512 г. (Изборникъ, стр. 6), но она есть въ Русскомъ Временникѣ (I, 18).— Въ 3-хъ, между редакціею 1599 г. и Русскимъ Временникомъ оказывается рядъ общихъ статей, не извѣстныхъ по спискамъ редакціи 1512 года. Такъ, согласно съ Русскимъ Временникомъ (ср. выше), передъ статьей о преложеніи книгъ, читаемъ Сказание вкратце ѿ жития святаго кирила ѳилософа (Нач. Въ селунъстемъ градѣ бѣ некии мужъ праведенъ имянемъ левъ саномъ же сотникъ). За извѣствіемъ 6731 (1223) года о походѣ Ярослава Всеволодовича къ Колывапю и объ опустошеніи имъ всей Чудской земли (этого извѣстія нѣтъ въ редакціи 1512 г.), мы читаемъ какъ въ Русскомъ Временникѣ (I, 92—99), такъ и въ редакціи 1599 г.: О пришествіи Николина образа на Резань изс Корсуня (Нач. В лѣто 6732 Явися святыи велик чюдотворець никола корсунскии; конецъ: и по малѣ времяни сн҃а роди имянемъ князя Ивана постника). Сказаніе о нашествіи татаръ, отличающееся въ Русскомъ Временникѣ отъ редакціи 1512 года, между прочимъ, вставкой о Евпатіи Коловратѣ (I, 120), читается съ той же вставкой въ редакціи 1599 года (Нач. В то же время нѣкто отъ велможъ русскихъ имянемъ еупатие коловратъ былъ в чернигове. . .)[1]). Разсказавъ о борьбѣ Владимира съ Ярополкомъ согласно съ редакціей 1512 г. (Изборникъ, стр. 8) и дойдя до фразы «и едва призва его (Варяжка) къ себѣ Владимиръ», выписавъ затѣмъ греческую статью «Царство Василіа и Константина цр҃я сыновъ Романа» (Обзоръ, вып. 1-й, стр. 178), составитель редакціи 1599 года, подъ заглавіемъ «Начало княжения великаго князя владимера киевьскаго» списалъ статью буквально сходную съ тою, которую читаемъ въ Русскомъ Временникѣ (I, 21): онъ не замѣтилъ при этомъ, что повторялъ уже разсказанныя выше событія борьбы Владимира

1) Замѣчательно, что вставки легенды о Меркуріи Смоленскомъ (Русск. Вр., I, 136—142) въ хронографѣ ред. 1599 года нѣтъ. Можетъ быть, это указываетъ на то, что въ 1-й редакціи, не раздѣленной на главы, вставки этой еще не было.

съ Ярополкомъ. За этой статьей слѣдуетъ, какъ и въ Русск. Вр. (I, 28), разсказъ О християнине варязе и сыне его иване и др. Вообще, вплоть до статьи О крещеніи Угровъ (Русск. Вр., I, 67), помѣщенной передъ русскимъ извѣстіемъ 6524 (1016) г., между редакціею 1599 г. и Русскимъ Вр. оказывается полное сходство въ противоположность редакціи 1512 года, передающей событія Владимирова княженія гораздо короче. Начиная съ этого мѣста, редакція 1599 г., какъ и Русскій Временникъ, сходствуютъ съ редакціей 1512 года до русскаго событія 6694 (1186) г. включительно. Событія 6712 г. изложены въ редакціи 1599 года согласно съ Русскимъ Временникомъ, между тѣмъ какъ часть ихъ (южно-русскія событія) совершенно опущена въ редакціи 1512 года. Липецкая битва 6725 (1217) г., равно какъ и все послѣдующее, включая сюда и Сказаніе о нашествіи татаръ (разсмотрѣнное выше), изложены въ редакціи 1599 года согласно съ Русскимъ Временникомъ, а не съ редакціей 1512 года. Послѣ статьи объ убіеніи Батыя, редакція 1599 года становится вполнѣ сходною съ редакціей 1512 года, повторяя, какъ указано, пропуски русскихъ событій, характеризующія извѣстный разрядъ списковъ этой редакціи. Взятіе Царяграда изложено по редакціи 1512 года. Этой статьей оканчивается собственно хронографъ по редакціи 1599 года. Но за ней слѣдуетъ рядъ статей историческаго содержанія; изъ нихъ первая содержитъ разсказъ о смерти Василія Ивановича и первыхъ годахъ (до 1551-го) царствованія Ивана Васильевича.— Въ 4-хъ связь редакціи 1599 года и Русскаго Временника доказывается нѣкоторыми изъ этихъ добавочныхъ статей: такъ мы находимъ здѣсь Повѣсть о печеръскомъ монастырѣ иже во псковской землѣ и о марцѣ первомъ старце печерномъ, ср. ту же повѣсть, но въ значительно измѣненномъ видѣ въ Русскомъ Временникѣ II, 81—89; далѣе О явленіи чюдотворнаго образа пречистыя Богородицы и о началѣ монастыря ея Коловскаго, ср. ту же статью въ Русск. Вр. II, 285—291; наконецъ, Сказаніе отъ жития вкратцѣ преподобнаго отца нашего старца Данила иже в Переславлѣ

составльшаго пречестенъ монастырь живоначалныя Троица, ср. это сказаніе въ приложеніяхъ къ Русскому Временнику II, 364—381.

Ошибочно было бы думать на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, что составитель редакціи 1599 года пользовался Русскимъ Временникомъ въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ теперь. Дѣйствительно, мало вѣроятной представлялась бы мысль, чтобы составитель хронографа сталъ дополнять его на основаніи лѣтописнаго сборника русскихъ статей и при томъ такого сборника, гдѣ умышленно исключены статьи хронографическаго характера, т. е. все то, что относится ко всемірной исторіи. Напротивъ, болѣе убѣдительно другое предположеніе, а именно, что въ хронографѣ 1599 года слиты двѣ редакціи хронографа — редакція 1512 года и редакція, предшествовавшая Русскому Временнику, т. е. тотъ видъ хронографа, изъ котораго извлеченъ этотъ лѣтописный сборникъ. Сдѣланное предположеніе находитъ полное подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что въ редакціи 1599 г. сохранились ясные слѣды заимствованій изъ хронографа общаго происхожденія съ редакціею 1512 года, но относящагося къ самостоятельной, оригинальной редакціи его. Такъ, мы находимъ здѣсь мѣста, гдѣ, отступая отъ редакціи 1512 года, хронографъ 1599 года сближается со 2-ю редакціей, не раздѣленною на главы. Сюда относятся, во 1-хъ, нѣкоторыя чтенія: такъ здѣсь, въ концѣ статьи О разбіеніи зерцала, мы находимъ фразу «сия оубо доволно мною ѡплакаса *слово*», въ соотвѣтствіи съ чѣмъ, какъ это было замѣчено и выше, въ спискахъ 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, стоитъ также *слово*, между тѣмъ какъ во всѣхъ спискахъ редакціи 1512 года: *словомъ*. Во 2-хъ, составъ многихъ статей въ редакціи 1599 г. иной, чѣмъ въ редакціи 1512 г. и при томъ одинаковый со 2-ю редакціей, не раздѣленною на главы: такъ статья «Начало родомъ сербьскихъ деспотъ» начинается не такъ, какъ въ редакціи 1512 г., т. е. не фразою: «Достоитъ же рещи и сербьскыхъ деспотъ власть» (Изборникъ

Попова, стр. 29), а словами: «Великии царь констянтинъ вдаде сестру свою констянтию ликинию в женоу ликинии же роди отъ нея бѣлоУроша белоУрошъ роди тѣхомила, тѣхомилъ же роди» и т. д. Эти слова, до словъ «отъ нея бѣлоуроша» включительно, оказываются заимствованными изъ редакціи, тожественной въ этомъ случаѣ со 2-ю редакціей, не раздѣленною на главы; ср. въ началѣ указанной статьи по Толстовскому и др. спискамъ: «сеи коста зеленїи роди три сн҃ы. великаго константина. і анавалиана, и далматина, и дщерь константію юже великїи константинъ вдаде ликинию женоу... и роди ѿ кстантіи сына. ѿ него же по колѣномъ ихъ мнози изыидоша даже и до белоуроша. иже роди тѣхомиля, тѣхомилъ же роди неманѧ» и т. д.[1]). Далѣе, не мало общаго между редакціей 1599 г. и 2-ю редакціей, не раздѣленною на главы, видимъ въ изложеніи царствованій римскихъ и византійскихъ императоровъ. Такъ нѣсколькимъ строкамъ, составляющимъ въ редакціи 1512 г. статью «Царство Нероново в Римѣ»[2]), соотвѣтствуетъ въ редакціи 1599 года обширная статья, гдѣ дается характеристика Нерона и разсказывается о его судѣ надъ Анной, Каіафой и Пилатомъ. Во 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, эта статья значительно сокращена, но нѣкоторыя сохранившіяся въ ней фразы доказываютъ, что въ оригиналѣ этой редакціи, т. е. въ 1-й редакціи, не раздѣленной на главы, находилась та самая статья, которую теперь видимъ въ редакціи 1599 года; ср. въ ред. 1599 г.: бѣ же высокъ тонокъ сѣдъ и густою брадою. и строенъ и сеи (вм. сый) зело блуденъ. яко же инъ никто и паки сеи начатъ гонити християны, а въ Толст. сп.: бѣ же высокъ тонокъ сѣдъ и гоустою брадою нестроенъ зело и блѫдникъ. ѩкоже инъниктоже сеи паки начать гонити христїаны; далѣе

1) Ср. по ред. 1512 г. Великій убо деспотъ Неманя, иже есть святый Семіонъ, отъ сихъ израсте: Бѣлоурошь роди Тѣхомила, Тѣхомилъ роди сего блаженнаго и великаго деспота Неманя..., а о Константинѣ Великомъ, его дочери и Ликиніи опущено.

2) В лѣто 6557 по клавдии же царствова веронъ сынъ его. 13 лѣтъ и 2 мѣсяца. сеи воздвиже гонение на християны.

въ ред. 1599 г. (черезъ нѣсколько строкъ): бѣ же сии неронъ вѣры нарицаемыхъ епикуръ. иже глаголютъ безъ промысла вся, а въ Толст. сп. (непосредственно за предш. отрывкомъ): баше бо вѣры нарицаемыхь епикоурь. иже глаголють безъ промысла вся. Точно также въ редакціи 1599 года и въ спискахъ 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, оказывается довольно обширная статья о царствованіи Зинона, переданная въ ред. 1512 г. всего въ нѣсколькихъ строкахъ (Обзоръ Попова, вып. 1-й, стр. 148): въ обѣихъ выше названныхъ редакціяхъ она передается съ нѣкоторыми отличіями, но ясно, что она восходитъ въ нихъ къ одному общему оригиналу [1]). Вообще, можно относить насчетъ 1-й редакціи, не раздѣленной на главы, т. е. редакціи, основной для 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, всѣ тѣ мѣста редакціи 1599 года, гдѣ она отступаетъ отъ редакціи 1512 г. Кое-что при этомъ не совпадаетъ со 2-ю редакціей, не раздѣленною на главы, но это зависитъ главнымъ образомъ отъ тѣхъ сокращеній, которымъ подверглась эта редакція; что касается добавленій въ первой половинѣ хронографа (до Александріи), то имъ не найдется соотвѣтствія во 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, потому что редакція эта начинается, какъ извѣстно, съ Александріи. Въ особенности интересны добавленія редакціи 1599 года, сравнительно съ редакціей 1512 года, послѣ 82-й главы, гдѣ находимъ 1) Изъ книгъ мудреца маркуса о десяти сивиллахъ сиречь о пророчицахъ, 2) Избрание отъ книги глаголемыя июдиѳъ, 3) Инъ переводъ вкратцѣ первому несогласенъ занеже нѣ в то время сказуетъ.

Выше я говорилъ уже, что, послѣ повѣсти о нашествіи татаръ, вліяніе 1-й редакціи, не раздѣленной на главы, т. е. той

1) Ср. ред. 1599 г. Зинонъ же пришедъ изверже петра антиохиискаго патриарха, Толст. сп.: Зинонъ же пришедъ въ антиохию изврьже петра патриарха; ред. 1599: и зинонъ умре лѣтъ сыи 65 и мѣсяцъ 9. Есть убо отъ адама до смерти зиноновы лѣтъ 6458 лѣтъ и мѣсяць 7, а въ Толст. сп: и оумре зинонъ... живъ лѣтъ 65 и мѣсяціи 9. есть же отъ адама до смерти зиноновы лѣтъ 5980 и мѣсяцъ 7 и др.

редакціи, къ которой восходитъ съ одной стороны Русскій Вр., а съ другой 2-я редакція, не раздѣленная на главы, прекращается, при чемъ текстъ хронографа 1599 г. слѣдуетъ редакціи 1512 года.

Послѣ этихъ замѣчаній ясно, почему редакціи 1599 года должно придавать важное значеніе въ вопросѣ о происхожденіи и первоначальномъ составѣ хронографа: 1) выдѣливъ изъ нея все то, что восходитъ къ редакціи 1512 года, мы получимъ представленіе о другой, не зависимой отъ этой редакціи, при чемъ возстановленіе ея возможно именно путемъ изученія редакціи 1599 г.; 2) этотъ второй источникъ редакціи 1599 года оказывается связующимъ звеномъ между Русскимъ Временникомъ и 2-ю редакціей, не раздѣленною на главы, такъ какъ все то, что въ редакціи 1599 г. не принадлежитъ основному ея источнику — редакціи 1512 года, восходитъ или къ Русскому Вр. или ко 2-й редакціи, а слѣдовательно предполагаетъ существованіе такой редакціи хронографа, которая породила съ одной стороны Русскій Временникъ, а съ другой 2-ю редакцію, не раздѣленную на главы.

Подведу итоги предыдущему изслѣдованію о той редакціи Хронографа, которая существовала независимо отъ редакціи 1512 года и въ своей литературной исторіи стояла въ связи съ памятниками, каковы Никоновская лѣтопись, Русскій Временникъ, редакція Хронографа 1599 г., редакція Хронографа по Толстовскому и сходнымъ спискамъ и т. д.

1. Никоновская лѣтопись пользовалась при своихъ заимствованіяхъ изъ хронографа, кромѣ двухъ списковъ редакціи 1512 года, такою редакціею хронографа, которая предшествовала дошедшей до насъ редакціи, не раздѣленной на главы.

2. Русскій Временникъ — это лѣтописный сборникъ русскихъ статей, извлеченныхъ изъ хронографа такой редакціи, которая предшествовала дошедшей до насъ редакціи, не раздѣленной на главы.

3. Редакція 1599 года, кромѣ списка редакціи 1512 г., пользовалась такою редакціей хронографа, которая тожественна съ тою, изъ которой извлеченъ лѣтописный сборникъ — Русскій Временникъ.

4. Дошедшая до насъ редакція, не раздѣленная на главы, представляется извлеченіемъ изъ другой болѣе древней редакціи, при чемъ русскія лѣтописныя статьи были, по возможности систематически, опущены.

5. Изъ сопоставленія 2, 3 и 4-го выводовъ слѣдуетъ, что въ основаніи Русскаго Временника, редакціи 1599 года и редакціи, не раздѣленной на главы, лежитъ одна общая, основная для нихъ редакція хронографа, которую можно, въ противоположность дошедшей до насъ, назвать 1-ю редакціей, не раздѣленною на главы, оставивъ за послѣднею названіе 2-й редакціи, не раздѣленной на главы.

6. Мы имѣемъ основаніе думать, что Никоновская лѣтопись пользовалась этою самою 1-ю редакціей, не раздѣленною на главы: выше было указано, что многія подробности и чтенія въ хронографическихъ статьяхъ Никоновской лѣтописи могутъ быть объяснены только изъ редакціи, близкой по своему составу ко 2-й редакціи, не раздѣленной на главы. Но, кромѣ византійскихъ и южно-славянскихъ статей, Никоновская лѣтопись заимствовала изъ хронографа и русскія статьи и даже отдѣльныя лѣтописныя извѣстія[1]). Вотъ почему все общее между Никоновскою лѣтописью и Русскимъ Временникомъ, напр. въ изложеніи событій XIV и слѣд. вѣковъ, можно объяснять тѣмъ, что составитель Никонов-

---

1) Такъ хронографъ оказалъ вліяніе на нѣкоторыя статьи о началѣ Руси: ср. въ легендѣ объ Андреѣ первозванномъ: пережегше каменіе то *румяно* (IX, 4), названіе Варяговъ—Варегами (IX, 4, 9), измѣненіе Боричева ввоза въ взвозъ Барнуевъ—ср. Новоіерусал. возво бориоуевъ; начало разсказа о призваніи Варяговъ (IX, 9: При Михаилѣ и Василіи царема...); разсказъ о началѣ княженія Ольги, гдѣ Святославъ названъ, согласно хронографу, Цвѣтославомъ (IX, 28); первыя строки въ извѣстіи о кончинѣ преп. Ѳеодосія (IX, 101); конецъ статьи объ убіеніи Изяслава Ярославича (IX, 109); начало княженія Мстислава Владимировича въ Кіевѣ (IX, 153, нач.: еще юнъ сый — оттоле въ Резань) и мн. др.

ской лѣтописи пользовался не Русскимъ Временникомъ, а тѣмъ, что однимъ изъ источниковъ этой лѣтописи былъ тотъ самый хронографъ, изъ котораго впослѣдствіи извлеченъ Русскій Временникъ. При этомъ оказывается, что Никоновская лѣтопись пользовалась разнообразными источниками только до 1520 года включительно: начиная съ 1521 г., находимъ въ ней сплошное заимствованіе изъ Воскресенской лѣтописи (вплоть до 1541-го года, гдѣ эта лѣтопись прекращается). Почти все то, что подъ 1520-мъ г. не восходитъ къ Воскресенской лѣтописи, можетъ быть признано заимствованіемъ именно изъ этого Хронографа — оригинала Русскаго Временника: такова напр. статья О иконахъ Владимерскихъ, которой нѣтъ ни въ Воскресенской, ни во Львовской (бывшей также въ одной изъ первоначальныхъ своихъ редакцій источникомъ Никоновской лѣтописи) лѣтописи, но которая читается въ Русскомъ Временникѣ. Въ виду этого я думаю, что изслѣдуемый хронографъ былъ извѣстенъ составителю Никоновской лѣтописи въ редакціи 1520-го года. А отсюда легко вывести, что въ основаніи какъ той редакціи хронографа, которую мы назвали 1-ю редакціей, не раздѣленною на главы (—источника Русскаго Временника и 2-й редакціи), такъ и многихъ статей Никоновской лѣтописи лежитъ Хронографъ редакціи 1520 года.

7. И такъ, рядомъ съ хронографомъ редакціи 1512 года была извѣстна другая независимая отъ нея редакція; древнѣйшій видъ ея сохранился въ не дошедшей до насъ редакціи 1520 года; въ серединѣ XVI вѣка явился другой ея видъ и, наконецъ, къ концу XVI или началу XVII в. относятся два позднѣйшіе ея вида — редакція, отразившаяся въ спискахъ Толстовскомъ и сходныхъ съ нимъ, и редакція, отразившаяся въ Русскомъ Временникѣ.

III.

Изъ предыдущаго изслѣдованія вытекаетъ слѣдующее положеніе: для возстановленія первоначальнаго состава русскаго хронографа необходимо сравнительное изученіе редакціи 1512 года

и той редакціи, древнѣйшимъ представителемъ которой является редакція 1520 года (возстановляемая при помощи Никоновской лѣтописи, Хронографа редакціи 1599 года, Русскаго Временника и Хронографа списковъ Толстовскаго и сходныхъ съ нимъ).

Подобная работа, т. е. возстановленіе первоначальнаго состава русскаго хронографа, не можетъ входить въ задачу настоящаго изслѣдованія, которое стремится отвѣтить на болѣе элементарные вопросы, связанные съ судьбой хронографа—гдѣ, когда и кѣмъ онъ составленъ. Но отвѣтъ на эти вопросы должно искать хотя бы въ поверхностномъ очеркѣ того общаго характера, который можно, на основаніи указанныхъ путей, приписать хронографу въ его первоначальномъ видѣ.

Во-первыхъ, является вопросъ, какія событія новѣйшаго времени обнималъ хронографъ, основной для редакцій 1512 и 1520 г. Оканчивался ли онъ такъ, какъ редакція 1512 года, т. е. сказаніемъ о взятіи Царяграда турками, или лѣтописный разсказъ переходилъ и за это событіе 1453 года, какъ въ редакціи 1520 г.? Рѣшеніе этого вопроса возможно двоякимъ путемъ: 1) путемъ сравнительнаго изученія обѣихъ редакцій, извлеченія изъ нихъ всего того, что оказывается въ нихъ общимъ, 2) путемъ изученія внутренняго состава дошедшихъ до насъ статей хронографа, извлеченія изъ нихъ указанія на время составленія или включенія ихъ въ хронографъ. Первый путь я долженъ пока оставить въ сторонѣ потому, что опасаюсь наткнуться, идя по нему, на редакцію промежуточную между основною, первоначальною редакціей русскаго хронографа и обѣими сопоставляемыми нами редакціями (редакціей 1512 и 1520 г.). Обращаюсь ко второму пути, тѣмъ болѣе надежному, что онъ уже привелъ предшествующихъ изслѣдователей къ выводу о томъ, что хронографъ составленъ въ XV-мъ вѣкѣ. Дѣйствительно, Поповъ въ своемъ Обзорѣ собралъ вѣскія доказательства въ пользу того, что ни одна изъ статей хронографа редакція 1512 года по своему происхожденію, по времени возникновенія не можетъ быть признана старшею первой половины XV вѣка; исключеніе состав-

ляетъ только послѣдняя статья «Плачъ о паденіи Царяграда» принадлежащая перу самого составителя редакціи 1512 г. (Обзоръ, II, 63). Это послѣднее обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что въ другихъ редакціяхъ хронографа читаются особыя повѣсти о взятіи Царяграда [1]), — повѣсти, бывшія очевидно неизвѣстными редактору 1512 года, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что ни въ первоначальной редакціи хронографа, ни въ предположительно возможной — промежуточной редакціи между нею и позднѣйшими — не было повѣсти о взятіи Царяграда. Въ виду этого, а также того, что русскія лѣтописныя извѣстія могли быть вставлены впослѣдствіи и потому рѣшающаго значенія имѣть не могутъ, важнымъ оказывается опредѣлить, какое же изъ византійскихъ или южнославянскихъ событій было послѣднимъ, заключительнымъ въ первоначальной редакціи хронографа. Такимъ событіемъ, читаемымъ какъ въ редакціи 1512 года, такъ и въ редакціи 1520 года, является какъ будто вступленіе на престолъ императора Константина Палеолога. Привожу текстъ этой статьи по редакціи 1512 г. и по 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, заимствовавшей ее, согласно предыдущему, изъ редакціи 1520 г.:

Ред. 1512 г.	Толст. сп., I, № 172.
По Калуянѣ пріятъ скипетра Греческая братъ его Константинъ. Бѣда же тогда много належаще царствующему граду отъ безбожныхъ Турокъ, и многи грады пріяша и поплѣниша, и власть ихъ зѣло простирашеся Божіимъ попуще-	По калоуанѣ сынѣ маноуиловѣ царствова въ Цариградѣ братъ его Константинъ драгошь палеологь. лѣтъ 11. бѣда же многа тогда належаще царьствоующему граду отъ безбожныхъ тоурокь. и многи грады прияша и поплениша. и власть

1) Въ редакціи 1520 г., судя по Никон. лѣтописи, находилась извѣстная повѣсть, написанная Искендеромъ; во 2-ю ред., не разд. на главы, попала также, повидимому, изъ предшествующихъ редакцій особая повѣсть, извѣстная изъ нѣсколькихъ списковъ въ видѣ дополнительной статьи къ ред. 1512 г. (ср. Акад. 991 (3), Погод. 1404 а) и др.

ніемъ, Греческая же оскудеваше.	ихъ зело простирашеся Божіимъ попоущеніемъ греческая же ѡскоудѣваше.

Очевидно, въ редакціи, основной для редакцій 1512 г. и 1520 г., статья эта находилась. Но слѣдуетъ ли отсюда, что она восходитъ къ первоначальной редакціи хронографа? Конечно, нѣтъ, такъ какъ вполнѣ возможно допустить, что основною для обѣихъ названныхъ редакцій была не первоначальная редакція хронографа, а уже позднѣйшая ея переработка. И дѣйствительно, мы имѣемъ ясное доказательство того, что приведенная статья не могла находиться въ первоначальной редакціи хронографа. Во-первыхъ, отмѣчу, что статья эта въ основной для редакцій 1512 и 1520 г. редакціи должна была читаться именно такъ, какъ она читается теперь въ Толстовскомъ и сходныхъ съ нимъ спискахъ, а не такъ какъ въ редакціи 1512 года: указаніе на число лѣтъ царствованія Константина (11) находилось въ основной редакціи и опущено въ редакціи 1512 года. Это видно изъ слѣдующихъ соображеній: редакторъ 1512 года ставитъ извѣстіе о вступленіи на столъ греческихъ императоровъ и указаніе на число лѣтъ ихъ царствованія въ начало главы, при чемъ эта глава (а иногда вмѣстѣ съ слѣдующею, до новаго заглавія: «Царство греческое») обнимаетъ событія столькихъ лѣтъ, сколько царствовалъ тотъ или другой императоръ. Такъ, по расчету хронографа, Михаилъ Палеологъ, вступившій на столъ въ 6765 году[1]), царствова надъ Греки лѣтъ 24: вотъ почему послѣднимъ событіемъ 196-й главы — это кончина митрополита Кирилла въ 6789 году. Андроникъ Палеологъ по его расчету вступилъ на столъ въ 6789 или 6790 г. и царствова 44 года: вотъ почему русскія событія 197-й главы доходятъ лишь до 6833 года. Внукъ Андроника — Андроникъ же Палеологъ, всту-

1) Ср. При сего царствіи, въ 16 лѣто царства его, въ лѣто 6780... (Изборникъ, стр. 45).

пилъ на столъ въ 6834 году и царствовалъ 13 лѣтъ: вотъ почему русскія событія главы 199-й доходятъ только до 6848 года. Иванъ Палеологъ съ 6848 царствовалъ 7 лѣтъ и за нимъ Иванъ Кантакузинъ также 7 лѣтъ: вотъ почему русскія событія 200-й главы тянутся отъ 6848 до 6861 года. Послѣ Ивана Кантакузина царствовалъ Иванъ Палеологъ съ 6862 года въ общей сложности 46 лѣтъ (по Толст. списку онъ царствовалъ 32 г. и и потомъ 14 лѣтъ, а всего тоже 46)[1]), но въ 201-й главѣ содержатся русскія событія отъ 6862 по 6898 годъ, такъ какъ въ 6899 году на столъ вступилъ Мануилъ Палеологъ и царствовалъ 33 года (Новоіерусал., а въ нѣкоторыхъ 32): вотъ почему въ главѣ 204-й помѣщены русскія событія 6901—6933 гг. Въ виду этого редакціоннаго пріема хронографа, восходящаго, какъ видно изъ Русскаго Временника[2]), къ редакціи, основной для редакцій 1512 и 1520 гг., я — изъ того обстоятельства, что въ главѣ 207-й, начинающейся съ царствованія Константина Палеолога, содержатся событія 11 лѣтъ (съ 6950 по 6561, т. е. по годъ взятія Царяграда), заключаю, что въ основной для хронографа 1512 года редакціи было указано число лѣтъ царствованія Константина — 11. Во вторыхъ, указанное обстоятельство, т. е. это явно ошибочное опредѣленіе числа лѣтъ Константинова царствованія (онъ царствовалъ всего 4 года 8 мѣсяцевъ)[3]) стоитъ въ самой тѣсной связи съ опредѣленіемъ лѣтъ предшествующаго царствованія. Въ разсматриваемыхъ редакціяхъ хронографа находимъ:

---

1) Ошибочная хронологія восходитъ къ извѣстной редакціи каталога царей, который читается въ спискахъ Новгородской 4-й и Никоновской лѣтописи (IX, стр. XXII).

2) Ср. выше приведенныя въ немъ фразы, какъ: при сего царствіа, въ 16 лѣто царства его, въ лѣто 6780 сѣде на великое княженіе ... Василій Александровичъ.

3) Ср. напр. въ каталогѣ царей, помѣщенномъ въ Воскресенскомъ сборникѣ: Константинъ Драгосъ Палеологъ, православенъ, 4 годы и 8 мѣсяць (VII, 251).

Ред. 1512 г.	Толст. сп., I, № 172.
Въ лѣто 6933 по Мануилѣ цари нача царствовати въ Царѣградѣ сынъ его киръ Калуянъ. Православенъ.	По мануилѣ цари црствова въ градѣ сынъ его киръ калуянъ лѣтъ 17 православенъ.

Текстъ Толстовскаго списка и въ данномъ случаѣ оказывается болѣе первоначальнымъ, такъ какъ въ общемъ для редакцій 1512 и 1520 гг. (къ которой восходитъ редакція Толстовскаго исходныхъ списковъ) подлинникѣ также должно было стоять: лѣтъ 17. Это видно изъ того, что въ главѣ 205-й, которою начинается Іоанново царствованіе по редакціи 1512 года, разсказывается о русскихъ событіяхъ, относящихся къ семнадцати годамъ (6933—6949). Отсюда, согласно предыдущему, слѣдуетъ, что уже въ основной для хронографа 1512 года редакціи было указано число лѣтъ царствованія Іоанна — 17. Между тѣмъ, и это число оказывается ошибочнымъ, такъ какъ Іоаннъ царствовалъ 23 года и 3 мѣсяца[1]). Чѣмъ же вызваны ошибочныя указанія — 11 вм. 4 л. и 8 м., 17 вм. 23 л. и 3 мѣсяцевъ? Оказывается, что между обѣими ошибками содержится тѣсная внутренняя связь: сумма 11 и 17 — 28 равна суммѣ истинныхъ количествъ лѣтъ царствованій обоихъ императоровъ: 4 г. и 8 м. + 23 г. и 3 м. равняется 28 г. Это — число лѣтъ, истекшихъ между двумя извѣстными изъ хронографа годами: 6933-мъ — годомъ вступленія Іоанна на престолъ (ср. вышеприведенный отрывокъ редакціи 1512 г.) и 6961-мъ — годомъ паденія Царяграда. Въ промежутокъ этого времени надо было уложить два царствованія — Іоанново и Константиново: но какъ же явились ошибочныя слагаемыя 17 и 11? Кѣмъ они сочинены, составителемъ ли первоначальной редакціи хронографа или одной изъ послѣдующихъ — основной для дошедшихъ до насъ редак-

1) Ср. каталогъ царей Воскр. лѣтописи: По Мануилѣ царьствовалъ Иванъ Палеологъ... царствовалъ 23 года и три мѣсяци.

цій? Если мы допустимъ, что слагаемыя эти сочинены составителемъ первоначальной редакціи хронографа, то придемъ къ выводу, что редакція эта составлена послѣ 1453 года, т. е. послѣ взятія Царяграда. Но такое предположеніе въ значительной степени затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что объ этомъ событіи въ дошедшихъ до насъ редакціяхъ не сохранилось ни одной статьи, ни одного извѣстія, которое можно было бы возвести къ первоначальной редакціи; кромѣ того оно нисколько не выясняетъ происхожденія обоихъ ошибочныхъ слагаемыхъ 17 и 11, вызывая сомнѣніе еще и по тому, что современнику описываемыхъ событій (исхожу изъ того положенія, что хронографъ составился въ XV в.) не могло не быть извѣстно приблизительно точное число лѣтъ царствованія Ивана и Константина Палеологовъ. Въ виду этого я заключаю, что опредѣленіе лѣтъ царствованія этихъ императоровъ принадлежитъ послѣдующему редактору, для котораго уже стерлась память о великихъ событіяхъ середины XV вѣка. Мы знаемъ, какъ онъ дошелъ до суммы 28: 6933-й годъ былъ данъ въ первоначальной редакціи хронографа, а 6961 годъ былъ извѣстенъ хотя бы изъ русскихъ лѣтописей. Но откуда же онъ взялъ оба слагаемыя? Почему Калуяну назначено 17, а Константину 11 лѣтъ царствованія? Единственно возможнымъ мнѣ кажется предположеніе, что одна изъ этихъ цифръ, а именно 17, была дана первоначальною редакціей хронографа, а другая цифра появилась вслѣдствіе вычета 17 изъ 28[1]): въ первоначальной редакціи хронографа былъ не только указанъ годъ вступленія Калуяна на престолъ, но и указано, что онъ

---

1) Сходный пріемъ находимъ въ одной особенной редакціи хронографа, заимстовавшей кое что изъ той же древней редакціи, которая лежитъ въ основаніи редакціи 1512 г. и редакцій, не раздѣленныхъ на главы — а именно въ редакціи, описанной Поповымъ вып. 1-мъ Обзора, стр. 217 и сл. Въ находящемся здѣсь лѣтописчикѣ находимъ годъ вступленія на столъ Калуяна— 6930-й, лѣта его царствованія — 20, лѣта царствованія Константина — 11. Очевидно, цифра 11 была извлечена изъ Хронографа, и сообразно съ ней, а также ошибочнаго расчета, что отъ начала царствованія Калуяна (6930) до паденія Царяграда прошелъ 31 годъ, сочинена цифра 20.

царствуетъ 17 лѣтъ, и это потому, что первоначальная редакція хронографа (какъ это слѣдуетъ изъ этого самаго обстоятельства) составлена въ 1442 году т. е. въ 17-е лѣто Калуянова царства. Противъ этого вывода, т. е. того, что первоначальная редакція хронографа составлена въ 1442 году, не могу найти возраженій ни во внутреннемъ содержаніи, ни въ литературной исторіи послѣдующихъ редакцій. Напротивъ, за такое предположеніе говоритъ какъ то обстоятельство, что эта редакція была составлена въ первой половинѣ XV столѣтія, т. е. до 1453 года, такъ и то, что позднѣйшій изъ юго-славянскихъ источниковъ, которымъ пользовался составитель хронографа—Житіе деспота Стефана — составленъ въ 1431 году. Но я надѣюсь найти подтвержденіе этому выводу еще съ другой стороны, а именно опредѣливъ мѣсто, гдѣ составленъ хронографъ, и личность составителя.

IV.

Существенно важнымъ, при разрѣшеніи вопроса о мѣстѣ, о странѣ, гдѣ составленъ хронографъ, является опредѣленіе источниковъ, матеріаловъ, которыми онъ воспользовался. И Поповъ, и Ягичъ, и всѣ послѣдующіе изслѣдователи признавали характеръ источниковъ хронографа рѣшающимъ не только при опредѣленіи времени, но и мѣста его составленія. Такъ Поповъ, предположивъ на основаніи той позднѣйшей редакціи, которая сохранилась въ Толстовскомъ спискѣ, что въ первоначальной редакціи хронографа не было русскихъ статей, сдѣлалъ дальнѣйшій отсюда выводъ о юго-славянскомъ происхожденіи хронографа. Напротивъ, Ягичъ указавъ на то, что хронографъ не пользовался сербскими лѣтописями и ограничивался при изложеніи юго-славянскихъ событій лишь тѣмъ, что могло быть извлечено изъ опредѣленнаго круга житій, заключилъ, между прочимъ и изъ этого обстоятельства, что хронографъ составленъ въ Россіи.

Дѣйствительно, присутствіе или отсутствіе русскихъ статей и лѣтописныхъ извѣстій въ первоначальной редакціи хронографа

должно служить надежнымъ основаніемъ при разрѣшеніи вопроса о происхожденіи хронографа. Но предыдущее изслѣдованіе затруднило опредѣленіе состава первоначальной редакціи хронографа, указавъ на то, что основною для дошедшихъ до насъ редакцій была не эта первоначальная редакція, а другая позднѣйшая: такъ, между прочимъ, первоначальная редакція хронографа называла послѣднимъ византійскимъ императоромъ Калуяна, а редакція, основная для редакціи 1512 г. и для другой редакціи, не раздѣленной на главы, упоминала и о Константинѣ Палеологѣ. Въ виду этого согласное показаніе обѣихъ редакцій о существованіи въ ихъ подлинникѣ, въ ихъ общемъ, основномъ источникѣ, русскихъ статей нисколько не можетъ свидѣтельствовать о томъ, что эти самыя статьи находились уже и въ первоначальной редакціи хронографа; напротивъ, можно съ увѣренностью утверждать, что часть русскихъ событій попала, напр. въ редакцію 1512 г., во всякомъ случаѣ не изъ первоначальной редакціи, а именно изъ предположенной выше промежуточной редакціи. Такъ отнесеніе къ царствованію Константина русскихъ событій одиннадцатилѣтняго періода (6950—6961) можетъ восходить только къ той позднѣйшей, промежуточной редакціи, которая опредѣлила 11-ю число лѣтъ Константинова царствованія. Но если второй редакторъ хронографа рѣшился вставить въ свой трудъ эти русскія событія, то естественно допустить, что ему же могли принадлежать и другія, если и не бо́льшая часть русскихъ событій, вставленныхъ въ хронографъ. Въ виду этого считаю пока необходимымъ оставить въ сторонѣ русскія лѣтописныя статьи хронографа и перейти къ вопросу о характерѣ другихъ его источниковъ. Какъ уже замѣчено выше, Поповъ не опредѣлилъ въ своемъ изслѣдованіи главнаго, основного источника хронографа, не связалъ такимъ образомъ хронографъ, отразившійся въ редакціи 1512 года, съ тѣми древними видами хронографа, описаніе которыхъ мы находимъ въ его же Обзорѣ, т. е. съ Еллинскимъ лѣтописцемъ. Если бы Поповъ не поспѣшилъ, на основаніи свидѣтельства списковъ 2-й редакціи этого памятника, вывести

заключенія о его позднемъ происхожденіи,—заключенія, впослѣдствіи имъ самимъ отвергнутаго[1]), онъ дольше бы остановился на вопросѣ объ отношеніи его къ хронографу и разрѣшилъ бы свои сомнѣнія[2]), очевидно, въ томъ смыслѣ, что 2-я редакція Еллинскаго лѣтописца была источникомъ изслѣдованнаго имъ хронографа. Не могу посвятить доказательству этого положенія всего того вниманія, котораго оно заслуживаетъ, и ограничусь нѣсколькими ссылками. Во-первыхъ, какъ это отчасти видно изъ подстрочнаго примѣчанія, самъ Поповъ признавалъ, что нѣкоторыя статьи хронографа могли быть внесены въ него изъ Еллинскаго лѣтописца; во всякомъ случаѣ онъ ясно указалъ на связь между обоими памятниками и на общія между ними статьи[3]). Во-вторыхъ, Истринъ вполнѣ убѣдительно доказалъ, что первоначальная редакція хронографа заимствовала Александрію изъ 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца (Александрія русск. хроногр., стр. 288). Въ-третьихъ, самъ хронографъ называетъ Еллинскій лѣтописецъ своимъ источникомъ: разсказавъ о походѣ Олега на грековъ, о возвращеніи его въ Кіевъ и о смерти отъ любимаго коня, хронографъ (ср. ред. 1512 г. въ Изборникѣ Попова, стр. 6, а другую редакцію въ Русскомъ Вр., I, 16) прибавляетъ: «сіе пи-

1) «Судя по времени Чудовского списка (Еллинскаго лѣтописца 2-й редакціи), происхожденіе ея (2-й редакціи Елл. лѣт.) должно быть изъ XVI в. перенесено къ половинѣ XV вѣка». А. Поповъ, Хронографы Чуд. мон., въ Библ. матер. М. 1889.

2) Ср. въ Обзорѣ, вып. 1-й, стр. 76: «Источникомъ ея (статьи о смерти пророка Даніила) могъ служить (для 2-й ред. Елл. лѣт.) хронографъ редакціи 1512 г. . .»; напротивъ, въ Обзорѣ, вып. 2-й, стр. 19: «Немногія выписки (находящіяся въ Хронографѣ ред. 1512 г.) изъ Хроники Іоанна Антіохійскаго Малалы всѣ находятся и въ Еллинскомъ лѣтописцѣ, и могли быть оттуда заимствованы».

3) Ср. I, 86 и 140: указаніе на то, что статья Елл. лѣтописца 2-й ред. О взятіи Іерусалима читается съ немногими лишь сокращеніями въ Хронографѣ редакціи 1512 г.; I, 113 и др.: указаніе общихъ статей, восходящихъ къ Хроникѣ Малалы, между Елл. лѣт. и хронографомъ; I, 150: общій разсказъ о паденіи верха святой Софіи; I, 163: указаніе на пользованіе обоими памятниками—сказаніемъ о загробномъ прощеніи отъ мукъ царя Ѳеофила; I, 167: указаніе на слова «и нарекоша имя ему Сімеонъ», отличающія 2-ю ред. Елл. лѣт. и хронографъ, отъ 1-й ред. Елл. лѣт. и Амартола и др.

шетъ о немъ въ Греческомъ лѣтописцѣ». Эта ссылка приводитъ насъ ко 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца, гдѣ подъ 46-мъ царствомъ — царствомъ Леона приводится выписка изъ русской лѣтописи объ Олегѣ (нач.: «в лѣто 6414 иде олегъ на грекы. а игоря остави в кіевѣ», конецъ: «есть же могыла олгова и до сего дни. и бысть княженья его 33 лѣта»[1]). Въ-четвертыхъ, изъ Еллинскаго лѣтописца заимствованы въ хронографъ между прочимъ такія характерныя статьи, какъ Повѣсть о томъ, какъ латыняне отлучились отъ грековъ (въ спискахъ второй редакціи Елл. лѣт. находится подробная редакція этой повѣсти, ср. Обзоръ, вып. 1-й, стр. 90), при чемъ разсказъ о крещеніи Угровъ (Изборникъ, стр. 10; Русск. Вр., I, 67) оказывается составною частью этой повѣсти; далѣе оттуда же внесена въ первоначальную редакцію хронографа повѣсть о взятіи Царяграда крестоносцами. Повѣсть эта исключена изъ редакціи 1512 года, ограничившейся другою замѣткой о взятіи Царяграда въ царствованіи Ѳеодора Ласкаря (глава 193-я; Поповъ, Изборникъ, стр. 33); но 2-я редакція, не раздѣленная на главы (Толстовскій и сходные съ нимъ списки) сохранила какъ эту вторую замѣтку[2]), такъ и обширную повѣсть, тожественную (хотя и нѣсколько сокращенно переданную) съ повѣстью 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца. Пользуюсь случаемъ указать на особенную близость текста этой повѣсти между списками 2-й редакціи хронографа, не раздѣленной на главы, и Никоновскою лѣтописью. Ср. начало по Толст. сп. и по Никоновской лѣтописи (въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ привожу чтеніе Тверского сборника, съ которымъ въ общемъ

---

1) Отмѣчу здѣсь же, что въ другомъ мѣстѣ хронографъ греческимъ лѣтописцемъ называетъ лѣтопись Манассіи, ср. въ разсказѣ о Святославѣ по редакціи 1512 г. (Поповъ, Изборникъ, стр. 8), и по другой редакціи (Русск. Вр., I, 20).

2) Замѣтка эта начинается словами: «Сіе пишетъ въ иномъ лѣтописцѣ (подъ первымъ лѣтописцемъ, очевидно, разумѣется Еллинскій), еже при семъ Ѳеодорѣ цари въ лѣто 6712 взятъ бысть царьградъ отъ латинъ ѳеодорю царю или не бывшу ту или не възмогшоу стати противоу имъ.» . .

сходятся какъ Еллинскій лѣтописецъ 2-й редакціи, такъ и списки Новгородской лѣтописи).

Толст. сп. хронографа.	Никон. лѣтопись (X, 38).
По андронице царствова ісакіе нареченныи аггелъ. лѣтъ 8 и мѣсяцъ 6 православенъ и ослепі и братъ его алеѯеи. и сяде самъ на царствѣ и сына исакіева алеѯея въ стѣнахъ затвори. и оумоли его ісакіи царъ да выпоуститъ сына его алеѯея. онже выпоусти его[1]).	... при царствѣ царя Алексѣя, иже ослѣпи брата своего Исака, и на царство сяде, а сына его Алексѣя въ стѣнахъ затвори. И умоли его Исакъ царь да выпуститъ сына его Алексѣа; онъ же выпусти его.

Очевидно, оба памятника представляютъ такія общія сокращенія, которыя прямо указываютъ на общій для нихъ источникъ: ср. пропускъ слова «высокыхъ» послѣ «стѣнахъ», пропускъ словъ «изъ таковыя твръдины», словъ «и времени минувшу и дрѣзну» и т. д. Еще яснѣе близость обоихъ текстовъ въ концѣ повѣсти.

Толст. сп.	Никон. лѣтопись (X, 40).
стояша предъ градомъ до мѣсяца мая. и многихъ избиша грекъ и градъ взяша мѣсяца мая. въ 9 денъ и царя своего поставиша римскаго воеводу конда фларенда. фряжеского же	сіи же вся брани замышляху на Царьградъ: бѣ же зѣло премудри и воиньствени. Кондо ѳларендъ же царство пріатъ, Марко же градоблюденіе, Андрѣи же Бернаидъ земли сохраненіе;

1) Тверск. сб.: Того же лѣта царствующу въ Цариградѣ царю Алексею Комнину, въ царствѣ Исааковѣ Аггела, брата своего, его же поимавъ ослѣпи, царствовавшему ему 8 лѣть и мѣсяць 6; а сына его Алексеа Исааковича затвори въ стѣнахъ высокыхъ и стража его ту, да не выидеть; а самъ Алексіе царемъ ста. И времени минувшу, и дрѣзну Исакіе молитися о сыну своемъ дабы его испустилъ изъ таковыя твръдины и былъ бы предъ нимъ; и умоли брата Исаакь, и выпусти Исаковича.

воеводу марка градоблюстителя оучиниша, венецѣйскаго же воеводу андрея бернаида. землехранителя положиша. вси же сіи трие быша зело премудри и воинственни, і единомыслены. и любезни ко всѣмъ. и того ради мнози греци во ихъ обычаи и законъ вніидоша. ... папа же присла из рима въ царъградъ своя бискоупы и попы. а греческія епископы и презвитери изъ цараграда веде в римъ, и быша вся въ цариградѣ по римъскому обычаю [1]).

сіи же вси единомыслені и къ людемъ любезни быша, и тако мнози Греци въ ихъ обычай и законъ внидоша. Бѣаше же стоаніа ихъ подъ Царемъ городомъ отъ мѣсяца Декабря до мѣсяца Мая, со многою силою и мудростію, и взяша его мѣсяца Мая въ 9 день. Того же лѣта посла папа изъ Рима презвитеровъ своихъ въ Царьградъ, и Греческихъ презвитеровъ изъ Царяграда веде въ Римъ.

Здѣсь видимъ уже не сокращеніе, а распространеніе Еллинскаго лѣтописца 2-й редакціи, гдѣ не говорится напр. о присылкѣ папою латинскихъ епископовъ и презвитеровъ, гдѣ нѣтъ характеристики фряжскихъ воеводъ, гдѣ сказано, что осада продолжалась до апрѣля, а не до мая, гдѣ византійскій воевода названъ Дужемъ, а не Андреемъ Бернаидомъ, какъ здѣсь и т. д. Отсюда убѣждаемся вполнѣ въ общемъ для Никоновской лѣтописи и Толстовскаго списка источникѣ, каковымъ, согласно предыдущему изслѣдованію была редакція хронографа, не раздѣленная на главы. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы получаемъ основаніе утверждать, что присутствіе этой повѣсти въ Толстовскомъ и сходныхъ спискахъ не должно объяснять позднѣйшею вставкой ея въ хронографъ:

1) Тверск. сб.: Стояніа же Фрязскаго у Цараграда отъ декабря до априля, доколѣ городъ взяша. Въ лѣто 6712, мѣсяца маіа въ 9 день, на память святаго пророка Исаіа, поставиша царя своего Латынина, кондо Фларенда, своимы епископы; и власть себѣ раздѣлиша: цареви конда Фларенду градъ, а Маркосу судь, а Дужеви десятина. И тако погибе царство богохранимаго Констянтина града и земля Греческая въ свадѣ царевѣ, ею же обладаютъ Фрязове.

очевидно, она находилась и въ древнѣйшихъ его редакціяхъ (ср. Никон. лѣтопись) и, конечно, также въ первоначальной, куда она съ прочими статьями попала изъ Еллинскаго лѣтописца 2-й редакціи. Въ-пятыхъ, къ Еллинскому лѣтописцу 2-й редакціи должно возводить данныя хронографа о числѣ лѣтъ царствованія византійскихъ императоровъ, хотя отчасти данныя эти могли быть провѣрены на основаніи другихъ источниковъ (ср. ниже). Наконецъ, въ-шестыхъ, къ Еллинскому лѣтописцу 2-й редакціи можно возвести нѣсколько русскихъ статей хронографа, а именно, сюда относятся указанныя выше статьи объ Олегѣ. И такъ, можно съ полною увѣренностью заключить, что однимъ изъ основныхъ источниковъ хронографа былъ Еллинскій лѣтописецъ 2-й редакціи. Это обстоятельство, думаю, весьма важно для опредѣленія страны, гдѣ составленъ хронографъ: изслѣдованія Попова и Истрина не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что 2-я редакція Еллинскаго лѣтописца составлена въ Россіи: дѣйствительно, сравненіе ея съ 1-ю редакціей, показываетъ, что она является переработкою этой послѣдней редакціи на основаніи нѣкоторыхъ извѣстныхъ на Руси памятниковъ, причемъ виднымъ отличіемъ ея можно признать прибавленіе нѣсколькихъ русскихъ статей (ср. Истринъ, Александрія, 241—242). Русское происхожденіе 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца доказывается и тѣмъ, что до сихъ поръ неизвѣстно юго-славянскихъ ея списковъ. Но могъ ли составитель хронографа, работавшій, какъ мы видѣли въ 1442 году, пользоваться 2-й редакціей Еллинскаго лѣтописца, до сихъ поръ признававшагося памятникомъ XV в.? Истринъ, имѣя въ виду Чудовской списокъ половины XV в. и Пискаревскій списокъ 1485 года, а также и то, что Александрія 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца не подверглась вліянію сербской Александріи, появившейся на Руси въ XV вѣкѣ, заключилъ отсюда, что 2-я редакція Еллинскаго лѣтописца составлена не позднѣе начала XV вѣка. Мнѣ кажется, что составленіе 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца относится къ глубокой древности, а именно, вѣроятно, еще къ XIII вѣку: но здѣсь не мѣсто останавливаться

на этомъ вопросѣ [1]). Ограничусь другимъ указаніемъ: два списка этой редакціи восходятъ къ протографу, написанному въ 1391-мъ году. Заключаю это изъ того, что какъ Пискаревскій списокъ, такъ и Синодальный № 86, содержащійся въ нихъ перечень византійскихъ императоровъ оканчиваютъ слѣдующимъ образомъ: «81. иванъ и пакы палеологъ лѣтъ 31. православенъ. 82. андроникъ сынъ его лѣта 3 православенъ. 83. таже иоанъ палеологъ еже и отець сего лѣтъ 8. вкупѣ лѣта царства его вьсѣ 46. 84. мануилъ палеологъ сынъ его. лѣто. [2]) православенъ». Отсюда слѣдуетъ, что протографъ обоихъ указанныхъ списковъ относится къ первому году царствованія греческаго императора Мануила, т. е. къ 1391-му году. Дѣйствительно, иначе трудно объяснить, почему перечень императоровъ оборванъ на Мануилѣ (Поповъ, Обзоръ, вып. 1-й, стр. 94), а также почему не указано числа лѣтъ его царствованія. Въ виду этого, нахожу существованіе 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца во всякомъ случаѣ доказаннымъ для XIV вѣка и не затрудняюсь утверждать, что ею въ 1442-мъ году пользовался составитель хронографа.

И такъ, одинъ изъ главныхъ источниковъ хронографа оказывается русскимъ. Отсюда естественно зарождается предположеніе, не были ли русскими и другіе его источники и не въ Россіи ли пользовался составитель хронографа тѣми своими источниками, юго-славянское происхожденіе которыхъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Поповъ во второмъ выпускѣ своего Обзора (стр. 21), доказывая, что составитель хронографа могъ имѣть въ своемъ распоряженіи такіе сборники, гдѣ уже были соединены нѣкоторыя изъ использованныхъ имъ сочиненій, указалъ на одинъ сборникъ XV в. Іосифова Волоколамскаго монастыря, гдѣ, вмѣстѣ

---

1) Я именно думаю, что вліяніе 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца отразилось на обширномъ лѣтописномъ сводѣ первой половины XIII в., бывшемъ источникомъ съ одной стороны Ипатьевской лѣтописи, а съ другой московскихъ сводовъ. Тверской сборникъ и Львовская лѣтопись сохранили ясные слѣды этого вліянія.

2) Синод. № 86: лѣто, а въ Пискар. съ выносомъ *т* подъ титло: л҃ѣ.

съ Паралипоменомъ Зонары, помѣщены три славянскія сочиненія, внесенныя въ хронографъ: 1) житіе деспота Стефана Лазаревича, 2) житіе Стефана Дечанскаго, 3) житіе Иларіона Меглинскаго[1]). Это указаніе Попова осталось безъ вліянія на рѣшеніе вопроса объ источникахъ хронографа. Между тѣмъ оказывается, что въ указанной рукописи Волоколамскаго монастыря (а нынѣ Московской Духовной Академіи, гдѣ она значится подъ № 230) мы должны признать списокъ, и при томъ, можетъ быть, современный, того сборника, которымъ воспользовался въ 1442-мъ году составитель хронотрафа. Доказательствомъ этого могутъ быть слѣдующія соображенія. Поповъ уже отмѣтилъ, что хронографъ дѣлалъ извлеченія изъ Зонары по той именно его редакціи, которая сохранилась въ разсматриваемомъ нами сборникѣ (издана Бодянскимъ); далѣе, изъ русскихъ списковъ житія Стефана Лазаревича—наиболѣе близокъ къ тому списку, который отразился въ хронографѣ, не изданный Поповымъ (Изборникъ, стр. 92 и сл.) списокъ Троицкой лавры 2-й половины XV вѣка, а именно списокъ, сохранившійся въ разсматриваемомъ сборникѣ: такъ въ немъ, согласно подлинному житію Степафана Лазаревича и хронографу, читается въ 92-й главѣ о запустѣніи сербскаго царства послѣ смерти Стефана, что̀, какъ видно изъ изданія Попова, опущено въ Троицкомъ спискѣ. Истринъ доказалъ, что первоначальная редакція хронографа (т. е. та, къ которой восходятъ какъ редакція 1512 г., такъ и редакція, не раздѣленная на главы), значительно измѣнила текстъ Александріи, извлеченный изъ 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца: при этомъ источникомъ добавленій была сербская Александрія, только что появившаяся на Руси (Александрія русск. хроногр. стр. 261 и 287): въ разсматриваемомъ сборникѣ Московской Духовной Академіи передъ житіемъ Стефана Дечанскаго помѣщены выписки изъ сербской Александріи подъ заглавіемъ ѿ алеѯандра (л. 230 об. и слѣд.);

1) Вѣроятно, Поповъ зналъ объ этой рукописи только по описанію ея, сдѣланному Бодянскимъ при его изданіи Паралипомена Зонарина.

съ увѣренностью можно предполагать, что именно въ этомъ спискѣ или вѣрнѣе въ протографѣ этого списка сербская Александрія стала извѣстна составителю хронографа. И такъ, мы можемъ теперь признать доказаннымъ положеніе, что составитель хронографа былъ знакомъ съ протографомъ указаннаго сборника и извлекъ изъ него статьи, восходящія къ Паралипомену Зонары, житію Стефана Лазаревича, сербской Александріи, житію Стефана Дечанскаго и житію Иларіона Меглинскаго. Что рукопись Московской Духовной Академіи, по своему происхожденію, не очень отдалена отъ своего сербскаго протографа, видно изъ того, что нѣкоторыя части ея, напримѣръ вторая часть житія Стефана Лазарерича (съ л. 180 об.) и Александрія, писаны безъ всякихъ руссизмовъ: я вывожу отсюда, что въ изготовленіи на Руси указаннаго списка могли участвовать тѣ самые сербы, которые вывезли этотъ сборникъ изъ своей родины. Сопоставляя этотъ выводъ съ тѣмъ, что основнымъ источникомъ хронографа былъ русскій памятникъ — 2-я редакція Еллинскаго лѣтописца, я считаю вѣроятнымъ допустить, что составитель хронографа пользовался сербскимъ сборникомъ житій и другихъ перечисленныхъ выше статей уже послѣ перехода его въ Россію. Изъ другихъ источниковъ хронографа обращаютъ на себя вниманіе Житіе Саввы и Лѣтопись Манассіи. Не могу судить о степени распространенности на Руси перваго изъ этихъ памятниковъ; что же касается второго, то онъ дошелъ въ нѣскольких спискахъ, находящихся въ Россіи, при чемъ сербскій изводъ его отразился въ спискѣ XVI в. Новгородской Софійской библіотеки № 1497, описанномъ въ 1-мъ выпускѣ Обзора Попова (стр. 217 и сл.; ср. о лѣтописи Манассіи стр. 224). Мнѣ кажется, что составитель хронографа пользовался протографомъ именно этого, дошедшаго до насъ списка: это доказываетъ близость текста обоихъ памятниковъ[1]). Кромѣ того, можно отмѣ-

1) Ср. въ соотв. съ Ник. IX, 10: и сна оубо доволне мною оплакася слово; Ник. IX, 28: ни тогова щенца; — Ник. IX, 26: оусоялй оубо быша и йпо̂ни таковаго (ср. Никон. и Воскр. Новоіерус. исполни вм. исполини);—IX, 32: яко око

тить слѣдующее обстоятельство. Въ той же рукописи Новгородско-Соф. библ., гдѣ находится списокъ лѣтописи Манассіи, помѣщенъ на л. 399 и сл. краткій лѣтописецъ (о немъ ничего не сказано въ описаніи этой рукописи у Попова), начинающійся отъ Адама и оканчивающійся слѣдующею фразой: «сынъ его киръ. калуянъ по немъ нача царствовати в лѣто 6933 православенъ». Мы имѣемъ основаніе думать, что этимъ самымъ перечнемъ византійскихъ царствованій воспользовался составитель хронографа, согласовавшій его съ данными Еллинскаго лѣтописца. Особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующая поправка; 2-я редакція Еллинскаго лѣтописца говоритъ о царствованіи Алексѣя Комнина такъ: «алеѯее комнинъ лѣтъ лз҃ мѣсяць д҃ и полъ православный». Въ хронографѣ редакціи 1512 года читаемъ: «По никифорѣ ватаниотѣ царствова алексеи комнинъ лѣтъ з҃. и мѣсяць седмъ православенъ»; въ хронографѣ, не раздѣленномъ на главы (и въ Никоновской лѣтописи): «лѣтъ з҃. и мѣсяць 6 православенъ». Поправка 37 лѣтъ 4½ мѣсяцевъ на 7 лѣтъ и 6 (или 7) мѣсяцевъ сдѣлана, очевидно, на основаніи лѣтописца, подобнаго помѣщенному въ рукописи № 1497, гдѣ читаемъ: «алексие комнинъ лѣтъ з҃ и мѣсяць 6 православенъ». Оставляю въ сторонѣ вопросъ, какъ могло получиться такое неточное указаніе числа лѣтъ царствованія Алексѣя Комнина.

И такъ, мы еще разъ имѣемъ возможность указать на то, что источники хронографа могли ко времени его составленія находиться въ Россіи въ русскихъ или сербскихъ спискахъ.

Предыдущее изслѣдованіе, установившее фактъ пользованія со стороны составителя хронографа: 1) Еллинскимъ лѣтописцемъ 2-й редакціи, т. е. памятникомъ, составленнымъ въ Россіи, 2) протографомъ рукописи Московской Духовной Академіи № 230, т. е. сборникомъ, извѣстнымъ съ XV в. въ Россіи, и наконецъ

ис тила и отрѣѳалистъ;—IX, 25: Ѳока магнистъ;—IX, 86: на каковую высоту взятся; — IX, 87: и дѣтемъ вм. ибо тѣмъ (ср. Никон. списокъ П., а также Новоіерусал. и Погод. 1404); и др.

3) протографомъ списка Новгородско-Соф. библ. № 1497, т. е. находившимся уже въ Россіи спискомъ лѣтописи Манассіи,—доказываетъ необходимость слѣдующаго вывода: хронографъ составленъ (въ 1442 г.) въ Россіи.

IV.

Перехожу къ наиболѣе интересному вопросу, вопросу о личности составителя хронографа. Наше вниманіе должно прежде всего остановиться на томъ обстоятельствѣ, что составитель хронографа уже въ первой половинѣ XV вѣка могъ воспользоваться цѣлымъ рядомъ только что проникшихъ въ Россію сербскихъ памятниковъ: сюда относятся сербская Александрія и въ особенности житіе Стефана Лазаревича, составленное въ 1431 году; далѣе, въ виду предшествующаго изслѣдованія, надо заключить, что въ распоряженіи составителя хронографа находились не только сербскіе памятники (каковы житіе Саввы или сербская редакція лѣтописи Манассіи), но даже обширные сборники сербскаго происхожденія (каковъ протографъ рукописи Моск. Дух. Ак. № 230). Это обстоятельство слѣдуетъ прежде всего сопоставить съ тѣмъ, что сербское или вообще юго-славянское вліяніе сказалось и на тѣхъ статьяхъ, русское происхожденіе которыхъ несомнѣнно.

Я не касался въ предшествующемъ изслѣдованіи тѣхъ русскихъ лѣтописныхъ статей и извѣстій, которыя, какъ мы видѣли, во всякомъ случаѣ восходятъ къ основной для извѣстныхъ намъ редакцій хронографа. Разсматривая эти части хронографа, видимъ въ нихъ указаніе на не русскаго редактора, а именно на южнаго славянина: это должно быть сопоставлено съ пользованіемъ со стороны составителя первоначальной редакціи хронографа юго-славянскими источниками, а отсюда съ неизбѣжностью слѣдуетъ, что часть, и при томъ, вѣроятно, бо̀льшая часть, русскихъ извѣстій основной для хронографа 1512 г. и для хронографа, не раздѣленнаго на главы, редакціи восходитъ къ первоначальной редакціи хронографа. И такъ, въ изложеніи рус-

скихъ событій первоначальной редакціи хронографа сказался южный славянинъ. Это видно, во-первыхъ, изъ отдѣльныхъ словъ, свидѣтельствующихъ о не русскомъ происхожденіи редактора: такъ русское Корсунь замѣнено черезъ Херсонь (ред. 1512 г.) или Херсунь (Русск. Вр. I, 4); имена Святославъ и Святополкъ переданы черезъ Цвѣтославъ и Цвѣтополкъ, напр. подъ 6475, 6523, 6527, 6576, 6586, 6581 и др. гг.; извѣстіе 1407 года, читаемое въ Новгородской 4-й лѣтописи (IV, 110): «Литва взяли Одоевъ, а Москвичи быша подъ Вязмою, и смиришася», во всѣхъ спискахъ хронографа редакціи 1512 года передано слѣдующимъ образомъ: «а Витовтъ взялъ Одоевъ, а Москвичь (или Москвичи) били подъ Вязьмою» (ср. Изборникъ, стр. 70), гдѣ били вм. были объясняется какъ сербизмъ. Во-вторыхъ, то же слѣдуетъ изъ состава нѣкоторыхъ статей хронографа. Повѣсть объ убіеніи Батыя (ср. ред. 1512 г., Изборникъ, стр. 44 и Русск. Вр. I, 165) является необходимою частью того обширнаго сказанія о нашествіи татаръ, которое помѣщено въ первоначальной редакціи хронографа (Нач. Хощу рещи, о друзи и братія, повѣсть, яко не точію человѣки и т. д.): связь этой повѣсти съ хронографомъ несомнѣнна еще кромѣ того потому, что въ ней: 1) встрѣчается извѣстіе, заимствованное изъ Житія Саввы, одного изъ источниковъ первоначальной редакціи хронографа, а именно извѣстіе о крещеніи венгерскаго короля Властова отъ св. Саввы[1]), 2) въ полной редакціи этой повѣсти (ср. подстрочное примѣчаніе) читается выдержка изъ статьи хронографа о крещеніи Угровъ, заимствованная, какъ извѣстно, изъ Сказанія о латынехъ, попавшаго въ хронографъ черезъ 2-ю редакцію Еллинскаго лѣтописца: а именно, здѣсь читается, что Угры были сначала крещены въ православіе, а потомъ совращены римлянами въ свою ересь. Вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію и то, что авто-

---

1) Въ полной редакціи этой повѣсти, помѣщенной въ видѣ приложенія къ Мученію Михаила и Өеодора черниговскихъ, согласно съ Житіемъ Саввы, говорится, что этотъ святой лишь обратилъ его отъ римской ереси къ непорочной и христіанской вѣрѣ греческой.

ромъ этой повѣсти былъ южный славянинъ: 1) общее содержаніе ея повторяетъ, очевидно, южно-славянское народное преданіе объ отраженіи татаръ венгерскимъ королемъ Владиславомъ, при чемъ оно пріурочено къ извѣстію русскихъ лѣтописей о нашествіи Батыя на Венгрію и о послѣдовавшемъ тамъ его пораженіи, 2) имена Власлова, Варандина (Вараждина) врядъ ли могли быть извѣстны русскому повѣствователю, 3) въ этой повѣсти встрѣчаются указанія на знакомство автора съ топографіей Вараждина, обведеннаго водами и изобилующаго виноградниками; о мѣдномъ изображеніи Владислава верхомъ на конѣ и съ сѣкирою въ рукѣ сказано (въ полной редакціи повѣсти), что оно водружено на столпѣ «на видѣніе и память роду и до сего дне»; 4) наконецъ, языкъ повѣсти обличаетъ южнаго славянина: ср. слово планина въ фразѣ: Батыеви же бѣжащу ко угорскимъ планинамъ (сербск. планина: гора, покрытая лѣсомъ).

Итакъ, мы получаемъ ясныя указанія на то, что русскія статьи и извѣстія внесены въ хронографъ и редактированы южнымъ славяниномъ. Но принимая во вниманіе предыдущій нашъ выводъ о томъ, что хронографъ составленъ въ Россіи, имѣя въ виду также и то, что выводъ этотъ подтвеждается обстоятельствомъ внесенія въ хронографъ статей и извѣстій изъ русскихъ лѣтописей, мы не можемъ сдѣлать иного заключенія, какъ только того, что этотъ южный славянинъ работалъ надъ хронографомъ въ Россіи. Мы видѣли, что бо̀льшая часть не русскихъ источниковъ хронографа — сербскаго происхожденія, видѣли также въ нѣкоторыхъ отрывкахъ хронографа явные сербизмы; заключаемъ отсюда, что составителемъ его былъ именно сербъ, жившій въ Россіи. Подтвержденіе такому заключенію ищемъ и находимъ въ языкѣ хронографа: кромѣ сербизмовъ, приведенныхъ выше и въ обиліи встрѣчающихся на всемъ протяженіи хронографа по спискамъ редакціи 1512 года[1]), внима-

1) Ср. въ Новоіерусал. сп.: путь вм. плоть въ житіи Иларіона Мeглинскаго (аще путь божество нарицаете, Изборникъ, стр. 18); въ Погод. 1404 а: подобаетъ же мало мы (вм. ми) великаа того объявити: въ Никон. ошибочно малыми

ніе наше останавливаютъ нѣкоторые случаи, которые можно назвать антисербизмами, а именно неправильную, вызванную ложною аналогіей замѣну того или другого сербскаго звука русскимъ. Такъ напр. русскому ол соотвѣтствуетъ въ живомъ сербскомъ произношеніи у (волкъ — вук, полнъ — пун); этимъ объясняется появленіе въ хронографѣ ол вм. у и тамъ, гдѣ сербскому у соотвѣтствуетъ въ русскомъ языкѣ у. Такъ форма молчаше, читаемая въ спискѣ Погод. № 1404 а (списокъ безъ всякаго сомнѣнія русскій) вм. моучаше, восходитъ, думаю, къ первоначальной редакціи хронографа (и братью молчаше соущую в монастырѣ, изъ житія Стефана Дечанскаго, ср. Изборникъ, стр. 52 и Никон. X, 201): это объясняетъ намъ, почему Новоіерусал. списокъ опустилъ совсѣмъ это слово (и братью сущую въ монастырѣ), какъ непонятное. Равнымъ образомъ, въ соотвѣтствіи съ благообыченъ лѣтописи Манассіи, прочтенномъ какъ благообученъ (ср. такое чтеніе въ Погод. 1404 а, въ Никон. IX, 31), въ первоначальной редакціи хронографа стояло, повидимому, благооболченъ, какъ мы читаемъ въ Новоіерусал. спискѣ (Цимисхій же имый разумъ благооболченъ). Появленіе антисербизма, какъ молчаше вм. мучаше, можетъ быть обязано только сербу и притомъ сербу, или списывавшему русскій подлинникъ или писавшему въ Россіи: читая ол русскихъ книгъ какъ у, онъ, не справляясь съ дѣйствительнымъ русскимъ произношеніемъ, могъ писать ол и тамъ, гдѣ русскіе произносили у.

Кто же могъ быть этотъ сербъ, въ 1442 году составившій въ Россіи хронографъ? Думаю, что на этотъ вопросъ можетъ быть данъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ: это былъ извѣстный Пахомій. Отвѣтъ этотъ подсказывается главнымъ образомъ все тою же повѣстью о Батыѣ, которая такъ ясно указываетъ, что редакторомъ хронографа былъ сербъ. Мы видѣли, въ какой тѣсной связи она находится съ другими статьями хронографа, ви-

---

(IX, 31), а въ Новоіерусал. малому. Никон.: увезается (IX, 27), щенется (IX, 25), вин. мн. холми (IX, 32), тв. мн. дожды (IX, 88), Новоіерусал.: привезавшися, говедаре и др.

дѣли также, что она вполнѣ у мѣста въ сказаніи о нашествіи татаръ: нѣтъ сомнѣнія, что она составлена именно для хронографа. Между тѣмъ мы ее встрѣчаемъ въ видѣ приложенія къ сказанію о Михаилѣ и Ѳеодорѣ черниговскихъ въ той именно редакціи этого сказанія, которая принадлежитъ Пахомію сербину (ср. въ сп. Унд. XVI в., № 565 надпись: «твореніе ермонаха Пахомія Св. Горы»). Вотъ что говоритъ о происхожденіи этой повѣсти Ключевскій (Древнерусскія житія святыхъ, стр. 147): «Къ сказанію о кн. Михаилѣ Пахомій приложилъ повѣсть «о убіеніи злочестиваго царя Батыя» въ Венгріи; сухое книжное изложеніе пощадило въ ней нѣкоторые поэтическіе мотивы, по которымъ легко замѣтить, что это — народная южно-славянская пѣсня о Батыѣ, въ книжной обработкѣ пущенная пришлымъ сербомъ въ древнерусскую письменность». Допустивъ, что авторомъ повѣсти объ убіеніи Батыя былъ Пахомій[1]), мы должны заключить, что все сказаніе о нашествіи татаръ, внесенное въ хронографъ, составлено имъ же: но составитель этого сказанія былъ несомнѣнно составителемъ и всего хронографа, что̀ легко вывести изъ того вліянія нѣкоторыхъ хронографическихъ статей, которое на немъ отразилось; въ предпосланномъ сказанію плачѣ о погибели русской земли находимъ напр. слѣдующую фразу: «и крѣпкихъ сердца въ слабость женскую преложишась» (Русск. Вр., I, 110; Изборникъ, стр. 59); ср. въ 201-й главѣ хронографа редакціи 1512 г., въ отрывкѣ, заимствованномъ изъ Предисловія инока Исаіи къ твореніямъ Діонисія Ареопагита: «и сердца храбрая доблественыхъ мужей въ женъ слабѣйшая преложишася» (Изборникъ, стр. 55); слова «и нечувственное каменіе можетъ подвигнути на плачь, и глаголати: горе и увы!» напоминаютъ читаемую въ томъ же отрывкѣ фразу: «увы, умиленъ плачъ и позоръ бѣ видѣти, оста земля всѣхъ добрыхъ пуста». И такъ, перу Пахомія, которому обязана появленіемъ повѣсть объ убіеніи

1) Съ этимъ согласенъ и М. Халанскій. См. его Великорусскія былины кіевскаго цикла, гдѣ разбору повѣсти о убіеніи злочестиваго царя Батыя посвящена глава XI.

Батыя, принадлежитъ и все сказаніе хронографа о нашествіи татаръ и даже весь хронографъ.

Въ подтвержденіе предложенной здѣсь догадки о томъ, что Пахомій сербинъ составилъ въ 1442 году хронографъ, можно привести и то обстоятельство, что мы имѣемъ ясныя доказательства его пребыванія въ Россіи съ 1443 года. Такъ въ рукописи Троицкой Лавры XV в. № 180 (1859) находимъ на листѣ 103 об. подпись[1]), которую передаемъ возможно точно: мнѡгрѣшни[2]) и п̑слѣ пѡ̑ пахѡміе въ лѣ ҂ѕ҃ц҃н҃а (т. е. 1443 г.), а на листѣ 355 об.: въ лѣто ѕ҃цнг крꙋ̑ лꙋ̑ ꙁі. Эта рукопись (Книга Симеона Богослова и Палея), очевидно, писана сербомъ (можетъ быть, самимъ Пахоміемъ) въ Россіи: этимъ объясняются не только сербизмы, которые находятся во всей рукописи, но и антисербизмы, существованіе которыхъ, какъ мы видѣли, можно понять только при предположеніи, что рукопись писана сербомъ въ Россіи. Отмѣчу нѣсколько такихъ антисербизмовъ: садаши 95, твораніа бжіа 95, трепащꙋщаго 97 об., прѣѡбидаша 89 об., начнать 103, принесате 326 и т. д. (а замѣнило е и ѣ потому, что сербъ произносилъ а русскихъ книгъ какъ е). Сходные пріемы письма, и при томъ съ еще большимъ количествомъ сербизмовъ, представляетъ Троицкая рукопись № 116 (91), повидимому, писанная (въ части до 178-го листа) Пахоміемъ, что̀ отчасти можно заключать изъ его подписи на 167-мъ листѣ мо̑ па́хоміѡ; здѣсь также не мало антисербизмовъ: ѿидаши 111, чатирми 114, вышеше в домь мои пребꙋдета 150 об., свацꙋ 153 (свѣчу), по вьꙁнесани хв̑ѣ 166, слово г̑на 153 об. Съ этими антисербизмами, кромѣ указаннаго выше молчаше вм. моучаше, ср. паче кедра сватаса въ Новоіерусал. хронографѣ (Никон. IX, 88), высоковыавъ и др.

Возраженіемъ противъ предположенія, что Пахомій былъ составителемъ хронографа можетъ служить то обстоятельство,

1) Ср. Ключевскій, 120; И. Некрасовъ, Пахомій Логоѳетъ.

2) Надъ г, вынесеннымъ подъ титло, читается маленькое о.

что онъ не говоритъ въ немъ ни о преподобномъ Сергіи, котораго былъ агіографомъ, ни о Троицкой обители, въ которой имѣлъ пребываніе. Правда, въ редакціи 1512 года даже не упомянуто о кончинѣ преп. Сергія, но это нисколько не доказываетъ, чтобы объ этомъ событіи не говорилось въ первоначальной редакціи хронографа. Имѣя же въ виду, что Русскій Временникъ (I, 326) подъ 1392 годомъ помѣщаетъ житіе преп. Сергія, я склоненъ думать, что оно читалось уже въ первоначальной редакціи хронографа. Можетъ быть, Пахомій внесъ въ хронографъ первую, древнѣйшую свою передѣлку Сергіева житія, которая такимъ образомъ относится къ 1442 году: это согласуется съ выводомъ Ключевскаго, относящаго первое сокращеніе Епифаніева труда, сдѣланное Пахоміемъ, ко времени 1438—1443 г.[1]), при чемъ нельзя не признать доводовъ почтеннаго ученаго весьма убѣдительными; дѣйствительно, отсутствіе въ спискахъ перваго пересмотра разсказа о чудѣ съ пресвитеромъ Симеономъ, записанномъ въ Троицкомъ монастырѣ съ его словъ и случившемся въ 1441—1443 г., ясно указываетъ, что къ этому времени первый пересмотръ житія былъ уже оконченъ. Впрочемъ, мнѣ не удалось съ точностью установить отношенія лѣтописныхъ редакцій и редакціи Русскаго Временника Житія Сергіева къ такъ называемому первому пересмотру его, принадлежащему Пахомію и извѣстному мнѣ по списку Троицкой Лавры № 746.

И такъ, я считаю доказаннымъ, что первоначальная редакція хронографа составлена въ 1442 году въ Россіи Пахоміемъ сербиномъ. Прежде чѣмъ перейти къ краткому очерку дальнѣйшей литературной исторіи хронографа, остановлюсь на вопросѣ о томъ, какими русскими лѣтописными источниками могъ воспользоваться для своего хронографа Пахомій.

---

1) Ключевскій ошибочно подтверждаетъ свое мнѣніе ссылкою на Троицк. рук. № 746; эта рукопись представляетъ изъ себя нѣсколько сшитыхъ вмѣстѣ рукописей; въ одной изъ нихъ находится приписка, упоминающая объ игуменѣ Зиновіи († 1443), а въ другой древнѣйшій списокъ Пахоміевой редакціи перваго пересмотра: слѣдовательно, указанная приписка ничего не доказываетъ относительно времени составленія Пахоміева труда.

V.

Имѣя въ виду общій характеръ Пахоміева труда, который стремился дать въ сжатомъ очеркѣ то, что въ пространномъ видѣ находилъ въ своихъ источникахъ (въ особенности любопытно мастерское сокращеніе сербскихъ житій), надо думать, что Пахомій не гонялся за многочисленными источниками при изложеніи русскихъ событій, а ограничился однимъ или двумя лѣтописными сборниками, изъ которыхъ и сдѣланы соотвѣтственныя извлеченія. Думаю, что на основаніи изученія русскихъ статей хронографа можно придти къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ выводамъ о составѣ и характерѣ одного изъ этихъ источниковъ. Во-первыхъ, отмѣчу, что онъ во всякомъ случаѣ оканчивался до 1442 года: слѣдовательно, часть русскихъ событій, находящихся напр. въ редакціи 1512 года, и между прочимъ во всякомъ случаѣ событія послѣ 1442 года — вставлены въ хронографъ уже позднѣйшимъ редакторомъ. Во-вторыхъ, замѣчу, что составъ и характеръ Пахоміева источника легче выяснить по начальнымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, чѣмъ по извѣстіямъ позднѣйшимъ, такъ какъ съ одной стороны не извѣстна граница этихъ позднѣйшихъ событій, а съ другой — преимущественно на нихъ должна была лечь рука позднѣйшаго редактора. Сопоставляя хронографическія данныя XI—XIV вѣка съ извѣстными намъ лѣтописями, приходимъ къ заключенію объ особенной близости этихъ данныхъ, какъ къ Новгородской сокращенной лѣтописи, изданной кн. Оболенскимъ[1]), и восходящей къ одному общему оригиналу съ лѣтописью, содержащеюся въ рук. Синод. библ. № 154, съ лѣтописью Аврамки, съ Новгородскою 4-ю лѣтописью, съ лѣтописью Даниловича, съ Тверскою лѣтописью и съ Суздальскою лѣтописью по Академическому списку. Всѣ указанныя лѣтописи имѣютъ между собою то общее, что одинаковыми словами передаютъ многія извѣстія, читающіяся пространно въ древнихъ

1) Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи. М. 1836.

лѣтописныхъ сборникахъ, въ сокращенномъ видѣ. Такъ напр., одинаково изложено въ названныхъ лѣтописяхъ извѣстіе 6836 (1328) года: «сѣде на великое княженіе князь великій Иванъ Даниловичь и бысть по всей земли тишина велика»; или подъ 1393 въ хронографѣ и Новг. 4-й одинаково читаемъ: «ходилъ въ другій рядъ князь Василей въ орду къ царю, и онъ ему далъ Новгородцкое княженіе Нижняго Новагорода, Муромъ, Мещеру, Торусу». Систематическое сравненіе хронографа съ Новгородской 4-й лѣтописью показываетъ, что приблизительно до второго десятилѣтія XV вѣка оба памятника пользовались однимъ общимъ источникомъ. Еще большая близость оказывается между хронографомъ и лѣтописями Аврамки, Супрасл. и Синод. № 154: даже начало ихъ, гдѣ говорится о разселеніи славянъ, общее, при чемъ первоначальный источникъ лучше сохранился въ хронографѣ, чѣмъ въ этихъ лѣтописяхъ, что̀ видно хотя бы изъ того, что фраза: «бысть языкъ словенскыи отъ племене Афетова» не ясна въ нихъ безъ предшествующаго разсказа (сохраненнаго въ хронографѣ) о столпотвореніи и разсѣяніи языковъ. Особенно сближается хронографъ съ указанными лѣтописями двумя общими хронологическими ошибками: смерть Ярослава Изяславича, случившаяся въ 6594—6595 гг., ошибочно отнесена въ нихъ къ 6600-му году, и вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ въ нихъ (въ хронографѣ съ ошибочнымъ указаніемъ 6607 г.) приведено извѣстіе объ освященіи Печерской церкви св. Богородицы, имѣвшемъ мѣсто въ 6597 году. Смерть Святополка Изяславича въ хронографѣ отнесена къ 6620 г. (вм. 6622), ср. въ Супр. 6620 г. (ѕ҃. х҃. к҃. е, вм. чего въ лѣт. Аврамки 6625). Принимая во вниманіе, что протографъ Синод. № 154, лѣтописи Аврамки и Супр. представлялъ изъ себя соединеніе Новгородской 4-й лѣтописи съ другою, краткою лѣтописью, не новгородскаго происхожденія, что та же лѣтопись послужила нѣкогда источникомъ Новгородской 4-й лѣтописи въ одной изъ древнѣйшихъ редакцій, которую я отношу къ 1421 году, что изученіе не новгородскихъ извѣстій этой Новгородской лѣтописи, особенно въ части отъ 1384 года,

доказываетъ ихъ ростовское происхожденіе[1]), я заключаю, что общимъ источникомъ Новгородской 4-й, лѣтописи Аврамки и сходныхъ съ нею лѣтописей, а также Пахоміева хронографа была ростовская лѣтопись. Эта же лѣтопись лежитъ въ основаніи послѣдней части (начиная съ середины XIII в.) лѣтописнаго сборника, содержащагося въ спискѣ Московской Духовной Академіи, при чемъ послѣдній показываетъ, что она оканчивалась 1419 годомъ (ср. Лѣтопись по Академическому списку въ изданіи Археогр. ком.). Указанное обстоятельство вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что этой лѣтописью воспользовалась съ одной стороны Новгородская IV лѣтопись въ редакціи 1421 года, а съ другой Хронографъ 1442 года. Не ясно, слѣдуетъ ли возводить всѣ извѣстія ранѣе 1419 г. въ дошедшихъ до насъ редакціяхъ хронографа къ указанному источнику Пахоміева хронографа—ростовской лѣтописи, или нѣкоторыя изъ нихъ вставлены позднѣйшимъ редакторомъ, составителемъ редакціи, основной для хронографовъ 1512 года и не раздѣленнаго на главы. Относительно извѣстія 1415 года о чудесахъ при гробѣ Петра чудотворца можно съ увѣренностью сказать, что оно попало въ хронографъ не изъ ростовской лѣтописи, а изъ того источника, которымъ позднѣйшій редакторъ дополнилъ его русскія извѣстія: дѣйствительно, это извѣстіе по происхожденію своему новгородское, при томъ, какъ это видно изъ Новгородской I-й и Новгородской IV-й лѣтописей, 9-го марта случилось не исцѣленіе человѣка съ сведенною ногой, а пріѣздъ новгородскаго владыки Симеона въ сопровожденіи пословъ новгородскихъ[2]). Напротивъ, при извѣстіи 1402 года

1) Ср. подъ 1396 г. роспись ростовскихъ владыкъ, доходящая въ древнѣйшихъ редакціяхъ до Григорія (IV, 102), подъ 1408 извѣстіе о ростовскомъ пожарѣ и др.

2) И приихаша на Москву в лѣто 6924 марта въ 9, на 40 мученикъ, по зборѣ в понедѣльникъ, а в четвертокъ той недѣли 12 день, простилъ Богъ въ церкви святѣй Богородици, у гроба Петра митрополита: у человѣка нога прикоръчена исцѣлѣ. Ср. въ Хронографѣ: Въ лѣто 6923 у гроба Петра чудотворца бысть чюдо: у человѣка нога прикорчена исцѣлѣ марта въ 9 (Изборникъ, 71).

находимъ указаніе на то, что оно (сообщеніе о небесномъ знаменіи — кометѣ) внесено именно собирателемъ хронографа, который призналъ явленіе кометы предзнаменованіемъ походовъ Баязита и Тимура, «яко же пространно явихъ въ царствѣ Греческаго царя Мануила о сихъ» (ср. Изборникъ, стр. 69). Сербизмъ били вм. были въ извѣстіи 1407 г. (а Москвичь били подъ Вязьмою) доказываетъ, что и оно находилось уже въ первоначальной редакціи хронографа. Нѣтъ сомнѣнія, что Пахомій въ своемъ изложеніи русскихъ событій могъ пойти нѣсколько дальше, чѣмъ то позволялъ его русскій источникъ: ему должно приписать извѣстіе о смерти Василія Дмитріевича 7 февраля 1425 года, какъ это ясно изъ слѣдующей за тѣмъ фразы: «Того же лѣта преставися и зять его благочестивый царь Греческый Мануилъ». Составитель хронографа ошибался относительно родственныхъ отношеній между Василіемъ Дмитріевичемъ и императоромъ Мануиломъ: послѣдній не былъ зятемъ Василія Дмитріевича, а его сватомъ, такъ какъ дочь Василія Дмитріевича — Анна была за мужемъ за его сыномъ Іоанномъ, а не за нимъ, какъ сообщаетъ хронографъ (ср. 203-ю главу ред. 1512 года, напр. по спискамъ Новоіерусал., Чудовск. и Щаповск., а также списки редакціи, не раздѣленной на главы)[1]). Эта ошибка весьма характерна и, какъ мнѣ кажется, стоитъ въ связи съ тѣмъ, что составитель хронографа не былъ русскимъ, такъ какъ русскимъ, конечно, было извѣстно, что сестра великаго князя была за мужемъ за Калуяномъ и померла бездѣтною въ 1417 году[2]).

1) Потомъ же царь мануилъ присла къ великому князю Василею Дмитреевичу на Москву послы своя прося у него за себе дщерь Анну ею же и отпусти ю со многою честію и сотвори бракъ любочестенъ и всенароденъ на многы дни царь Маноуилъ въ Царствующемъ градѣ... Царствова же Мануилъ 33 лѣта и роди ото Анны царицы шесть сыновъ: Калуяна, Андроника, Θеодора, Констянтина, Дмитрія, Θому.

2) Ср. Новгор. IV и др. подъ 1411 г.: И князь великій Василей Дмитрѣевичь да свою дочерь Анну въ Царьградъ за царевича Ивана Мануиловича.— Зосима іеродіаконъ, путешествовавшій въ 1420 г. по святымъ мѣстамъ, упоминаетъ о мѣстѣ погребенія Анны Васильевны.

Въ предшествующемъ изслѣдованіи мы указали на главнѣйшіе источники, лежащіе въ основаніи хронографа; въ виду пользованія имъ русскими памятниками мы заключили о томъ, что онъ составленъ въ Россіи; въ виду хронологическихъ указаній, содержащихся въ самомъ хронографѣ, сдѣлали выводъ о томъ, что онъ составленъ въ 1442 году и, наконецъ, на основаніи совокупности различныхъ признаковъ признали составителемъ хронографа іеромонаха Пахомія сербина.

Дальнѣйшею задачей является опредѣлить условія, при которыхъ возникли дошедшія до насъ древнѣйшія редакціи хронографа, а также возстановить характеръ и составъ той редакціи, которая, являясь основною для дошедшихъ до насъ редакцій, связываетъ ихъ съ первоначальною, Пахоміевою редакціей хронографа.

VI.

На пути отъ первоначальной редакціи хронографа 1442 года къ редакціи 1512 г. и редакціи, лежащей въ основаніи Русскаго Временника, мы встрѣчаемся съ редакціею, которую смѣло можно отнести къ 1509 году. Сравнительное изученіе списка Царскаго съ прочими списками Софійской 1-й лѣтописи, принятыми во вниманіе издателемъ V тома П. С. Р. Л., показываетъ, что этотъ списокъ принадлежитъ къ одной группѣ со списками Бальзеровскимъ и Горюшкинскимъ, отличающимися отъ прочихъ тѣмъ, что они содержатъ общій лѣтописный разсказъ, доведенный не до 1422 г. (какъ напр. списки Карамз. и Обол.), а до 1462 г., причемъ во всѣхъ трехъ спискахъ за лѣтописнымъ извѣстіемъ этого года слѣдуетъ описаніе Іоаннова похода на Новгородъ въ 1471 г. подъ заглавіемъ: «Словеса избранна отъ святыхъ писаній и т. д.» (ср. т. VI, стр. 1—15). Отъ прочихъ списковъ Царск., Бальзеровскій и Горюшкинскій отличаются между прочимъ тѣмъ, что въ поколѣнной росписи Мономаховичей, приведенной подъ 887 г. (V, стр. 90), названъ сынъ Ивана Васильевича Иванъ Ивановичъ (род. 1458 г.), котораго нѣтъ напр. въ Толстовскомъ спискѣ,

оканчивающемъ роспись Андреемъ Васильевичемъ старшимъ (род. 1446 г.). Но сходясь съ Бальзеровскимъ и Горюшкинскимъ, представляя рядъ общихъ съ ними чтеній, списокъ Царскаго оказывается съ одной стороны болѣе позднимъ, чѣмъ они по составу статей, общихъ съ другими списками Софійской 1-й лѣтописи[1]), а съ другой онъ сравнительно съ ними дополненъ лѣтописнымъ разсказомъ, доведеннымъ до 1509 года. Кромѣ того, находимъ существенныя дополненія и въ текстѣ до 1462 года, при чемъ отступленія списка Царскаго отъ Бальзеровскаго и прочихъ списковъ Софійской 1-й лѣтописи настолько значительны, что, начиная съ 1383 года, издателю V тома пришлось печатать текстъ этого списка въ особенномъ столбцѣ. Итакъ, списокъ Царскаго, въ основаніи своемъ представляющій текстъ протографа—общаго оригинала списковъ Бальзеровскаго и Горюшкинскаго Софійской 1-й лѣтописи, дополненъ и продолженъ на основаніи другихъ или другого источника. Останавливаясь на вопросѣ о единственности или множественности дополнительныхъ источниковъ, мы замѣчаемъ, что между дополненіями древнѣйшихъ частей и частей отъ 1383 до 1462 и сл. годовъ есть общая связь, данная тѣмъ, что всѣ эти дополненія восходятъ къ хронографу. Отсюда выводимъ, что единственнымъ источникомъ дополненій для списка Царскаго былъ хронографъ. Но сначала докажу первое положеніе, т. е. что источникомъ дополненій какъ древнѣйшихъ, такъ и позднѣйшихъ лѣтописныхъ статей былъ дѣйствительно хронографъ.

Подъ 1024 г. изъ всѣхъ списковъ Софійской 1-й лѣтописи только въ спискѣ Царскаго читаемъ: того же лѣта родися Ярославу вторый сынъ Изяславъ, ср. то же въ Хронографѣ 1512 г.[2]) и Русскомъ Временникѣ. Подъ 6600 (1092), согласно съ хро-

---

1) Такъ напр. роспись Мономаховичей подъ 887 годомъ приводитъ здѣсь всѣхъ сыновей Ивана Васильевича (а Василія Ивановича называетъ даже великимъ княземъ), между тѣмъ въ Бальзеровскомъ и Горюшкинскомъ она оканчивается на Иванѣ Ивановичѣ.

2) Того же лѣта родися Ярославу сынъ Изяславъ (Изборникъ, стр. 11).

нографомъ, читаемъ: того же лѣта убьенъ бысть Ярополкъ Изяславичь (V, 149, прим. о)[1]). Подъ 6607 ошибочно, какъ и въ хронографѣ[2]): того же лѣта священа бысть церкви Успеніе святыя Богородици Печерьская Іоанномъ митрополитомъ, при великомъ князѣ Всеволодѣ Ярославичѣ. Подъ 6755 (1247) на полѣ и также въ текстѣ подъ слѣдующимъ годомъ, гдѣ, впрочемъ, это добавленіе помарано (V, стр. 186, прим. и), читаемъ: въ лѣто 6755 сѣде въ Володимери на столѣ по Ярославѣ братъ его Святославъ, и сидѣ лѣто едино, и прогна и князь Михайло Ярославичь, ср. то же въ Хронографѣ 1512 г.[3]) и въ Русскомъ Временникѣ (I, 165). Подъ 6840 (1332): Того же лѣта гладъ бысть по всей, земли великъ; ср. то же въ Хронографѣ 1512 г. (гладъ бысть по всей земли великъ зѣло, Изборникъ, стр. 53). Въ соотвѣтствіи съ извѣстіемъ 6893 (1385) г. Бальзеровскаго и Горюшкинскаго списковъ: «Пуминъ митрополитъ поиде въ Царьградъ», мы читаемъ въ спискѣ Царскаго: «Князь Василей Дмитреевичь ходи къ ордѣ; и Пиминъ митрополитъ поиде ко Царюграду на Новгородъ и Новгородци митрополиту не дали мѣсяца судити въ Новѣгородѣ. Того же лѣта поиде Пиминъ митрополитъ въ Царьградъ», ср. то же въ Хронографѣ 1512 г. (въ лѣто 6893 князь Василей Дмитріевичь поиде ко ордѣ, а Пименъ митрополитъ поиде къ Царюграду на Новъградъ, и Новогородцы не дали ему мѣсяца судити, ср. Изборникъ, стр. 60, и Новоіерусал. сп.). Всему отрывку 6898 (1390) г. отъ словъ: «Того же лѣта били челомъ» и до «поа княжну Софію» (V, 244) соотвѣтствуетъ тожественный текстъ въ Хронографѣ 1512 г. (Изборникъ, стр. 61). Тоже относится къ отрывку подъ 6904 (1396) г. отъ словъ: «Кипріанъ митрополитъ постави» и до словъ: «ниже Казани 60 верстъ» (V, 249-250), ср. Хронографъ 1512 г. (Изборникъ, стр. 68). Подъ 1407 г. находимъ тотъ же сербизмъ, какъ въ Хронографѣ

1) Ср. сказанное выше на стр. 83 объ этомъ событіи.

2) Ср. выше, стр. 83.

3) По Ярославѣ сѣде на великомъ княженіи братъ его Святославъ и пребысть едино лѣто и согна его князь Михаило Ярославичь.

1512 г., на который мы указывали уже выше: «Того же лѣта князь великый Василей Дмитреевичь воевася съ Литвою, а Витовтъ взя Одоевъ, а Москвичи *били* подъ Вязмою; и смирися Витовтъ съ великимъ княземъ съ Московскимъ» (V, 256; Изборникъ, стр. 70). Такое же тожество текстовъ замѣчается напр. подъ 1436, 1438, 1439, 1440, 1449 и др. гг. Вообще, начиная съ XV вѣка близость списка Царскаго къ Хронографу 1512 года становится еще значительнѣе, такъ что исключаетъ всякое сомнѣніе въ ближайшей между ними связи. Эту связь можно понять только такъ, что составитель списка Царскаго пользовался хронографомъ, а не обратно, какъ ясно: 1) изъ того, что напр. подъ 1407 годомъ встрѣтился сербизмъ били вм. были, понятный въ хронографѣ, но совершенно неумѣстный въ спискѣ Царскаго, 2) изъ того, что въ хронографѣ и спискѣ Царскаго находятся общія ошибки, восходящія къ опредѣленной мною выше ростовской лѣтописи (источникѣ Новгородской IV, Лѣтописи Аврамки, Супр. и др.), непосредственное вліяніе которой на списокъ Царскаго доказать нельзя: ср. ошибочный 6600 годъ, какъ годъ смерти Ярополка Изяславича и 6607-й (вм. 6600 ростовской лѣтописи), какъ годъ освященія Печерской церкви; 3) хронографъ не могъ пользоваться спискомъ Царскаго и потому, что многихъ его извѣстій нѣтъ въ этомъ спискѣ, а другія изложены въ хронографѣ полнѣе и въ болѣе первоначальной редакціи, чѣмъ въ спискѣ Царскаго; такъ, напримѣръ, въ спискѣ Царскаго опущены послѣ описанія мора 6935 (1427) г., слѣдующія слова, находящіяся, напримѣръ, въ Новоіерусал. сп. Хронографа 1512 г.: «и после того мира какъ после потопа толико лѣтъ люди не почали жити». Въ спискѣ Царскаго сохранились ясные слѣды, что именно его составитель, а не составитель протографа его пользовался хронографомъ, какъ дополнительнымъ источникомъ. Такъ напр. подъ 6953 (1445) г. въ спискѣ Царскаго зачеркнуты нѣкоторыя извѣстія, общія съ Горюшкинскимъ и Бальзеровскимъ спискомъ и не находящіяся въ хронографѣ (V, 267, прим. а), а въ концѣ года прибавлено три извѣ-

стія, изъ которыхъ два почти тожественны съ извѣстіями этого года въ Хронографѣ 1512 г. Далѣе, многія заимствованія изъ хронографа внесены въ текстъ списка Царскаго, но другія оказываются на поляхъ и при томъ написаны другою рукой; ср. подъ 6922 (1414) г. слова тожественныя съ хронографомъ (Изборникъ, стр. 70—71): «того же лѣта ѳотѣй митрополитъ поиде къ царюграду и доиде литвы. и витовтъ его не пустилъ, а его обоималъ; възвратися ѳотѣй на москву ограбленъ»; они въ спискѣ Царскаго вынесены на поле другою рукою (V, 259, прим. b); подъ 6953 (1445) слова «да съ егупомъ» (ср. Изборникъ, стр. 82: съ братомъ своимъ съ Ягупомъ) прибавлены въ спискѣ Царскаго на полѣ (V, 268, прим. a); приведенная выше статья 6755 (1247) г. также приписана въ спискѣ Царскаго на полѣ и т. д. Подъ 6913 (1405) въ спискѣ Царскаго записано извѣстіе о знаменіи, случившемся въ Москвѣ въ домѣ Тютрюмова (V, 253, прим. c): этого извѣстія нѣтъ въ Хронографѣ редакціи 1512 г., но что̀ оно могло быть въ первоначальной и въ другихъ редакціяхъ хронографа, видно какъ изъ того, что оно есть въ Русскомъ Временникѣ (I, 264), такъ и изъ того, что, согласно свидѣтельству Новгор. IV лѣтописи и Литовской лѣтописи Даниловича (ср. также по списку, изд. Бѣлокуровымъ), извѣстіе это восходитъ къ ростовской лѣтописи. И такъ, составитель списка Царскаго дополнялъ свой оригиналъ — Софійскую 1-ю лѣтопись на основаніи Хронографа. Въ виду этого заключенія болѣе чѣмъ вѣроятно, что именно изъ Хронографа попалъ въ этотъ списокъ весь лѣтописный разсказъ, не находящійся въ спискахъ Бальзеровскомъ и Горюшкинскомъ и между прочимъ разсказъ о событіяхъ XV вѣка. Принявъ во вниманіе, что разсказъ этотъ доходитъ до 1509 сентябрьскаго года, при чемъ послѣднимъ оказывается событіе 26 ноября этого года, сообразивъ то, что неупоминаніе о смерти Димитрія Ивановича, внука Ивана Васильевича, случившейся 14 февраля сентябрьскаго и январскаго 1509 года, стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ, что о ней не упомянуто подъ 1508 г. при перечисленіи князей, похороненныхъ

въ Архангельскомъ соборѣ, я заключаю, что хронографъ, послужившій источникомъ списка Царскаго, составленъ въ концѣ 1508-го январскаго или началѣ 1509-го сентябрьскаго года [1]).

Существованіе такой редакціи хронографа стоитъ въ тѣсной связи съ указаніемъ другого списка Софійской же 1-й лѣтописи на то, что до конца XV в. доходила другая, весьма сходная съ только что указанною редакція.

Въ Новоіерусалимскомъ сборникѣ, гдѣ находится Софійская 2-я лѣтопись, изданная въ VI т. П. С. Р. Л., вслѣдъ за этой лѣтописью, безъ всякаго заглавія, слѣдуетъ другая, начинающаяся 1445 и оканчивающаяся 1538 годомъ: эта лѣтопись подъ названіемъ «Отрывокъ лѣтописи по Воскресенскому Новоіерусалимскому списку» издана въ VI-мъ же томѣ указаннаго собранія (стр. 277—303). Разсматривая эту лѣтопись, мы замѣчаемъ, что до 1491 (6999) г. она представляетъ почти непрерывный лѣтописный разсказъ (опущены только 6961, 6962, 6964-6968, 6973-6975, 6979 и 6980 гг.); вслѣдъ за послѣднимъ извѣстіемъ 6999 года, читаемъ извѣстіе 7006 г., послѣ котораго идутъ извѣстія 7022 и слѣд. годовъ. Я думаю, что всю эту лѣтопись можно раздѣлить на двѣ части — первую, которая идетъ до 6999-го года, и вторую, которая начинается 7006 годомъ. Въ этомъ убѣждаетъ сравненіе съ однимъ малоизслѣдованнымъ памятникомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Архивскаго списка Воскресенской лѣтописи (ср. VII т. П. С. Р. Л., стр. VIII). Сравненіе его со списками Воскресенской лѣтописи показываетъ, что онъ сходенъ съ ними только до 6987 (1479) года включительно: послѣ сентябрьскаго и октябрьскаго извѣстія 6988 года, а именно, начиная со словъ: «Тое же осени по отъѣздѣ великого князя в новъградъ», Архивскій списокъ сходствуетъ съ Новгородской IV лѣтописью по списку Хронографа и вмѣстѣ съ тѣмъ съ Отрывкомъ по Новоіерусал. списку. Сходство съ послѣд-

1) Многое изъ сказаннаго здѣсь о составѣ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ мнѣ пришлось повторить въ рецензіи на трудъ И. А. Тихомирова «Обозрѣніе лѣтописныхъ сводовъ Руси сѣверо-восточной».

нимъ такъ значительно, что и здѣсь, вслѣдъ за извѣстіемъ 6999 года, читаемъ то же извѣстіе 7006 года, какъ въ Отрывкѣ, при чемъ однако незаполненные въ Отрывкѣ года 7007-7021 оказываются заполненными, но за то дальнѣйшій текстъ 7022-7046 гг. вполнѣ тожественъ въ обоихъ спискахъ (въ Архивскомъ затѣмъ описанъ еще одинъ годъ 7047-й, которымъ онъ и оканчивается). Соображая все это видимъ, что Архивскій списокъ возводится къ двумъ главнымъ источникамъ: первый (сходный, но, замѣчу здѣсь же, гораздо болѣе древній сравнит. съ Воскр. лѣтописью) источникъ обнималъ событія до 6988 (1480) г., а изъ второго взяты событія 6988-7047 гг. Этотъ второй источникъ, вмѣстѣ съ Отрывкомъ по Новоіерусал. списку, возводится къ одному общему оригиналу, о которомъ теперь, сопоставляя данныя Архивскаго списка и Отрывка, можно сказать между прочимъ слѣдующее: онъ представлялъ механическую спайку двухъ памятниковъ: первый изъ нихъ доходилъ до 6999 (1491) года, а изъ второго взято описаніе слѣдующихъ годовъ, при чемъ сводчикъ думалъ начать заимствованія изъ второго источника съ того самаго года, до котораго доведенъ первый источникъ, т. е. съ 7000 (1492) г.; но при этомъ онъ впалъ въ ошибку, прочтя указаніе подлинника: въ лѣто з҃ е ѕ҃ декабря (т. е. 7006 г., декабря), какъ: въ лѣто 7000, 6 декабря. Этимъ и объясняется, почему онъ за событіями 6999 (1491) г. помѣстилъ декабрьскія событія 7006 (1498) года. Что это такъ, видно изъ Архивскаго списка, гдѣ, вслѣдъ за извѣстіемъ 1491 г.[1]), читаемъ: «въ лѣто з҃ въ ѕ҃ днь҃ (вм. декабря) воспалилсѧ кнѧзь великіи» и т. д.: слѣдовательно, Архивскій списокъ, согласно со своимъ подлинникомъ, приписалъ 7000-му году событіе 7006-го[2]). Послѣ этихъ замѣчаній обращаюсь къ вопросу,

1) Того же лѣта пріидоша ис поля князя великого воеводы, князь Петръ Микитичь да князь Иванъ Михаиловичь Рѣпня Оболенскіе (ср. Новг. IV по сп. Хроногр., стр. 160).

2) А что это не описка въ Архивскомъ спискѣ, видно изъ того, что за этимъ слѣдуютъ 7001, 7002 и т. д. гг. съ ошибкою на 6 лѣтъ (такъ подъ 7001 описано событіе 1499 г.).

что представляла изъ себя первая часть оригинала Архивскаго списка и Отрывка, т. е. та часть, которая доходитъ до 6999 (1491) года? Отъ этой части, какъ замѣчено выше, въ Отрывкѣ сохранилось изложеніе событій 1445-1491 гг., а въ Архивскомъ спискѣ только 1480-1491 гг.: слѣдовательно, наиболѣе полно можно возстановить первую часть оригинала обоихъ указанныхъ списковъ именно на протяженіи 1480-1491 г.; о 1445-1480 гг. можно судить только по одному списку, по Отрывку, и наконецъ для возстановленія 1-й части оригинала, въ предѣлахъ до 1445 г., мы не находимъ пока данныхъ. Разсматривая «Отрывокъ» по изданію Археогр. комиссіи въ части 1445-1491 г. видимъ, что сначала, а именно до 6970 (1462) года онъ сходствуетъ со списками Софійской 1-й лѣтописи, а начиная съ 6971 (1463) г., онъ почти тожественъ со спискомъ Хроногр. Новгородской 4-й лѣтописи: ясно, что въ «Отрывкѣ», а слѣдовательно, согласно предидущему уже въ его оригиналѣ, мы имѣемъ соединеніе двухъ какихъ-то источниковъ. Но и въ части до 6970 (1462) года видно уже присутствіе двухъ источниковъ, а именно «Отрывокъ» частью сходствуетъ съ Горюшкинскимъ и Бальзеровскимъ списками, напр. подъ 6953-6959, частью же со спискомъ Царскаго: такъ подъ 6960, 6969 и 6970-мъ гг. «Отрывокъ» сначала сходенъ съ Горюшкинскимъ и Бальзеровскимъ, а затѣмъ со спискомъ Царскаго. Отсюда, думаю, ясно, что въ основаніи оригинала отрывка лежитъ списокъ 1-й Софійской лѣтописи, дополненный изъ другого источника: этотъ другой источникъ на всемъ протяженіи Отрывка, и послѣ 1462 г., былъ все одинъ и тотъ же, какъ видно изъ того, что добавленія подъ 1452, 1461 и 1462 годами, сопоставленныя издателями VI тома со спискомъ Царскаго, подобно всей части 1463-1491, сходствуютъ съ Хроногр. сп. Новгородской IV лѣтописи[1]). Съ другой стороны, близость къ

---

1) И оказываются даже ближе къ этому списку, чѣмъ къ списку Царскаго: ср. слова «а всего того на осмнадцать сохъ писменыхъ», подъ 1462 г.: ихъ нѣтъ въ сп. Царскаго (V, 274), но они есть въ Хрон. Новг. IV (IV, 148).

списку Царскаго не прекращается на 1462 годѣ: она идетъ и дальше (ср. хотя бы 1463 г., а также отмѣченные самими издателями 1468, 1469 и 1470 гг.; далѣе сходны, напр., 1481, 1486, 1487, 1489 и др.). И такъ, источникомъ добавленій оригинала «Отрывка» оказывается памятникъ, послужившій при составленіи какъ Хроногр. сп. Новгородской IV лѣтописи, такъ и списка Царскаго. Выше мы видѣли, что дополнительнымъ источникомъ списка Царскаго былъ Хронографъ въ редакціи 1508 года. Тотъ же Хронографъ но въ нѣсколько болѣе ранней редакціи послужилъ при составленіи Хроногр. списка Новгородской 4-й лѣтописи: списокъ этотъ, какъ извѣстно, обрывается на полуфразѣ въ лѣтописномъ разсказѣ 1496 г., но ничто не мѣшаетъ предположить, чте его оригиналъ былъ доведенъ нѣсколько дальше, можетъ быть, даже до первыхъ годовъ XVI ст. Въ томъ, что текстъ Хроногр. сп. первоначальнѣе, древнѣе текста списка Царскаго, т. е. редакціи Хронографа 1508 г., убѣждаетъ насъ, какъ цѣлый рядъ добавленій, находящихся въ спискѣ Царскаго (напр. подъ 6984-6986, 6997, 6998, 7003 и др. гг.), такъ въ особенности нѣкоторыя сокращенія, перешедшія и въ позднѣйшіе лѣтописные своды, а слѣдовательно находившіяся не только въ спискѣ Царскаго, но и въ оригиналѣ его — Хронографѣ редакціи 1508 года: ср. напр. подъ 1481 г. фразу: «Тоеже зимы пріиде великая княгини Софія съ Бѣлаозера», фразу, замѣнившую длинный отрывокъ болѣе древней редакціи[1]) и повторенную, напримѣръ, въ Воскресенской лѣтописи (VIII, 213). Въ еще болѣе древней редакціи, а именно, въ редакціи, доведенной только до 1491 года, Хронографъ послужилъ источникомъ для дополненія оригинала «Отрывка». Что оригиналъ «Отрывка» дополненъ (въ основаніи его лежитъ Софійская 1-я лѣтопись) Хронографомъ, не можетъ быть сомнѣнія въ виду почти тожественности этихъ дополненій съ текстомъ списка Царскаго и Хроногр. сп. Новгородской 4-й

1) Ср. Новг. 4-я (IV, 154): Тое же зимы пріиде великая княини изъ бѣговъ Софья, бѣ бо бѣгала за Бѣлоозеро и съ боярынями отъ Татаръ, а не гонима никимъ же, и по которымъ странамъ ходила и т. д.

лѣтописи. Что редакція Хронографа, служившая источникомъ такихъ дополненій, была древнѣе редакціи 1508 года, ясно изъ того, что въ цѣломъ рядѣ случаевъ замѣчается тожество «Отрывка» съ Хроногр. сп. Новгородской 4-й лѣтописи, въ противоположность списку Царскаго, между тѣмъ указанный списокъ Новгородской 4-й лѣтописи дополненъ по хронографу болѣе древней редакціи, чѣмъ редакція 1508 г., бывшая источникомъ дополненій списка Царскаго. Такъ событія 6984-6986 гг. въ Хроногр. сп. Новг. 4-й и въ «Отрывкѣ» изложены въ нѣсколькихъ строкахъ, а въ спискѣ Царскаго на цѣлой печатной страницѣ (V, 33). Наконецъ, что редакція Хронографа, по которому дополненъ оригиналъ «Отрывка», относится именно къ 1491 году, видно изъ предыдущихъ разсужденій, доказавшихъ, что, вслѣдъ за описаніемъ событій этого года, составителю оригинала «Отрывка» пришлось обратиться къ другому источнику. Но Хроногр. сп. Новгородской 4-й лѣтописи, отразившій, какъ мы видѣли, болѣе позднюю, чѣмъ 1491 годъ, редакцію Хронографа, сохранилъ вмѣстѣ съ тѣмъ указаніе на то, что эта болѣе поздняя редакція (лежащая въ основаніи и редакціи 1508 г.) основана на редакціи 1491 года. Въ описаніи 1491-го года по Хроногр. сп. Новгородской 4-й лѣтописи замѣчаемъ сначала хронологическую послѣдовательность: за сентябрьскими событіями описаны октябрьскія, ноябрьскія, затѣмъ январьскія, мартовскіе, майскіе, іюльскіе и наконецъ августовскіе (прибытіе Юрія Траханіота и Василія Куляшина 30 августа); вслѣдъ за тѣмъ приводятся два извѣстія безъ точнаго опредѣленія, къ какому мѣсяцу они относятся[1]). Послѣ этого записано іюньское извѣстіе о пожарѣ въ Угличѣ и затѣмъ уже занесенное выше извѣстіе о посылкѣ пословъ къ Волошскому воеводѣ, далѣе еще нѣкоторыя другія извѣстія и между ними о возвращеніи Юрія Траханіота и Василія Кулешина, о чемъ уже было сказано выше. Указанное расположеніе

1) Окончаніе Фроловской стрѣльницы и прибытіе воеводъ Петра и Ивана князей Рѣпня-Оболенскихъ (IV, 160).

извѣстій 1491 года не оставляетъ во мнѣ сомнѣній въ томъ, что одинъ изъ протографовъ Хроногр. сп. Новгородской 4-й лѣтописи оканчивался передъ извѣстіемъ о пожарѣ въ Угличѣ, т. е. именно тамъ, гдѣ оканчивалась, согласно показанію Архивскаго списка, первая часть общаго оригинала этого списка и «Отрывка». Позднѣйшій редакторъ, прибавившій описаніе слѣдующихъ за 1491-мъ годовъ, началъ съ того, что повторилъ въ концѣ 1491 года два извѣстія, уже изложенныя въ первоначальной редакціи, и нарушилъ хронологическую послѣдовательность событій этого года. — Все предидущее разсужденіе, сводящееся къ тому, что лѣтописный сборникъ 1538-1539 года (оригиналъ «Отрывка» и Архивск. сп.) сохранилъ ясные слѣды существованія Хронографа редакціи 1491 года, становится еще болѣе убѣдительнымъ, если мы попытаемся объяснить связь «Отрывка» съ Софійскою 2-ю лѣтописью, связь, отъ которой зависѣло помѣщеніе «Отрывка» вслѣдъ за текстомъ этой лѣтописи въ сборникѣ Новоіерусалимскаго монастыря. Мы видѣли, что «Отрывокъ» начинается съ 1445 года: уже это наводитъ на мысль, что дѣйствительное начало той лѣтописи 1538-1539 г., откуда заимствованъ «Отрывокъ», опущенъ составителемъ Новоіерусалимскаго сборника потому, что оно оказывалось частью сходнымъ, а частью даже тожественнымъ съ только что переписанною имъ Софійскою 2-ю лѣтописью. Такъ, обѣ лѣтописи были во всякомъ случаѣ тожественны до 1392, что ясно изъ того, что въ этой древнѣйшей своей части Софійская 2-я лѣтопись представляетъ изъ себя списокъ Софійской 1-й лѣтописи. Но и за этимъ годомъ содержаніе обѣихъ лѣтописей довольно сходно съ тою лишь разницей, что текстъ Софійской 2-й лѣтописи гораздо полнѣе, распространеннѣе (ср. 1410, 1412, 1415, 1417, 1418, 1423 и др. гг.); мѣстами содержаніе Софійской 2-й лѣтописи въ части 1392-1444 оказывается тожественнымъ со спискомъ Царскаго Софійской 1-й лѣтописи: ср. въ особенности описаніе 1440-1444 гг. Въ этой близости Софійской 2-й лѣтописи къ началу лѣтописи 1538-1539 г. заключается,

очевидно, причина, почему составитель Новоіерусалимскаго сборника помѣстилъ изъ нея только ту часть, гдѣ онѣ наиболѣе между собою разнятся, а именно часть послѣ 1445 г. Мы имѣемъ доказательства того, что въ его распоряженіи была и первая часть этой лѣтописи, при чемъ онъ произвелъ сравненіе ея съ уже переписаннымъ текстомъ Софійской 2-й лѣтописи: дѣйствительно, до насъ сохранились результаты этого сравненія, состоящіе въ обширныхъ выпискахъ на поляхъ означеннаго текста. Въ этихъ выпискахъ[1]) можно различать три разные почерка: выписки, сдѣланныя одною изъ трехъ рукъ (круглый почеркъ; чернила свѣтлыя), восходятъ бо̀льшею частью къ тексту, весьма сходному съ Хронографомъ, откуда я и заключаю, что онѣ сдѣланы изъ лѣтописи 1538—1539 г., представлявшей текстъ Софійской 1-й лѣтописи, дополненный изъ Хронографа. Въ подтвержденіе этого можно указать на то, что приписки, сдѣланныя круглымъ почеркомъ, частью представляютъ и чтенія изъ Софійской 1-й лѣтописи. Дѣло въ томъ, что составитель Софійской 2-й лѣтописи пользовался спискомъ Софійской 1-й лѣтописи не особенно исправнымъ, но при этомъ весьма близкимъ къ Толстовскому ея списку (ср. то обстоятельство, что въ обѣихъ лѣтописяхъ родословная Мономаховичей подъ 898 г. доведена лишь до Андрея старшаго Васильевича): свѣряя поэтому текстъ Софійской 2-й лѣтописи съ текстомъ Софійской 1-й лѣтописи, положеннымъ въ основаніе лѣтописи 1538—1539 г., составитель Новоіерусал. списка въ рядѣ случаевъ исправлялъ и дополнялъ текстъ, испорченный еще въ общемъ оригиналѣ Софійской 2-й лѣтописи и Толстовскаго списка: такъ, къ словамъ «давыда глаголюща», находящимся въ текстѣ (ср. V, 122), имѣется на полѣ приписка: «блаженъ мужь милуяи и дая Соломана же слыша глаголюща»; эти самыя слова, читающіяся во всѣхъ спискахъ Софійской 1-й лѣтописи, опущены въ Толстовскомъ спискѣ ея

1) Бо́льшая часть ихъ внесена Строевымъ въ подстрочныя примѣчанія къ его изданію Софійскаго Временника.

(V, 123, прим. а). Послѣ словъ «образу змиину», на полѣ читаемъ опущенное заглавіе: «убиение глѣбово» (V, 128): тотъ же пропускъ въ Толстовскомъ спискѣ. Послѣ словъ «остромиръ с новогородци на чюдь», на полѣ находимъ: «и убиша его чюдь. и много падоша с нимъ новогородцовъ. и паки изяславъ иде на чюдь» (V, 139): тѣ же слова опущены въ Толстовскомъ спискѣ. Другая часть приписокъ, сдѣланныхъ указанною рукой, восходитъ, какъ замѣчено выше, къ Хронографу. Сюда относится, напримѣръ, приписка послѣ словъ: «Ѳеодосии печерскыи игуменъ преставися» (V, 147) — «мѣсяца мая въ 3 день и положенъ бысть в то пещере юже самъ созда»; ср. въ Хронографѣ редакціи 1512 г. и въ Русск. Вр.: «въ лѣто 6582 преставися преподобный Ѳеодосій Печерскый, и положенъ бысть въ той же пещерѣ, юже самъ созда». Согласно съ хронографомъ (ред. 1512 г., Русск. Вр., сп. Царскаго), освященіе Печерской церкви ошибочно относится и здѣсь къ 6607 (1099) г.: ср. приписку послѣ словъ «благовѣщение на городище» (V, 154): «того же лѣта священна бысть црквь успения святыя богородица печерския иваномъ митрополитомъ при великомъ князе всеволоде ярославиче». Подъ 1249 г. находимъ на полѣ слѣдующія слова: «преставися князь великии ярославъ всеволодичь в орде. По немъ сяде братъ его святославъ. И сидевъ лѣто едино и прогна и князь михаило ерославичь»; этихъ словъ нѣтъ въ спискахъ Софійской 1-й лѣтописи, но въ спискѣ Царскаго, кромѣ первой фразы, то же читается на полѣ (V, 186, прим. и), куда эти слова, какъ и въ лѣтопись 1538-1539 г., попали изъ Хронографа (Изборникъ, стр. 44). Подъ 6771 г., послѣ слова «отай» (V, 191), читается на полѣ: «того же лѣта великии александръ ярослави҃ (опущ. преставися) в чернцехъ и в скиме и положенъ бысть в володимере у рожества святыя богородица», ср. Хронографъ редакціи 1512 г. (Изборникъ, стр. 45). Подъ 6817 на полѣ, въ видѣ приписки, находимъ: «петръ митрополитъ прииде на русь. того же лѣта казнь была отъ бога на люди моръ на кони. и мыши поѣли жита. и бысть гладъ велїи»; ср. тѣ же слова подъ 6815 въ хронографѣ редак-

ціи 1512 г. (Изборникъ, стр. 46): этого извѣстія нѣтъ въ Софійской 1-й лѣтописи (V, 205). Подъ 6831 г., послѣ словъ «на орѣховомъ островѣ» (V, 216), въ видѣ приписки, помѣщены извѣстія, тожественныя съ извѣстіями того же года Хронографа редакціи 1512 г. (Изборникъ, стр. 46) о закладкѣ церкви Успенія св. Богородицы въ Москвѣ и о кончинѣ митрополита Петра. Подъ 6841, согласно съ Хронографомъ, читаемъ въ припискѣ о построеніи церкви св. Архангела Михаила (V, 220) и нѣк. др. Въ виду всего этого, я нахожу доказаннымъ, что лѣтописный сборникъ, откуда въ Новоіерусал. сборникъ заимствованъ «Отрывокъ», содержалъ въ первой, не дошедшей до насъ части Софійскую 1-ю лѣтопись, дополненную изъ Хронографа.

Предидущее изслѣдованіе подвергло разсмотрѣнію слѣдующіе четыре памятника: списокъ Царскаго Софійской 1-й лѣтописи, списокъ Хроногр. Новгородской 4-й лѣтописи, Архивскій списокъ Воскресенской лѣтописи и «Отрывокъ» лѣтописи, помѣщенный въ Новоіерусал. сборникѣ. Изученіе перваго изъ этихъ памятниковъ показало, что онъ представляетъ изъ себя текстъ Софійской 1-й лѣтописи, дополненный и продолженный до 1508 г. на основаніи Хронографа. Изученіе Хроногр. списка Новгородской 4-й лѣтописи приводитъ къ убѣжденію, что, начиная съ 1447 г., текстъ его представляетъ сплошное заимствованіе изъ Хронографа, при чемъ редакцію этого Хронографа надо отнести ко времени между 1496 (гдѣ обрывается текстъ разсматриваемаго списка) и 1508 г. (когда составлена позднѣйшая редакція его)[1]). Наконецъ, сравнительное изученіе Архивскаго списка

1) Я думаю, что можно опредѣленно высказаться за 1506 годъ, какъ годъ редакціи этого хронографа. Сравненіе Хроногр. сп. Новгородской 4-й лѣтописи и Академическаго ея списка не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что заимствованія изъ Хронографа сдѣланы не Хронографическимъ спискомъ, а еще протографомъ обоихъ списковъ Новгородской 4-й лѣтописи — Академическаго и Хронографическаго. Но въ Хронографическомъ спискѣ эти заимствованія переданы подробно, а въ Академическомъ (IV, 131 и слѣд.) сокращенно. Между

и «Отрывка» доказываетъ, что первый изъ нихъ заимствуетъ часть отъ 1480 г., а второй все свое содержаніе изъ не дошедшей до насъ лѣтописи 1538-1539 г.: лѣтопись эта въ первой своей части (до 1491 г.) представляетъ списокъ Софійской 1-й лѣтописи, дополненный и продолженный до 1491 г. на основаніи Хронографа, а во второй части — заимствованія изъ какой-то другой лѣтописи; существованіе редакціи Хронографа 1491 года доказывается и текстомъ Хроногр. сп. Новгородской 4-й лѣтописи (ср. выше).

И такъ, мы имѣемъ основаніе утверждать, что Пахоміева редакція Хронографа 1442 г. породила слѣдующія редакціи, промежуточныя между нею и извѣстными намъ редакціями: редакцію 1491 г., редакцію 1496-1508 г. и, наконецъ, редакцію 1508 г. Можетъ быть, между древнѣйшею изъ этихъ редакцій и редакціею 1442 г. существовали еще и другія промежуточныя редакціи, но для такого утвержденія не нахожу пока данныхъ.

VII.

Въ 1512 году возникла новая редакція Пахоміева труда: о ней мы можемъ судить по многочисленнымъ спискамъ, восходящимъ даже къ первой половинѣ XVI в., между тѣмъ какъ обо всѣхъ предшествовавшихъ ей редакціяхъ сохранились лишь самыя скудныя данныя въ разсмотрѣнныхъ выше лѣтописныхъ сборникахъ, данныхъ, освѣщающихъ одинъ только вопросъ о томъ, какимъ измѣненіямъ подвергались *русскія* статьи Хронографа. Но по отношенію къ редакціи 1512 года мы можемъ указать и тѣ измѣненія, которымъ подверглись въ ней и не русскія

тѣмъ, какъ видно изъ сравненія Акад. списка со спискомъ Соф. 1-й лѣтописи Царскаго, заимствованія изъ Хронографа продолжаются до 1506 года (сентябрьскаго), до извѣстія о женитьбѣ Василія Ивановича на Соломоніи Сабуровой. Послѣ этого въ сп. Царскаго и въ сп. Акад. видимъ различіе, свидѣтельствующее о томъ, что Хронографъ не захватывалъ уже всѣхъ событій 1506 года (сентябрьскаго). Начиная съ этого года, Акад. сп. дополненъ уже на основаніи другой лѣтописи новгородскаго происхожденія.

статьи хронографа, такъ какъ во 1) она дошла до насъ во всемъ своемъ объемѣ, а во 2) она можетъ быть сопоставлена съ другою редакціей XVI вѣка, восходящею вмѣстѣ съ нею къ одному общему оригиналу: говорю о редакціи, не раздѣленной на главы. Я думаю, что въ основаніи обѣихъ редакцій лежитъ разсмотрѣнная нами выше редакція 1508 года: дѣйствительно, русская часть редакціи, не раздѣленной на главы, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ основаніи ея лежитъ именно редакція 1508 г. (ср. текстъ Русскаго Временника и указаннаго выше источника Никоновской лѣтописи, обрывавшагося на 1520 г.); ничто не мѣшаетъ распространить этотъ выводъ и на редакцію 1512 года, тѣмъ болѣе, что всѣ отличія ея отъ редакціи, не раздѣленной на главы, удовлетворительно объясняются при предположеніи, что они внесены именно редакторомъ 1512 года. Весь вообще текстъ хронографа редакторъ 1512 года раздѣлилъ на 208 главъ: такого дѣленія не было въ основной редакціи, расположившей матеріалъ (послѣдней части хронографа) по царствованіямъ византійскихъ императоровъ; мы видѣли выше, какъ при этомъ дѣленіи не нарушилось данное въ основномъ оригиналѣ отношеніе русскихъ событій къ византійскимъ; въ отдѣльныхъ главахъ описываются русскія событія такого числа лѣтъ, какое было указано въ заголовкѣ при царствованіи того или другого византійскаго императора. Отвергнувъ показаніе своего оригинала, что Калуянъ царствовалъ 17 лѣтъ, а Константинъ Палеологъ 11 лѣтъ, редакторъ 1512 года въ главѣ 205-й, начинающейся съ царствованія Калуяна, описываетъ русскія событія 17 лѣтъ (6933-6949), а въ главѣ 207, начинающейся со вступленія на столъ Константина, изложены событія 11 лѣтъ (6950—6961). Греческія статьи оригинала значительно сокращены редакторомъ 1512 г.: выше я привелъ нѣсколько указаній на то, какъ напр. сокращены разсказы о царствованіяхъ римскихъ императоровъ; сошлюсь еще на Истрина, доказавшаго, что редакція 1512 г. сократила текстъ Александріи. Трудъ Истрина съ наглядностью показалъ, что въ распоряженіи редак-

тора 1512 года при обработкѣ Александріи, не было иного источника, какъ только болѣе древняя редакція хронографа. Мнѣ кажется, что и въ остальныхъ частяхъ этой редакціи — нигдѣ нельзя доказать присутствія новаго источника, изъ котораго бы дополнялся основной текстъ хронографа. Южно-славянскія статьи также подверглись въ этой редакціи нѣкоторому сокращенію: такъ между прочимъ въ ней опущена баснословная генеалогія Неманичей, находившаяся, какъ видно изъ редакціи, не раздѣленной на главы, въ основной редакціи хронографа (ср. выше). Въ виду этого можно думать, что редакторъ 1512 г. не дѣлалъ никакихъ вставокъ и въ русскихъ статьяхъ хронографа, а, напротивъ, отчасти сократилъ ихъ кое-гдѣ. По отношенію къ русскимъ статьямъ замѣчательно то, что онѣ доведены только до 1451 г. (по одному только списку—до 1453-го): послѣ 1453-го года, гдѣ разсказывается о паденіи Царяграда, не видимъ болѣе статей, хотя подлинникъ продолжался до 1508 года. Это обстоятельство можно, конечно, объяснить желаніемъ редактора 1512 года кончить хронографъ тамъ, гдѣ оканчивалась византійская исторія; но ниже я предлагаю другое объясненіе этой особенности разсматриваемой редакціи. И такъ, въ послѣдней главѣ хронографа — 208-й разсказывается о паденіи Царяграда; это, кажется, единственная статья, гдѣ сказалось личное творчество редактора и гдѣ отразились свѣдѣнія, полученныя изъ другого или другихъ, кромѣ основной редакціи Хронографа, источниковъ. Но замѣчательно во 1) что при составленіи этой статьи, справедливо названной А. Н. Поповымъ Плачемъ о паденіи Царяграда, редакторъ 1512 года находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ обработаннаго имъ труда: первая фраза этого плача представляетъ дословное повтореніе начала повѣсти умильной о Батыѣ, находившейся, какъ мы видѣли, уже въ первоначальной, Пахоміевой редакціи хронографа [1]); далѣе, вто-

1) Хощу глаголати повѣсть еже не точію человѣкы, но и нечювьственое каменіе и самыя стихіа творитъ плакати и глаголати и рыдати: о горе и увы.

рой отрывокъ отъ словъ: «перьвое убо рекохъ о нихъ пространнѣйше отъкуду начало пріяша» и до словъ «иже многы страны покори на востоцѣ и на западѣ» цѣликомъ заимствованъ редакторомъ 1512 г. изъ 202-й главы своей обработки хронографа (Изборникъ, стр. 62). Во 2) въ этомъ Плачѣ о Царѣградѣ замѣчается отсутствіе какихъ бы то ни было новыхъ фактическихъ данныхъ; о взятіи города, его разграбленіи, избіеніи жителей говорится въ самыхъ общихъ выраженіяхъ; очевидно, что составитель Плача не имѣлъ въ своемъ распоряженіи той или другой повѣсти о паденіи Царяграда. Въ 3) тѣмъ замѣчательнѣе тѣ отступленія въ этомъ Плачѣ, которыя свидѣтельствуютъ о какихъ то особыхъ источникахъ, гдѣ составитель редакціи 1512 г. могъ познакомиться съ разсказами паломниковъ о Іерусалимѣ и гробѣ Господнемъ (Изборникъ, стр. 86). Ниже я еще разъ вернусь къ этимъ положительнымъ даннымъ, представляемымъ разсматриваемымъ Плачемъ о паденіи Царяграда, а теперь попытаюсь отвѣтить на вопросъ, кѣмъ именно и гдѣ могла быть составлена редакція 1512 года.

Я сказалъ выше, что она оканчивается Плачемъ о паденіи Царяграда и опускаетъ русскія событія 1452 - 1508 года, читавшіяся въ основной редакціи. При этомъ я привелъ давно уже высказанное мнѣніе о томъ, что редакторъ 1512 года, очевидно, считалъ разсказъ о паденіи Царяграда наиболѣе приличнымъ концомъ Хронографа; ср. завершеніе Толстовскаго и сходныхъ списковъ редакціи, не раздѣленной на главы, повѣстью о взятіи Царяграда турками. Но это мнѣніе встрѣчаетъ возраженія въ слѣдующихъ данныхъ: 1) окончаніе Хронографа въ основной его редакціи было иное, а именно онъ доходилъ до событій 1508 года; зачѣмъ же было редактору 1512 года съуживать задачу своей исторической компиляціи и прекращать разсказъ о русскихъ событіяхъ, о жизни россійской земли, растущей, младѣющей и возвышающейся (выраженія Плача о паденіи Царьграда) на 1451 году? 2) проведеніе параллели между окончаніемъ редакціи 1512 года и окончаніемъ списковъ редакціи, не раз-

дѣленной на главы, не выдерживаетъ критики потому, что въ этихъ послѣднихъ спискахъ опущены вообще всѣ русскія статьи: если повѣсть о взятіи Константинополя была послѣднею не русскою статьей основной редакціи, не раздѣленной на главы, въ позднѣйшемъ изводѣ этой редакціи, — она должна была сдѣлаться послѣднею статьей всего хронографа. Въ виду этого, думаю, что редакторъ 1512 года, опуская событія 1452-1508 г. своего подлинника, руководствовался иными соображеніями. Въ нѣкоторыхъ сборникахъ, вслѣдъ за хронографомъ редакціи 1512 года, помѣщаются сначала мелкія статьи историческаго и нравоучительнаго содержанія, потомъ каталогъ римскихъ царей и императоровъ римскихъ и византійскихъ, далѣе Новгородская 4-я лѣтопись съ продолженіями послѣ 1447 г., доходящими до 1547 г., заимствованными при томъ изъ Псковской лѣтописи, и, наконецъ, рядъ статей историческаго содержанія. Мнѣ извѣстны два такихъ сборника: Погод. № 1404 а и Акад. № 991 (3)[1], но въ тѣсной связи съ ними стоятъ еще четыре сборника, сходные съ ними, начиная съ Новгородской 4-й лѣтописи[2]. Въ сборникахъ Погод. 1404 а и Акад. 991 (3) замѣчается

1) Укажу вкратцѣ составъ этихъ сборниковъ. Погод. 1404 а: I. Хронографъ, II. Царство 17 в самори; затѣмъ, Царство 1 в вавилоне; далѣе, Послание иоанна златоустаго еже посла отъ заточения, III. Книга глаголемая лѣтописець царие елицы царствоваша римомъ и елицы во цариградѣ царствоваша и отъ росіиския земли. и о градѣхъ. и отколе приидоша великия князи. на роускою землю княжити, IV. Безъ особаго заглавія, Новгородская 4-я лѣтопись съ продолженіями изъ Псковской, V. Рукописаніе в. к. всеволода, VI. Посланіе к великомоу князю на Угру, VII. Писание о динаре царевне, VIII. Родство великихъ князей литовскихъ, IX. Повѣсть о взятіи Царяграда турками (тожественная съ напеч. Поповымъ въ Изборникѣ, стр. 87—91), X. Повѣсть о Митяѣ.— Акад. № 991 (3) тожественъ съ предидущимъ.

2) Погод. № 1402 содержитъ изъ указанныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи статей: III, IV, V, VI; кромѣ того: Чинъ и поставление на великое княжество, и наконецъ: Чинъ о еже како подобаетъ помазати царя и великаго князя миромъ на вѣнчанье. — Акад. № 18 (см. описаніе его въ предисл. къ Псковской 1-й лѣтописи, П. С. Р. Л., IV, 170): IV, VI, V, VII, далѣе: Повѣсть о Казаринѣ и о его царицѣ и VIII.—Карамз. Публ. б. F IV, 603 (описанъ тамъ же, стр. 170): Палея, Новгор. лѣт. до 1411 г., IV, V, VI, Духовная Кипріана.— Снѣгир. (описанъ тамъ же, стр. 171): III, IV, V и нѣк. др.

тѣсная связь между хронографомъ и послѣдующими статьями: эта связь ясна между прочимъ изъ того, что счетъ главъ хронографа продолжается и за его окончаніемъ, вслѣдствіе чего, напр., «Царство 17 в самори» значится 209-ю главою (въ Хронографѣ редакціи 1512 г.—208 главъ), Писаніе о Динарѣ—257-ю, а Повѣсть о Митяѣ 261-ю главою. Указанная связь обнаруживается еще и въ томъ, что нѣкоторыя изъ статей этого сборника связаны съ Хронографомъ и въ другихъ спискахъ: такъ, Повѣсть о Динарѣ и Родословная великихъ князей литовскихъ помѣщаются въ сборникѣ Новоіерусал. монастыря, заключающемъ Хронографъ. Въ виду этого, рѣшаюсь выставить слѣдующее предположеніе: извѣстно, что во многихъ спискахъ Хронографа 1512 г., даже въ большей ихъ части, русскія событія значительно сокращены, какъ это легко видѣть изъ Изборника Попова, гдѣ, начиная съ 6876 (1368) г., русскія статьи напечатаны только по одному или по двумъ спискамъ, такъ какъ ихъ нѣтъ въ остальныхъ; не выпущены ли эти статьи тѣмъ редакторомъ, который соединилъ въ одномъ сборникѣ Хронографъ и Новгородскую 4-ю лѣтопись и счелъ нужнымъ исключить изъ перваго то, что̀ полнѣе и точнѣе передается во второй? Слѣдующее затѣмъ предположеніе возвращаетъ насъ къ прерванному изслѣдованію. Мы остановились на вопросѣ, чѣмъ руководствовался редакторъ 1512 года, опуская русскія событія 1452 - 1508 г., своего подлинника. Нельзя ли поставить это обстоятельство въ связь съ тѣмъ, что Хронографъ въ позднѣйшемъ, описанномъ нами сборникѣ (представителями котораго являются Погод. 1404 а и Акад. 991), соединенъ съ лѣтописью? Не было ли это соединеніе сдѣлано еще самимъ редакторомъ 1512 года, но разумѣется не въ той формѣ, какъ въ указанномъ сборникѣ, гдѣ съ хронографомъ соединена лѣтопись 1547 года, а въ нѣсколько иномъ видѣ. Разсматривая Новгородско-Псковскую лѣтопись нашего сборника, видимъ, что она состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: 1) Новгородской 4-й лѣтописи редакціи, нѣсколько сокращенной и измѣненной сравни-

тельно съ прочими списками: она доведена, какъ и протографъ всѣхъ прочихъ списковъ до 1447 г., а именно до извѣстія: «въ томъ же лѣтѣ ржи коробья по полтинѣ бысть» (ср. IV, 126), 2) Псковской лѣтописи, начинающейся съ 1447 года («въ лѣто 6955 князь Александръ Васильевичь», ср. IV, 213) и оканчивающейся подъ 1547 годомъ извѣстіями о двухъ пожарахъ московскихъ — 12 апрѣля и 21 іюня. Сравнительное изученіе этой Псковской лѣтописи со списками Псковской 1-й лѣтописи показываетъ, что мѣстами Псковская лѣтопись редакціи, соединенной съ Хронографомъ (ср. списки Карамз., Акад. и Снѣгир., принятые во вниманіе издателями IV т. П. С. Р. Л.), сходна съ прочими списками, а мѣстами съ ними разнится. При этомъ оказывается, что до 1482 года Псковская лѣтопись, соединенная съ Хронографомъ, частью тожественна, частью же короче другихъ списковъ[1]); напротивъ, начиная съ 1482 года, эта лѣтопись вплоть до 1547 года полнѣе, чѣмъ текстъ остальныхъ списковъ, съ которымъ она частью тожественна[2]). Въ виду этого думаю, что, въ части до 1482 года, Псковская лѣтопись, соединенная съ Хронографомъ, представляетъ выборку, сокращеніе изъ другой болѣе древней лѣтописи; напротивъ, съ 1482 г. въ ней содержится лѣтопись, протографъ которой послужилъ источникомъ при составленіи другихъ списковъ Псковской 1-й лѣтописи. Въ этой части 1482-1547 года можно различать опять таки двѣ части: первая простирается до 1509 года, а вторая, начинаясь съ повѣсти о Псковскомъ взятьи (1510), тянется до 1547 года; въ различіи и отдѣльности этихъ обѣихъ частей убѣждаетъ Бальзеровскій списокъ Псковской 1-й лѣтописи (ср. его описаніе въ IV т. П. С. Р. Л., стр. 171), который (начиная съ 1487 г.) только до повѣсти о взятіи Псковскомъ сходенъ съ Псковскою лѣтописью, соединенною съ Хронографомъ (ср. IV, 283, прим. а). Отсюда я вывожу,

1) Полное почти сходство замѣчается въ предѣлахъ 1447—1463 и 1479—1481 гг.; сокращенно передается текстъ 1463—1466, 1472, 1473, 1478 гг.; опущены совсѣмъ 1467—1471 и 1474—1477 гг.

2) Полное сходство замѣчается подъ 1510—1517 г.

что Псковская лѣтопись соединенная съ Хронографомъ, доходила нѣкогда только до 1509 года (включительно), обнимая событія 1447-1481 въ несамостоятельномъ и сокращенномъ, а событія 1482-1509 г. въ болѣе подробномъ и оригинальномъ изложеніи. Но этотъ выводъ нельзя не сопоставить съ тѣмъ, что редакторъ 1512 г. Хронографа опустилъ въ немъ лѣтописныя событія 1452-1508 гг. Опустивъ ихъ, не имѣлъ ли онъ въ виду замѣнить ихъ данными изъ другой лѣтописи? Оставивъ въ сторонѣ московскую лѣтопись, не обратился ли онъ къ извлеченіямъ изъ лѣтописи Псковской? Если мы допустимъ, что редакторъ 1512 года, вслѣдъ за Плачемъ о паденіи Царяграда, помѣстилъ извлеченія изъ Псковской лѣтописи, начиная съ 1454 или близкаго къ нему года, и продолжалъ ихъ до 1482 г., а что съ этого года онъ, будучи уроженцемъ и жителемъ Пскова, началъ самъ излагать лѣтописныя извѣстія Псковскія вплоть до 1509 года, если мы допустимъ такое предположеніе — соединеніе Хронографа съ Новгородско-Псковскою лѣтописью представится намъ въ совершенно особомъ свѣтѣ. Позднѣйшій редакторъ второй половины XVI вѣка, встрѣтивъ за Хронографомъ 1512 года отрывки Псковской лѣтописи, доведенные позднѣйшимъ лѣтописцемъ до 1547 года, рѣшилъ связать ихъ съ имѣвшимся у него подъ руками спискомъ Новгородской 4-й лѣтописи. Для этого, списавъ Новгородскую 4-ю лѣтопись, онъ, начиная съ 1447 г., обращается къ Псковской лѣтописи по списку Хронографа и списываетъ изъ нея подъ-рядъ какъ древнѣйшую часть до 1509 года, такъ и слѣдующую за тѣмъ часть отъ 1510 до 1547 года. Въ части до 1482 года въ этомъ сборникѣ второй половины XVI в. сохранились ясные слѣды того, что мы имѣемъ дѣло съ выборкой, сокращеніемъ той самой Псковской лѣтописи, которая сохранилась въ полномъ видѣ напр. въ Строевскомъ спискѣ XVI в., Архивскомъ и Эрмитажномъ XVII в. Ясно, что эта выборка сдѣлана не позднѣйшимъ редакторомъ Новгородско-Псковской лѣтописи, который бы продолжалъ такую же выборку и сокращеніе и въ части послѣ 1482 года, а тѣмъ древнѣйшимъ редакторомъ, который, начиная съ

1482 г., былъ не только переписчикомъ, но и составителемъ лѣтописи. Вмѣстѣ съ тѣмъ придѣлка начала къ Псковской лѣтописи въ видѣ Новгородской IV показываетъ, что въ подлинникѣ ея не было того начала, которое извѣстно напр. изъ Строевскаго и др. списковъ. Слѣдовательно, Новгородская IV лѣтопись замѣнила какое-то другое начало. Этимъ началомъ и могла быть краткая выборка изъ Псковской лѣтописи, становившаяся нѣсколько пространнѣе съ середины XV в. Такая выборка могла сопровождать хронографъ 1512 года, замѣняя съ середины XV в. московскую лѣтопись, содержавшуюся въ оригиналѣ редакціи 1512 г., т. е. въ Хронографѣ редакціи 1508 года. Составитель лѣтописи 1482-1509 гг. могъ ограничиться краткой выборкой именно потому, что, иначе, въ части до 1451 года, пришлось бы повторять то, что уже изложено въ только что списанномъ Хронографѣ. Связь же лѣтописи 1482-1509 г. съ Хронографомъ видна какъ изъ того, что въ позднѣйшей редакціи, редакціи послѣ 1547 г., эти оба памятника соединены въ одномъ сборникѣ, такъ и изъ того, что въ этой редакціи Хронографъ подвергся сокращенію въ русской своей части, при чемъ это удовлетворительно объясняется вставкою въ сборникъ—Новгородской IV лѣтописи до 1447 года, замѣною этою лѣтописью краткой выборки изъ лѣтописи Псковской. Въ виду этого, повторю еще разъ свое предположеніе: выпустивъ московскую лѣтопись за Плачемъ о взятіи Царяграда, редакторъ 1512 года замѣнилъ ее извлеченіями изъ Псковской лѣтописи, а затѣмъ самостоятельною (составленною, конечно, на основаніи мѣстныхъ источниковъ) лѣтописью Псковскихъ событій 1482-1509 г. Я не сталъ бы настаивать на такомъ предположеніи, если бы оно не было подсказано мнѣ еще другими соображеніями.

Если на основаніи предыдущаго признать хоть нѣкоторую вѣроятность за предположеніемъ о томъ, что редакціи 1512 года возникла во Псковѣ, то еще болѣе основанія пріобрѣтаетъ догадка, что составителемъ этой редакціи былъ инокъ Спасо-Елеазарова монастыря въ Псковѣ, извѣстный старецъ Фи-

лоѳей. Эта догадка основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ. Выше я указалъ на установившееся мнѣніе, что Плачъ о паденіи Царяграда, помѣщенный въ 208 главѣ хронографа редакціи 1512 года, составленъ самимъ редакторомъ. Авторъ Плача, указавъ на опустошеніе и паденіе благочестивыхъ царствъ Греческаго, Болгарскаго (Новоіерусал. сп.), Сербскаго, Басанскаго, Арбаназскаго и многихъ иныхъ, покоренныхъ турками, восклицаетъ: «Наша же Россійская (русская: Новоіерусал. сп.) земля, Божіею милостію и молитвами Пречистыя Богородица и всѣхъ Святыхъ чюдотворецъ, растетъ и младѣетъ и возвышается; ей же, Христе милостивый, даждь расти и младѣти и разширятися до скончанія вѣка». Невольно припоминаются слова Филоѳея въ концѣ его посланія къ дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю, писаннаго до 1524 года[1]): «И да вѣси, христолюбче и боголюбче, яко вся христіанская царства преидоша въ конецъ и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческимъ книгамъ, то есть россійское царство; два убо Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти», и нѣсколько ниже: «Видиши ли, избранниче Божій, яко христіанская царства потопишася отъ невѣрныхъ. Токмо единаго нашего государя царство, благодатію Христовою, стоитъ». Смыслъ приведенныхъ выше словъ изъ Плача и этихъ знаменитыхъ словъ Филоѳея одинъ и тотъ же: принадлежность ихъ одному и тому же автору вѣроятна. Филоѳей охотно возвращался къ этой своей мысли: такъ, она выражена и въ посланіи его къ в. кн. Василію Ивановичу, написанному по нѣкоторымъ соображеніямъ между 1514 и 1521 гг. (Вс. Срезневскій, въ Словарѣ русскаго историческаго общества)[2]); ср. слова: «И да вѣсть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христіанскія вѣры снидошася въ твое едино царство: единъ ты во всей

---

1) Когда должны были исполниться опровергаемыя Филоѳеемъ астрологическія предсказанія Николая Нѣмчина (ср. Прав. соб. 1861, II, 80).

2) Выпускъ, гдѣ помѣщена статья Вс. Срезневскаго «Филоѳей», еще не вышелъ.

поднебеснѣй христіаномъ царь». Въ посланіи къ Мунехину старецъ Филоѳей обнаружилъ довольно обширную начитанность; нельзя не замѣтить при этомъ, что въ немъ упомянутъ «Гранографъ» («гранографы же, пять дней мимотекше, начаша отъ перваго Адама и донынѣ», т. е. ведутъ счетъ лѣтъ отъ сотворенія Адама). Тамъ, гдѣ Филоѳей говоритъ о Латышѣхъ (Прав. соб. стр. 90), видно его знакомство съ хронографомъ или, по крайней мѣрѣ, со сказаніемъ о Латынѣхъ, вошедшимъ въ составъ хронографа: «Бѣша съ нами во единствѣ 770 лѣтъ, егда отпадоша отъ православныя вѣры 735 лѣтъ, во аполлинаріеву ересь впадше, прельщени Каруломъ царемъ и папою Ѳармосомъ»[1]). Кромѣ того, при сравненіи Филоѳеева посланія съ Плачемъ о паденіи Царяграда, насъ останавливаетъ еще слѣдующая общая между ними мысль. Господь Богъ «не до конца положи во отчаяніе благочестивая царства, аще и предасть невѣрнымъ, не милуя ихъ, но нашего согрѣшенія отмщая и обращая насъ на покаяніе, и сего ради остави намъ сѣмя (Новоіерусал.), да не будемъ яко же Содомъ и не уподобимся Гомору. Сіе же сѣмя яко (Новоіерусал.) искру скры въ пепелѣ во тмѣ невѣрныхъ властей, сѣмя же, глаголю, патріаршескія, митропольская и епископскыя престолы, и на точію сѣмя сіе, но и главы (гл҃а: Новоіерусал.) православныя вѣры, иже невредимы пребываютъ по великимъ градомъ во священныхъ церквахъ. Такоже и матерь церквамъ во Іерусалимѣ, идѣже совершися благочестія тайна, соблюдаетъ нерушиму»... (Изборникъ, стр. 86). Нельзя не видѣть въ этихъ словахъ опроверженія сомнѣній православныхъ на Руси, что греческія святыни, да и самъ Іерусалимъ осквернены нечестивымъ, почему связь съ греческою церковью должна быть порвана. Противъ этого же сомнѣнія возражаетъ Филоѳей въ своемъ посланіи: «аще убо агаряне въ руцы греческое царство пріяша, но вѣры

---

1) Кажется, изъ этого мѣста слѣдуетъ заключить, что Филоѳей писалъ въ 1525 г. по Р. Х.; переводя этотъ годъ на обычный счетъ отъ Адама (*5500* лѣтъ), видимъ, что это былъ 7025-й годъ или по нашему счетъ (5508 л. отъ С. М.)— 1517 годъ. 770 лѣтъ, думаю, ошибка вм. 790.

не повредиша, ниже насильствуютъ грекомъ отъ вѣры отступити». Въ виду указанной внутренней (общія мысли) и внѣшней (ссылка на хронографъ) связи посланія Филоѳея съ Хронографомъ редакціи 1512 года, считаю весьма вѣроятнымъ, что именно онъ составилъ эту редакцію.

Подтвержденіемъ высказаннаго здѣсь мнѣнія о томъ, что Хронографъ 1512 г. составленъ во Псковѣ, можетъ служить рядъ соображеній, доказывающихъ, что послѣдняя глава его «Плачъ о паденіи Царяграда» тѣсно связана съ отношеніями Филоѳея къ М. Г. Мисюрю Мунехину, дьяку в. князя, управлявшему Псковомъ отъ 1511 до 1528 г. Соображенія эти изложены въ статьѣ, озаглавленной «Путешествіе М. Г. Мисюря Мунехина на Востокъ и Хронографъ 1512 г.» и помѣщенной въ 1-й кн. IV тома Извѣстій Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н. (1899 г.).

Предидущее изслѣдованіе выяснило, съ одной стороны, ближайшее отношеніе редакціи 1512 года Хронографа къ Пскову: ср. соединеніе ея со Псковскою лѣтописью; съ другой, оно указало на связь Плача о паденіи Царяграда съ сочиненіями старца Филоѳея; упомянутая же статья, установивъ знакомство Филоѳея съ хронографомъ, связала при посредствѣ Филоѳея, какъ автора и редактора, Плачъ о паденіи Царяграда и прочія сочиненія, съ сказаніемъ о путешествіи Михаила Григорьевича Мунехина. Въ виду этого, приступаю къ изложенію выводовъ, уже частью высказанныхъ и выше. Редакція хронографа, составленная въ Москвѣ въ 1508 году, была привезена дьякомъ Мунехинымъ въ 1511 году въ Псковъ. Здѣсь она, въ слѣдующемъ 1512 году, подверглась передѣлкѣ и обработкѣ со стороны старца Филоѳея, раздѣлившаго хронографъ на главы и замѣнившаго выборку изъ русскихъ лѣтописей послѣ 1453 года (паденіе Царяграда) выборкою изъ лѣтописи Псковской: изложивъ Псковскія событія до 1482 года кратко и не самостоятельно (на основаніи списка Псковской лѣтописи), онъ приступилъ съ 1482 года къ самостоятельному изложенію Псковскихъ

событій и довелъ ихъ до 1509 года[1]). Можетъ быть, впрочемъ, Филоѳей продолжалъ лѣтопись и дальше: мы имѣемъ основаніе предполагать, что Псковская лѣтопись въ одной изъ позднѣйшихъ редакцій, сходной, однако, со списками Хронографа, оканчивалась 1523 годомъ (ср. Горюшкинскій списокъ Софійской 1-й лѣтописи, въ которомъ съ 1481 по 1523 г. изложены псковскія событія; VI т. П. С. Р. Л., стр. 22—30): быть можетъ, Филоѳей продолжилъ свою лѣтопись до этого года. Впослѣдствіи, въ спискѣ Хронографа Филоѳеева лѣтопись продолжена до 1547 года: въ этомъ году, или вскорѣ послѣ этого года, начало выборки изъ Псковской лѣтописи замѣнено Новгородскою 4-ю лѣтописью до 1447 года, въ связи съ чѣмъ стоитъ сокращеніе русской части

1) Какъ мы видѣли, эта лѣтопись имѣла продолженіе, доведенное въ одной изъ позднѣйшихъ редакцій до 1547 г.: можетъ быть, — именно въ редакціи Хронографа.—Въ 1567 г. (ср. IV, 318) была составлена новая редакція Псковской лѣтописи: въ основаніе положена лѣтопись до 1482 года (которою пользовался Филоѳей) и Филоѳеева лѣтопись 1482—1509 съ продолженіемъ ея до 1547 года. Представителями этой редакціи оказываются списки Строевскій, Архивскій IV и Эрмитажный. Мнѣ кажется, въ самомъ началѣ самостоятельной части этой редакціи можно указать на знакомство лѣтописца съ идеею Филоѳея о московскомъ государствѣ, идеею, которой онъ не сочувствуетъ, при чемъ изъ словесной ея передачи можно заключить о знакомствѣ его именно съ Плачемъ о паденіи Царяграда, а слѣдовательно еще съ тою редакціею Филоѳеевой лѣтописи, гдѣ она была слита съ Хронографомъ. Лѣтописецъ 1567 г. не сочувствуетъ московскимъ симпатіямъ старца Филоѳея. Онъ начинаетъ свою лѣтопись упрекомъ в. кн. Василію Ивановичу, нарушившему и перемѣнившему въ 1510 г. обычай Псковскій, «забывъ отца своего и дѣдовъ его слова и жалованья до Псковичь и крестнаго цѣлованья». Далѣе читаемъ: «А все то за наше согрѣшеніе такъ Богъ повелѣлъ быти. Занеже писано во Апокалипсисѣ глава 54: пять бо царей минуло, а шестый есть, но не у бѣ пришелъ; шестое бо царство именуетъ въ Руси Скиѳскаго острова (это точно пародія на слова Филоѳея: два убо Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти): си бо именуетъ шестый, и седмый потомъ же, а осмый антихристъ». И далѣе, очевидно, о московскомъ царствѣ: «сему бо царству разширятися и злодѣйству умножитися» (ср. IV, 282): это пародія на слова Филоѳея въ Плачѣ о паденіи Царяграда: «ей же (т. е. россійской землѣ), Христе милостивый, даждь расти и младѣти и разширятися до скончанія вѣка». Лѣтописецъ 1567 г. возвращается къ той же темѣ подъ 1547 годомъ, гдѣ, по поводу вѣнчанія Івана Васильевича съ Анастасіею на царство, говорится: «и восхотѣ царство устроити на Москвѣ: и якоже написано во Апокалипсисѣ глава 54: пять бо царевъ минуло, а шестой есть, но не у бо пришло, но се абіе уже настало и приде» (IV, 307).

этого Хронографа редакціи послѣ 1547 г., сравнительно съ Филоѳеевою редакціею 1512 года. Такимъ образомъ, редакція 1512 года является въ двухъ видахъ: полномъ,—когда она не соединена съ Новгородско-Псковской лѣтописью, и сокращенномъ,—когда ее сопровождаетъ эта лѣтопись. Впрочемъ, эта сокращенная редакція получила распространеніе и въ отдѣльномъ видѣ, подобно тому какъ въ отдѣльномъ отъ Хронографа видѣ извѣстна и Новгородско-Псковская лѣтопись.

VIII.

Редакція 1508 года подверглась въ Москвѣ продолженію въ 1520 году: я указывалъ выше на основанія, почему мы должны признать существованіе такой редакціи Хронографа. А именно, не подлежитъ сомнѣнію, что Никоновская лѣтопись пользовалась Хронографомъ, обосложненнымъ русскими лѣтописными извѣстіями: это доказывается между прочимъ общностью многихъ статей Никоновской лѣтописи и Русскаго Временника (особой редакціи Хронографа). Но доказать пользованіе Никоновскою лѣтописью Русскимъ Временникомъ нельзя, хотя бы потому, во 1) что общія статьи между обоими этими памятниками доходятъ только до 1520 г., лѣтописный же разсказъ Русскаго Вр. продолжается до 1533 г., во 2) что въ Никоновской лѣтописи опущенъ рядъ новгородскихъ извѣстій Русскаго Временника (напр. подъ 1508 и 1519 гг.). Вообще, оказывается, что съ 1521 года Никоновская лѣтопись пользуется только однимъ источникомъ— Воскресенскою лѣтописью; напротивъ, до этого года видно присутствіе нѣсколькихъ источниковъ. Одинъ изъ нихъ — протографъ Львовской и Софійской 2-й лѣтописи оканчивался 1518 годомъ (это ясно изъ сравненія обѣихъ этихъ лѣтописей, при чемъ Архивскій списокъ Софійской 2-й лѣтописи оканчивается именно этимъ годомъ); отсюда необходимо предположить, что другой источникъ доходилъ до 1520 года. Что этимъ источникомъ былъ Хронографъ, ясно хотя бы изъ того, что находящаяся въ Никон. лѣто-

писи подъ 1520 г. обширная статья «О иконахъ владимерскихъ» не читается въ Воскресенской лѣтописи (а также во Львовской), но она есть въ Русскомъ Временникѣ, а слѣдовательно была въ той болѣе древней редакціи хронографа, которая находилась въ распоряженіи составителя Никоновской лѣтописи. Отсюда видно, что заимствованія изъ Хронографа въ Никоновскую лѣтопись простирались до 1520 г., почему къ этому именно году можно относить составленіе одной изъ позднѣйшихъ его редакцій. Я не стану подробно останавливаться на предполагаемомъ составѣ русскихъ статей этого Хронографа; замѣчу только, что возстановленіе ихъ возможно при помощи сравнительнаго изученія Никоновской лѣтописи и другихъ лѣтописныхъ сводовъ, бывшихъ ея источниками. Что касается остальныхъ статей этой редакціи, то ихъ возстановленіе достигается сравнительнымъ изученіемъ Никоновской лѣтописи, съ одной стороны, списковъ хронографа— Толстовскаго и сходныхъ съ нимъ, съ другой; вмѣстѣ съ тѣмъ къ сравненію должны быть привлечены и такіе памятники, какъ указанный выше списокъ Хронографа 1599 года, гдѣ слиты двѣ редакціи — редакція 1512 г. и редакція, не раздѣленная на главы. Замѣчательно между прочимъ, что редакторъ 1520 года пользовался нѣкоторыми изъ греческихъ источниковъ, которые были доступны и редактору 1442 г., т. е. Пахомію: такъ, въ его распоряженіи находился Паралипоменъ Зонары въ томъ же краткомъ видѣ его, отрывки котораго были приведены и Пахоміемъ, какъ это ясно изъ данныхъ, имѣющихся въ редакціи 1512 года. Истринъ, называющій редакцію Александріи по спискамъ Хронографа, не раздѣленнаго на главы—третьею, доказалъ, что въ ней, сравнительно съ четвертою редакціей (т. е. редакціей 1512 года), сдѣланы нѣкоторыя добавленія изъ Зонарина Паралипомена (ср. Александрія русск. хроногр., стр. 288). Поповъ показалъ, что оттуда же заимствованъ въ Толст. сп. I, № 172 разсказъ о царствѣ Василія Болгарскаго губителя, какъ это видно изъ редакціи 1512 года, содержащей вм. этого разсказъ Манассіи, внесенный въ Хронографъ Пахоміемъ (Обзоръ, I,

стр. 179—181). Кромѣ Зонары, составитель редакціи 1520 года обратился несомнѣнно еще къ нѣкоторымъ греческимъ (переводнымъ) источникамъ: но опредѣлить ихъ мнѣ не удалось. Будущему изслѣдователю хронографа предстоитъ прежде всего указать на тотъ греческій матеріалъ, которымъ, сравнительно съ Пахоміевою редакціей, была дополнена редакція 1520 г. Задача эта осложняется тѣмъ, что далеко не все, что мы въ редакціи, не раздѣленной на главы, находимъ излишнимъ, сравнительно съ редакціей 1512 года, можетъ объясняться какъ дополненіе, внесенное новымъ редакторомъ 1520 года: дѣло въ томъ, что редакторъ 1512 года самъ значительно отступалъ отъ своего подлинника, сокращая и измѣняя его. Небрежное отношеніе редакціи 1512 года доказывается, напримѣръ, тѣмъ, что въ ней почти никогда не обозначается число того или другого греческаго царствованія: но при царствованіяхъ Михаила и Ѳеодоры, Василія Македонянина, Льва премудраго указано, что они были 86-мъ, 87-мъ и 88-мъ по порядку; редакція, не раздѣленная на главы, ведетъ точный счетъ христіанскимъ царствамъ, почему названныя три царства обозначаются какъ 44-е, 45-е, 46-е. Въ основной редакціи, кажется, обозначались два числа: первое по порядку, начиная съ Августа, а второе, считая отъ Константина Великаго; ср. въ редакціи 1512 года указанія на то, что Констанціево царство было вторымъ, Валентово пятымъ (по другой редакціи шестымъ), Маркіаново десятымъ. Возможно, впрочемъ, что редакторъ 1520 г. имѣлъ въ своемъ распоряженіи какую-нибудь греческую хронику, изъ которой могли быть заимствованы нѣкоторыя хронологическія и фактическія данныя. Ср. внесеніе хронологическихъ данныхъ въ царствованія византійскихъ императоровъ, напр. указаніе на годъ вступленія Тиверія на престолъ (6070), его преемника Маврикія (6075) и т. д. Особенно убѣдительно доказывается пользованіе новыми источниками разсказомъ о смерти Льва мудраго, гдѣ къ разсказу Амартола, довольно точно переданному въ редакціи 1512 года, добавлено, что сынъ Льва Константинъ былъ рожденъ отъ четвертой жены его. Что редакторъ

1520 года не ограничился одной перепиской своего оригинала, а пожелалъ дополнить его, видно между прочимъ изъ того, что онъ внесъ въ свою переработку хронографа ту особаго состава повѣсть о взятіи Царяграда турками, которая читается въ Толст. и сходныхъ спискахъ (напечатана въ Изборникѣ Попова, стр. 87—91). Нахожу слѣдующія основанія для утвержденія, что повѣсть эта вставлена была уже въ редакціи 1520 года, если же не въ ней, а въ послѣдующей редакціи, то во всякомъ случаѣ въ редакціи, предшествующей той редакціи, не раздѣленной на главы, которая отразилась въ Толстовскомъ и сходныхъ спискахъ. Повѣсть эта извѣстна не только изъ указанныхъ списковъ, но также и изъ нѣкоторыхъ другихъ редакцій Хронографа, гдѣ она частью является въ видѣ дополнительной статьи, а частью входитъ въ составъ самого Хронографа, замѣняя Плачъ о паденіи Царяграда. Такъ, въ спискахъ Погод. 1404 а и Акад. № 991 (3), въ самомъ концѣ ихъ, между «Родствомъ великихъ князей литовскихъ» и «Повѣстью о Митяѣ», эта повѣсть помѣщена подъ заглавіемъ: «Царство 87 в констянтине граде». Начало повѣсти слѣдующее: «Костянтинъ братъ ивановъ драгосъ палеологъ царствова 11 лѣтъ. Въ царство же сего костянтина от создания миру в лѣто 6961 обращаше уже в мысли» и т. д., какъ въ Толст. сп. (Изборникъ, стр. 87). Въ Акад. сп. № 399, представляющемъ хронографъ редакціи 1512 г., опущенъ Плачъ о паденіи Царяграда: вслѣдъ за послѣднимъ русскимъ извѣстіемъ 1451 года (послѣ словъ: ї мняху великаго князя пришедша) здѣсь читается статья, помѣщенная, напр. въ Погод. 1404 а, Акад. 991 и др., за Плачемъ, а именно «Царство 17 в самари», а за нею читается повѣсть о взятіи Царяграда съ тѣмъ же заглавіемъ и тѣмъ же началомъ, какъ въ только что указанныхъ двухъ спискахъ. Уже самое заглавіе этой повѣсти показываетъ, что она заимствована изъ хронографа и при томъ редакціи, сходной съ редакціею Толст. и сходныхъ списковъ, гдѣ указывается число царствъ, начиная съ перваго христіанскаго царства; на то же указываетъ данное въ началѣ повѣсти число лѣтъ Кон-

стантинова царствованія — одиннадцать, что, какъ мы видѣли, явилось, благодаря ошибочному расчету, вм. четырехъ; ср. въ Толст. и сходныхъ спискахъ: «царствова въ цариградѣ братъ его константинъ драгошь палеѡлогь лѣтъ 11». Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что повѣсть заимствована не изъ редакціи Толст. и сходныхъ списковъ: въ нихъ Константиново царство названо не 87-мъ, а 86-мъ (Царство 86 константина брата калоуıанова), при чемъ разница въ счетѣ объясняется тѣмъ, что въ редакціи Толст. и сходныхъ списковъ не принято въ расчетъ царствованіе Михаила Калафата, о которомъ говорится въ 57-мъ царствованіи Михаила Пефлагонянина. Такимъ образомъ, послѣ этого 57-го царствованія, царствованіе Константина Мономаха названо 58-мъ, между тѣмъ какъ, напр. по перечню греческихъ императоровъ, какъ онъ читается въ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ Никоновской лѣтописи (IX, стр. XXI), 58-мъ помѣчено царствованіе Михаила Калафата, а царствованіе Константина Мономаха названо 59-мъ, почему царствованіе Калуяна оказывается 86-мъ, тогда какъ въ Толст. и сходныхъ спискахъ 85-мъ. Имѣя же въ виду, что Константину приписывалось одиннадцать лѣтъ царствованія уже въ общемъ подлинникѣ редакцій 1512 г. и не раздѣленной на главы (см. выше), мы можемъ съ увѣренностью утверждать, что повѣсть о взятіи Царяграда попала въ указанные нами списки хронографа изъ редакціи болѣе древней, чѣмъ редакція списковъ Толст. и сходныхъ. Не стала ли эта повѣсть извѣстною редактору 1520 года изъ одного изъ новыхъ его источниковъ, которыми онъ дополнилъ первоначальную редакцію хронографа? Не подлежитъ сомнѣнію, что эта повѣсть переведена съ греческаго.

На основаніи того, что редакція Толстовскаго и сходныхъ списковъ представляетъ именно эту повѣсть, а не Искендерову, вошедшую, какъ увидимъ ниже, въ составъ редакціи 1533 года, думаю, что именно редакція 1520 года подверглась въ концѣ XVI вѣка той своеобразной обработкѣ, въ результатѣ которой явилась дошедшая до насъ редакція, не раздѣленная на главы.

Мы видѣли выше, что по мѣсту происхожденія эта редакція относится къ юго-западу Россіи: объ этомъ свидѣтельствуютъ какъ списки этой редакціи, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ три носятъ отпечатокъ южно-русскаго происхожденія (Толстовскій, Тихонравовскій и Виленскій), такъ въ особенности ея составъ; хронографъ соединенъ съ выписками изъ хроники М. Бѣльскаго и при томъ не въ томъ переводѣ, которымъ воспользовался въ 1617 году составитель новой редакціи хронографа въ Москвѣ. Цѣлью составителя редакціи, не раздѣленной на главы, — было дать обзоръ историческихъ событій европейскихъ народовъ. Вотъ почему онъ исключилъ изъ своего труда всю первую половину хронографа, повѣствовавшую о ветхозавѣтныхъ событіяхъ и началъ его обработку съ Александріи; вотъ почему, съ другой стороны, онъ старался выпустить все то, что имѣло спеціально русскій интересъ, касалось только русской исторіи: это удалось ему, какъ мы видѣли, въ извѣстной лишь степени, такъ какъ, наряду съ устраненіемъ извѣстій о крещеніи Руси и нашествіи Батыя, находимъ упоминаніе о нѣкоторыхъ малозначительныхъ событіяхъ XIV в., не говоря уже о томъ, что начальныя событія русской исторіи (походъ Олега, нападеніе печенѣговъ на Кіевъ) изложены довольно обстоятельно; вотъ почему, наконецъ, списавъ повѣсть о паденіи Царяграда, послѣднюю статью хронографа нерусскаго происхожденія, онъ совершенно отложилъ свой оригиналъ въ сторону и обратился къ заимствованіямъ изъ польской хроники Мартина Бѣльскаго. Мнѣ кажется довольно вѣроятнымъ, что въ распоряженіи южно-русскаго редактора хронографа не было иныхъ русскихъ или греческихъ источниковъ, кромѣ самого хронографа 1520 г.; поэтому весь текстъ хронографа этой редакціи, вплоть до выписокъ изъ М. Бѣльскаго, долженъ быть возведенъ къ болѣе древней редакціи хронографа. Дѣйствительно, сопоставленіе этой редакціи съ хронографическими статьями Никоновской лѣтописи не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что отступленія въ греческихъ статьяхъ, сравнительно съ первоначальною редакціей, восходятъ именно къ редакціи 1520 г.

Въ 1533 году возникла новая редакція хронографа и притомъ, кажется, не стоящая ни въ какой связи съ только что разсмотрѣнною южно-русскою редакціей. Отличія ея отъ редакціи 1520 г., положенной въ ея основаніе, состоятъ: во 1) въ продолженіи лѣтописнаго разсказа отъ 1521 по 1533 годъ (по августъ мѣсяцъ этого года), во 2) въ вставкахъ и добавленіяхъ въ русскихъ статьяхъ хронографа, въ 3) въ замѣнѣ разсмотрѣнной выше повѣсти о взятіи Царяграда турками другою обширною повѣстью о томъ же, повѣстью, авторомъ которой оказывается какой-то Искендеръ. Что эта редакція была продолжена по 1533-й годъ, свидѣтельствуютъ какъ Русскій Временникъ, такъ и Воскресенская и Львовская лѣтописи, пользовавшіяся, и притомъ каждая самостоятельно, хронографомъ 1533-го года. Русскія статьи редакціи 1520 года были дополнены нѣкоторыми новгородскими извѣстіями: сюда относится извѣстіе объ устройствѣ рядовъ, распланированіи улицъ и постройкѣ новаго моста въ Новгородѣ въ 1508 г. (Русск. Вр. II, 268), а также извѣстіе о новой организаціи суда въ Новгородѣ въ 1519 г. (тамъ же, II, 312). Присутствіе цѣлаго ряда новгородскихъ извѣстій и въ части 1521-1533 г. (нѣкоторыя изъ нихъ путемъ заимствованія попали въ Львовскую лѣтопись) указываетъ на мѣсто составленія этой редакціи хронографа — это Новгородъ; тѣсная же связь приводимыхъ здѣсь новгородскихъ извѣстій съ именемъ архіепископа Макарія, упоминаемымъ почти при каждомъ изъ нихъ, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что редакція эта составлена по распоряженію или при ближайшемъ участіи преосвященнаго владыки[1]). Что въ хронографѣ редакціи 1533 года читалась Искендерова повѣсть о взятіи Царяграда, видно изъ того, что она помѣщена въ Воскресенской лѣтописи, откуда она попала и въ Никоновскую, вставившую между этой повѣстью и разсказомъ о началѣ Царяграда перечень византійскихъ христіанскихъ царей (V,

---

1) Ср. подъ 1526 (Русск. Вр. II, 343), подъ 1528 (II, 345—346), подъ 1530 (II, 349), подъ 1531 (II, 352), подъ 1533 (II, 359).

227—231). На то же указываетъ и позднѣйшая редакція хронографа — хронографъ 1617 года, составленный на основаніи редакціи 1512 г., но дополненный, а частью и исправленный по редакціи 1533 года (ср. статью объ отложеніи мясъ, гдѣ сохранено первоначальное, сравнительно съ редакціей 1512 г., чтеніе): здѣсь мы въ 158-й главѣ читаемъ въ сокращеніи ту же Искендерову повѣсть, хотя впрочемъ она могла быть заимствована и не изъ редакціи 1533 г., а изъ Никоновской лѣтописи: ср. заимствованіе изъ этой лѣтописи Сказанія Пересвѣтова, помѣщеннаго вслѣдъ за повѣстью. — Редакція 1533 года вскорѣ перешла изъ Новгорода въ Москву: уже въ 1534 году ею воспользовался составитель протографа или древнѣйшей редакціи Львовской лѣтописи и при томъ въ спискѣ, гдѣ въ концѣ хронографа было записано московское извѣстіе, относящееся къ декабрю 1533 года, о слитіи колокола Николаемъ Нѣмчинымъ.

Изъ позднѣйшихъ передѣлокъ редакціи 1533 года укажу на Русскій Временникъ. Цѣлью его составителя было извлечь изъ хронографа русскія статьи; исключеніе греческихъ и южно-славянскихъ статей сдѣлано съ замѣчательною послѣдовательностью: я могъ привести выше лишь немногіе остатки этихъ статей, состоящіе главнымъ образомъ въ сохраненіи нѣкоторыхъ переходныхъ фразъ. Кажется, эту передѣлку редакціи 1533 года надо отнести ко второй половинѣ XVI вѣка, если допустить, что прибавленіе различныхъ добавочныхъ статей (О преставленіи Александра Свирскаго, Сказаніе вкратцѣ отъ житія Данила Переяславскаго) принадлежитъ именно редактору указанной передѣлки. Ему же принадлежитъ и вставка нѣкоторыхъ статей; ихъ легко отличить отъ основного текста, такъ какъ, повидимому, онѣ всегда вводятся словами: «а се отъ иного лѣтописца». Ср. въ особенности вставку подъ 1521 годомъ о нашествіи та-

таръ (Русск. Вр. II, 325—337), вставку, восходящую къ Степенной книгѣ (II, 193—202).

Ограничиваюсь указанными замѣчаніями о литературной судьбѣ Пахоміеваго хронографа: дальнѣйшее изслѣдованіе о позднѣйшихъ редакціяхъ хронографа не входитъ въ мою задачу.

